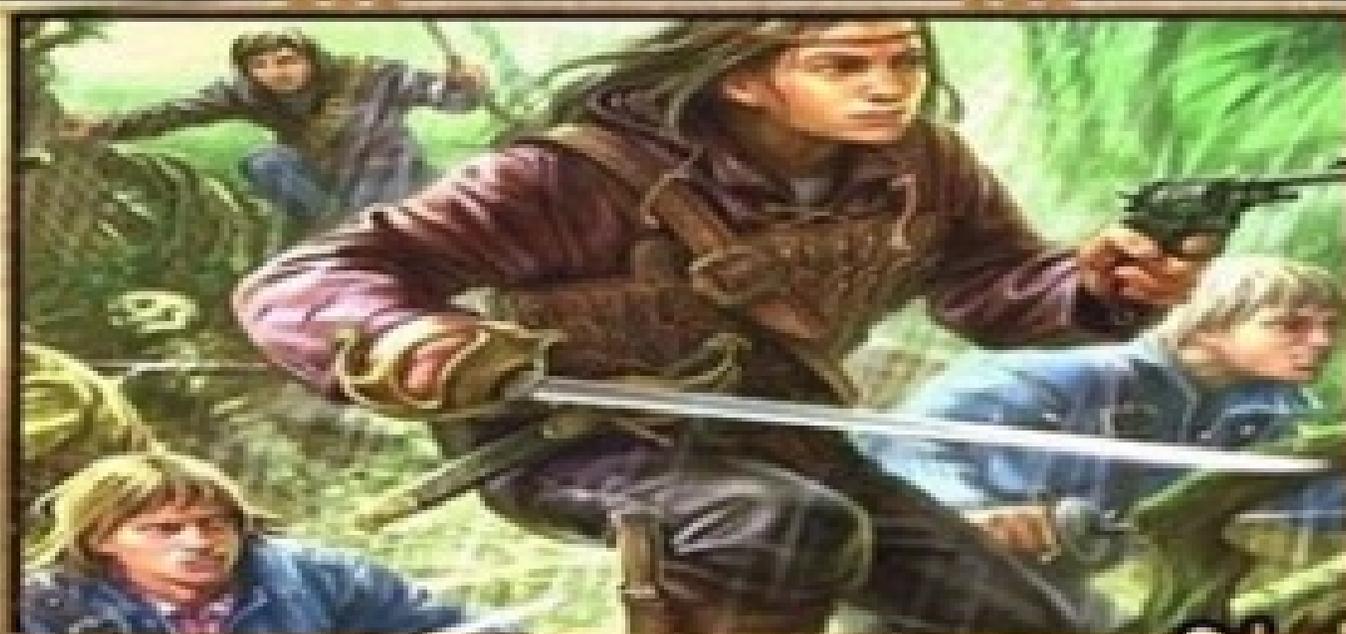

Верещагин Олег

ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

2017

Annotation

На одной из первоначально освобождённых землянами, вновь захваченных Альянсом в ходе Первой Галактической Войны, осталась группа детей-землян. На долгие годы осталась.

Верещагин Олег Николаевич

Волчья песнь

*И над степью зловеще
Ворон пусть не кружит!
Мы ведь целую вечность
Собираемся жить...*

"Погоня".

Первая Галактическая Война

Наспех созданный Альянс Четырёх Рас (сторки, джаго, нэйкельцы, дайрисы) воспользовавшись сразу несколькими поводами, начинает войну с Землёй в конце пятого года с момента выхода Земли в дальний космос, принудив к войне против неё так же множество рас, в той или иной степени подконтрольных членам Альянса. Тем не менее, земляне, тоже активно готовившиеся к неизбежной войне, наносят врагам целый ряд ошеломительных, сокрушительных поражений. На их сторону переходит множество представителей многих рас, связывающих с Землёй надежды на освобождение своих народов от жестокого гнёта рас Альянса. Но постепенно победное наступление землян захлёбывается — они оказались просто не в состоянии оценить размеры вражеских владений и ресурсы врага. Бесконечно растянутые и всё более и более растягивающиеся фронты и нехватка бойцов заставляют землян в 8-11 г.г. П.Г.В. перейти к обороне и надеяться на старательно подготавливаемые во вражеских тылах восстания покорённых рас. Длительная и изнурительная для обеих сторон позиционная война прерывается в 15–17 г.г. П.Г.В. массированным наступлением сил Альянса. С тяжелейшими боями земляне отступают всё дальше и дальше и в начале третьего десятилетия войны оказываются заперты всего в нескольких планетных системах. Однако в ответ на предложения Альянса о сдаче Земля объявляет ему тотальную войну и, за кратчайшие сроки сформировав новые, буквально всенародные, армии, на 22 году войны наносит врагу "удар отчаянья". Высота и изощрённость военного планирования, мужество бойцов и усталость врага, тоже всё поставившего на одну карту, позволяют Земле в одной грандиозной операции в системе планеты Сельговия фактически лишить Альянс подготовленной армии и почти лишить — военного и транспортного флота. На сторону Земли уже официально переходят сразу несколько сильнейших подчинённых рас Альянса (скиутты, шэни, нэрионы, гаргайлианцы). Земные флоты готовятся к атаке почти всех "материнских планет" врага. Ошеломлённый, начавший рассыпаться от обострённых поражением старых внутренних противоречий, охваченный восстаниями подчинённых рас, Альянс просит мира и на 25 году войны капитулирует перед Землёй и распадается, лишившись не только уже столь близкой победы, но и значительной части своих территорий.

BD+20 1426 (мьюри — Таронга, джаго — Бадхаг, земляне — Ближня): расстояние до Солнца — 45 парсек... Спектральный класс G0V, радиус — 1.1, масса — 1. Тепловое излучение ок. 50 тыс. Кельвин... Один спутник (мьюри — Маретау, джаго — Вайхар, земляне — Одиночка), планета пригодна для жизни...

ОДИНОЧКА : орбитальный радиус — 0.9, величина — 1, период обращения — 323 дня... естественный спутник — Неразлучный, величина — 2, расстояние — 2...

Масса планеты — 1, плотность 1, сила тяготения — 1... Радиус — 7254 км., длина экватора — 42 371 км... Общая площадь поверхности — 520 002 435, 11 кв. км...

Водой занято 74 % поверхности... Среднее атмосферное давление 1, содержание кислорода — 23 %...

Наклон оси $65^{\circ} 12'$. Период обращения — 22 часа...

Одиночка полностью геоморфна ботанически... Два больших материка в западном и восточном полушарии планеты (51 и 44 % площади суши соответственно)... характерная особенность планеты — гигантские реки, текущие с севера на юг материков...

История: планета была открыта примерно пять веков назад беженцами с одной из колоний Йенно Мьюри, однако, уже через недолгое время захвачена джаго, которые рассматривал этот мир, как наиболее удобный форпост на пути к своей материнской планете. Метрополия на помощь колонистам-мьюри не пришла, поскольку, видимо, даже не подозревала об их существовании.

В 10 г. П.Г.В. планета была практически без боя захвачена земным десантом. С того же года началось характерное для политики того времени поспешное заселение её земными колонистами, число которых к 15 г. П.Г.В. достигло 12 млн. чл., в основном — подданных Русской Империи и русских по национальности (потомков мьюри насчитывалось до 150 млн., количество постоянно проживавших на планете джаго было незначительным). В конце того же года земное население колонии (и немалое количество мьюри) пришлось поспешно эвакуировать из-за начавшейся полосы неудач в боях, завершившейся массированным наступлением сил Альянса. Эвакуация прошла с большими потерями из-за постоянных атак джаго и высадки их десантов.

Однако в 23 г. П.Г.В. ОВС Земли вновь практически без боя взяли планету. С той поры Одиночка является вассальной планетой Русской Империи.

Серия "Планеты и Луны исследованной Вселенной."

Том 86. "Одиночка"

В сочетании с окружающей обстановкой те, кто лежал над дорогой, создавали почти совершенный пейзаж для картины кого-нибудь из романтиков — зелёный лес и эльфы в нём.

Ну, густой зелёный лес, что правда, то правда, простирался на сотни и сотни километров — эти места на Левобережье были заброшены ещё во время большой войны, в те времена, когда колонисты-мьюри пытались сопротивляться вторжению джаго. Для пришедших позже людей это была даже не история, а скорей легенда земли, в которую они пришли.

Впрочем, и самим людям сейчас угрожала прямая опасность стать легендой — и не только здесь, но и вообще. В масштабах Галактики...

...Никому из лежавших над дорогой не было на вид более шестнадцати лет. Их одежда носила следы очень долгой бродячей жизни "на свежем воздухе" — такой жизни, когда этот "свежий воздух" начинает временами превращаться в серьёзную проблему и даже угрозу для жизни. Лица и руки — незагорелые из-за постоянного пребывания в лесу, но обветренные, со следами зимних обморожений (хотя стоял по земному календарю конец апреля, правда — здешнего, двадцатисемидневного), волосы — выгоревшие. Всё та же одежда могла бы натолкнуть стороннего наблюдателя на мысль, что перед ним — дикари, но отлично вычищенное и ухоженное огнестрельное оружие указывало обратное. Это были люди, земляне. Только внешне преображённые долгой и трудной жизнью в лесах...

Возле самого гребня холма, держа у глаз мощный бинокль, лежал рослый, стройный парень, которого внешне без натяжки можно было назвать взрослым. Длинные, откинутае назад и схваченные ремешком в "хвост" рыжеватые волосы падали на спину, обтянутую меховой курткой-безрукавкой, потёртые до полной белизны и многократно залатанные джинсы были забраны в невероятно побитые и поцарапанные туристские ботинки.

Рядом с ним, покусывая веточку, лежал на боку, подперев голову рукой, светловолосый юноша — волосы перетянуты повязкой из замши, куртка — простейшая прямоугольная накидка с отверстием для головы, штаны-клёши со шнуровкой и короткие мягкие сапоги-мокасины, явные самоделки.

Четверо других парней и пятеро девушек, лежавших вокруг, были одеты не менее странно — и мало на ком оставались хоть какие-то части одежды некустарного производства. Почти всё было грубовато, но надёжно и умело сделано из кожи с одной-единственной целью: прикрыть и защитить тело. Одежда девушек была, правда, изящней и даже украшена — примерно так, как украшается обрядовая и праздничная одежда. От кое-чего могло и в дрожь бросить.

Чехол для обреза охотничьего ружья у красивого рыжего парня был сделан из чёрной блестящей кожи, принадлежность которой при ближайшем рассмотрении становилась совершенно ясной: это была кожа джаго. У другого парня — даже скорей мальчика на этот раз — в швы шнурованных штанов у пояса были вделаны два лохматых чёрных скальпа. Тоненькая девушка, сидевшая в развилке дерева со снайперской винтовкой, перекинула через плечо ремень этой винтовки — сделанный явно из обработанных кишок, и наверняка не животных. Держатель для гранат на поясе юноши с ручным пулемётом были ничем иным, как высушенной лапой джаго со скрюченными пальцами.

Если бы кто-то дал себе труд приглядеться к лицам юношей и девушек, то он обнаружил бы кроме самой обычной чисто земной красоты — выражение некоторой звероватости, нередко появляющееся у людей от долгой жизни бок о бок с опасностью, от которой нельзя уйти и с которой сживаешься. Почти так же можно было заметить плавную грацию в каждом движении — все они неосознанно двигались так, чтобы не производить шума и не тратить лишней энергии...

...В начале боёв за планету и эвакуации группа пионеров — в основном старших — находилась на лесозаготовках. Вернувшись, они обнаружили смерть.

Несколько пионеров ушли искать своих. Об их судьбе оставшиеся ничего не знали. Большинство, движимые мстостью и гневом, начали открытую войну против врага. Борьба была неравной и заранее решённой — нанеся врагу большие потери, все они погибли в первую же неделю боёв.

Но пять человек ушли дальше в лес, чтобы начать другую войну — войну партизанскую.

Те времена хорошо помнил разве что Сашка Унтеров — это его старший брат Толька командовал той группой. И из тех ребят давно никого не осталось.

Лежавшие над дорогой были их воспитанниками — мальчишками и девчонками, которых ещё совсем малышами юные партизаны подобрали тут и там среди разрушенных поселений, подбитых кораблей и просто на дорогах. Старшие погибли и оставили младшим эту войну — звериную войну, которая шла уже восьмой год, которую не вёл, наверное, больше никто в Галактике.

Они позабыли (а некоторые — и не помнили!) всё то, что составляло жизнь человека космической эры. Они научились есть сырое мясо и спать на снегу. Они научились добывать огонь при помощи ножа и куска кремня. Они научились часами сидеть в засадах — распластавшись на ветке дерева, лёжа в комарином болоте, жарясь на камнях под светом Одиночки или промокая под холодным осенним дождём. Они научились голодать неделями и не пить по несколько суток. Они научились метко и быстро стрелять и бить ножом. Они научились различать следы, как буквы в книге — следы на снегу, на земле, просто на траве и даже в воздухе. Они научились бесшумно двигаться по морозному снегу и жухлой листве.

Они научились...

Они научились...

Они научились...

Кто научился — жил.

Кто не смог или не успел научиться — умер.

Когда-то их — младших — было двадцать. Зимой семь лет назад — ещё когда были живы многие старшие ребята — погибли от голода и холода мальчик и две девочки. Потом попал в плен и был казнён после долгих пыток ещё один мальчишка — тогда они уже воевали сами, а из старших не было уже никого, это было четыре года назад... Ещё двое парней и трое девчонок были убиты в схватках и стычках в разное время за последние три года. Но последние восемь месяцев никто не погибал. Хотя их по-прежнему искали, гнали и травили безо всякой пощады — потому что не понимали, боялись и ненавидели — а они отбивались и огрызались, как загнанные волки. И никому не приходило в голову "залечь на дно" и оставить джаго в покое, чтобы и самим его обрести.

Во всём этом была одна опасность. Кое-кому — особенно младшим, англосаксу Дику, германцу Олмеру и Машке — казалось, что такая жизнь идёт везде и была всегда, что она никогда не кончится и нет ничего, кроме лесов вокруг. Цивилизация к ним приходила в виде

боевых машин врага, а войне Земли — где-то там, далеко-далеко — не было и не могло быть никаких вестей. Все они родились когда-то в благоустроенных домах, где были компьютеры, машины, тепло и свет, но иногда даже старшие ловили себя на мысли, что даже во сне не видят прежней жизни, лиц родных, не может восстановить прежнюю жизнь, как невозможно собрать правильно мозаику, половина кусочков которой потеряна навсегда... Мир был войной, жизнь — погоней и бегством, где весь смысл в убийстве врага, добыче пищи и дружбе.

Может быть, именно поэтому Сашка так тщательно сохранял пионерскую иерархию (которая по большому счёту ничего никому из них не говорила тоже) и вёл долгие, подробные разговоры о прежней жизни (которую и сам уже не очень помнил!) Забывать было нельзя, потому что необходимо было оставаться людьми, хотя бы на доньшке души, хотя бы краешком мозга...

— Полевая кухня, — Горька Белкин ещё раз прожевал травинку из одного угла рта в другой. — Пахнет довольно вкусно.

— Особенно если учесть, что мы третьи сутки не жравши, — подала голос со своего "наместа" Бранка Сомова.

Сашка опустил бинокль. Его лицо отражало явственную внутреннюю борьбу. Заметив это, Горька подлил масла в огонь:

— Даже если бы это была машина с рейками, всё равно игра стоит свеч. Там трое ублюдков.

— Да, и один из них — офицер спецназа, — сказал Сашка задумчиво. — Что может делать офицер спецназа у полевой кухни?

— Добирается в часть, — предположил Горька. Остальных такие вопросы не волновали. Кто-то сдержанно зарычал, лицо у всех стали окончательно зверскими. Зимой, в лютые холода, именно спецназ джаго заставил их покинуть надёжное убежище на болоте в двухстах километрах к юго-востоку отсюда и уходить по лесам в тридцатиградусный мороз. И именно с того бегства многие из них ещё не залечили толком ожоги обморожений.

— Я сниму его первым выстрелом, — вызвалась Бранка. — Тут всего-то метров двести.

— Подождите... — Сашка укусил сгиб пальца. — Так. Дим, Дик, Маш. Обойдите-ка дорогу и кусты на той стороне. Полевая кухня на пустынной дороге — или верх кретинизма, или засада.

Трое исчезли в кустах совершенно бесшумно.

— Да они всегда как дураки поступают, — проворчал Мирко, — никакой засады тут нет.

— Нет так нет, — Горька сплюнул травинку, — а Сашка прав.

Минут пять прошли в полной тишине. Лёгкий вездеход с прицепом полевой кухни по-прежнему стоял на просёлке. Водитель сидел на передке, оставив попытки починить машину — похожий на угрюмую грузную обезьяну из древних времён Земли. Повар скрылся в прицепе. Спецназовец в чёрной форме встал на обочине, осматривая лес. Под левой лапой у него покачивался штурмовой карабин с выдвинутым прикладом, морды видно толком не было, но ребята ощущали отчётливо, как пристально и внимательно он смотрит.

Ничего не увидит, кроме зелени — полого поднимающийся луг и лес на холмах. Да и вряд ли он чего-то опасается на самом деле — тут давным-давно безопасно, то есть — безопасно **вообще**, абсолютно. Оглядывался джаго лишь по привычке...

...Ку-ку, ку-ку, ку-ку... ку-ку... ку-ку, ку-ку... ку-ку... ку-ку, ку-ку, ку-ку...

3-1-2-1-3. Собственно, вьюрку-кукушке^[1], чей голос и образ жизни очень похожи на кукушку земную, не прикажешь куковать или заткнуться — обычно они кукуют подолгу без перерыва, но однажды Сашка слышал, как вьюрок ясно и отчётливо просигналил старой доброй азбукой Морзе: "Готов к приёму сообщения," — так что ни у кого не вызовет особого подозрения такой странный ритм. Любой решит, что это естественно. Если заранее не знает, что это сигнал.

— Хорошо, — Сашка кивнул Бранке. Та плавно и быстро вскинула винтовку к плечу, провела щекой по прикладу и на секунду застыла...

...Резкий гром винтовочного выстрела чёрной молнией расколол апрельскую благодать. Бранка резко опустила винтовку.

Спецназовец дёрнулся назад, одновременно выкидывая руки вперёд и опрокидываясь вбок. Водитель вскочил на капоте, перегнувшись в кабину за оружием, но с противоположной стороны коротко ударил пулемёт, и водитель грузно перевалился на сиденье.

Там оставался ещё третий, повар. Всё напряжённо ждали — сейчас он или выскочит на дорогу и начнёт отстреливаться... или будет отбиваться изнутри? Но было тихо. Совершенно тихо.

— Ждёт, мразь, — прошептал Олмер, поводя стволом автомата. — Сань, давай я подползу...

— Тихо, — прошипел Сашка. — Мирко, доберись туда и кончай его.

— Осторожней, Мирко, — сказала Бранка тихо. Мирко кивнул, сверкнул улыбкой и, пригнувшись, побежал в сторону через кусты; широкие книзу клёши тихонько шуршали по траве.

Опять стало тихо. Все продолжали ждать. Через минуту на дороге появился Мирко — он бежал со стороны вездехода. С другой стороны дороги появились Димка и Машка. Они шли, пригнувшись, далеко друг от друга. Дик, конечно, их прикрывал из кустов.

— Подкарауливает же, гад! — почти взвизгнул Олмер. — Шарахнуть по нему...

— Спокойно, мальщ, — Сашка усмехнулся, — не забывай, что мы эту историю затеяли ради кухни, так зачем её-то калечить?

— Если там не человечина, — буркнул Олмер и тяжело вздохнул: — Пострелять не получится, да?..

...Распластываясь по стенке кухонного прицепа, Мирко добрался до двери. Он видел, что Димка остановился возле обочины, подняв к плечу свой "Тунор"^[2]. Машка продолжала идти вперёд, держа УАК^[3] наизготовку.

Дверь кухонного прицепа открылась. Мирко упал на колени, прицеливаясь.

— Не стреляйте! — раздался дрожащий вопль. — Я не солдат, я повар! Не стреляйте, я сдаюсь!

В голосе слышались характерные для перепуганного джаго визгливые, плачущие нотки. На верхнюю ступеньку откидной лестницы вышел, сутулясь, и вытягивая вперёд лапы, повар — он был на полторы головы выше самого рослого из нападавших. Нижняя челюсть джаго прыгала, по чёрным складчатым щекам текли мутные слёзы. Он покачнулся, но, почти упав, не осмелился опустить руки.

— Не стреляйте, — жалобно повторил повар. — Я никогда ни в кого не стрелял, я сдаюсь...

Голос его осекся. Он внезапно понял тёмным перепуганным разумом, что перед ним стоит существо, для которого уже давно нет понятия "сдаюсь". В юного человека, одетого в узкую крутку без рукавов и широкие кожаные клёши со шнуровкой, не было ни сожаления, ни сострадания, ни любопытства — ненависть и голод. Ноздри землянина раздувались, верхняя губа приподнялась — как у зверя.

— Что там, Мир? — спросила выпрыгнувшая из-за прицепа Машка. Повар повернулся к ней, рассчитывая, может быть, что у девушки легче найти сочувствие — но на его беду движение это вышло слишком резким. А любое резкое движение могло быть лишь попыткой нападения. Коротко рыкнув, Мирко нажал на спуск — длинная очередь в упор опрокинула

тушу джаго внутрь прицепа. Машка изящно, почти балетно, скакнула внутрь, и изнутри раздался её звонкий голос:

— Мирко, хлеб! — что-то весело загремело. — И каша!

— С мясом? — настороженно спросил Мирко. К мясу, употребляемому джаго, следовало относиться осторожно. **Очень** осторожно.

— С рыбой!

— Ух! — Мирко махнул рукой: — Сюда все!

Он вскочил внутрь, поскользнулся в луже крови, падая, оттолкнулся рукой от окровавленного пола, так и не упал окончательно. Положив автомат рядом с плитой, разломил протянутую буханку серого хлеба и начал есть, откусывая поочерёдно огромные куски из правой и левой руки...

...Весёлый шум и выкрики неслись от прицепа. Слушая их, Сашка улыбался. Он полулежал в кювете недалеко от убитого спецназовца и внимательно осматривал дорогу в обе стороны.

Мягкие шаги заставили его повернуться всем телом. Подошедший Горька в одной руке держал дикий сэндвич — хлеб, сырая мороженая рыба и консервированные овощи — а другой протягивал Сашке картонную тарелку, полную зеленоватой каши, жареной рыбы, тех же овощей, с огромным ломтем хлеба сверху.

— На, поешь. Я посмотрю, — Горька присел, продолжая есть, но держа теперь в правой руке свой автомат. Приняв тарелку, Сашка с благодарностью посмотрел на профиль своего лучшего друга — жуя, Горька поглядывал по сторонам.

— Не сердись на ребят, — сказал между тем Белкин, проглатывая кусок, — все очень голодные.

— Ерунда, — Сашка нагнулся над едой. — Думаю, это всяко вкусней, чем жевать травинки?

— Значительно, — засмеялся Горька. Отряхнув руки, он достал обрез помпового ружья из-за спины, озабоченно покачал головой. Кожа, покрывавшая рукоять на месте лихо отпиленного приклада, вытерлась. — Нужна новая обшивочка...

— Сдери скальп, — Сашка кивнул на труп рядом.

— Пожалуй, придётся... — вздохнул Горька, доставая нож — хороший охотничий клинок, но с самодельной рукоятью.

Сашка кинул камешек в стену прицепа. Высунулся Дик, за ним маячила Машка, через плечо парня кормившая его кусочками солёного огурца.

— Хватит жрать, стошнит! — крикнул Сашка. — Набивайте в рюкзаки хлеб, сухари, консервы, которые не подозрительные, берите с собой, что руки не тянет — и уходим, а то накроют нас тут сейчас...

— А прицеп? — уточнил Дик.

— Сжечь к чертям собачьим вместе с машиной!

Дик кивнул и исчез. Сашка подобрал последние кусочки каши, вытер тарелку хлебом, задумчиво съел и его. Его ребята начали выпрыгивать наружу — парни несли за плечами старые, ещё пионерские, рюкзаки, в руках почти все что-то держали и все что-то дожёвывали. Дик, выбравшийся последним, снял со своего жуткого держателя для гранат одну, выдернул кольцо и легонько перебросил гранату в двери прицепа. Раздался глухой взрыв, окна вылетели, крышу вспучило.

— При желании всегда можно хлопнуть дверью и в чистом поле, а? — подмигнул

Сашке Горька.

Он на ходу вытирал окровавленную правую руку о штаны, держа в левой скальп.

У подножия увенчанного короной из валунов холма горел небольшой костёр. Ночь обступала огонь со всех сторон и могла показаться стенами дома — по крайней мере, об этом приятно было думать.

Мирко сидел возле сложенных рюкзаков, прислонившись к ним спиной. Голова Бранки лежала у него на коленях, и юноша неспешно перебирал пальцами волосы своей подруги — словно играл с волной.

Димка устроился на животе, болтая в воздухе ногами и устроив подбородок на ладонях. Люська, сидя возле него со скрещенными ногами, чинила разошедшийся по шву сапог парня.

Дик, сосредоточенно хмурия брови, перебирал свой пулемёт, раскладывая деталь за деталью на своей куртке. Машка, лёжа на спине с заложенными за голову руками, смотрела в огонь.

Олмер, стоя на коленях возле огня, шевелил в огне толстой веткой. Лицо мальчика было задумчивым и... потусторонним каким-то. Таким оно было у германца всякий раз, когда он непонятным для других образом складывал обычные слова в стихи — "не хуже, чем у Сажина"^[4]

Нина, как и Дик, чистила оружие — с особой любовью полируя исчёрканный метками приклад. Это девушку интересовала лишь стрельба — и всё, с нею связанное...

Горька, сидевший поодаль, растягивал обработанный скальп на палочках, негромко насвистывая простенькую мелодию, казавшуюся тут пришлицей из иного мира. Галя шила ему новый ремень для куртки.

— Ну вот, — удовлетворённо вздохнув, Горька отодвинул от себя распорки и приобнял Галю. Она потёрлась щекой о плечо друга, но Горька уже закрутил головой: — Эй, а где Сашка?

— Где-то наверху, — откликнулся Димка, — я видел, как он ушёл туда, когда мы уже костёр разжигали.

— Я сейчас, — шепнул Горька девушке, поднимаясь на ноги. — Посмотрю, что там с ним.

Неслышно ступая, юноша поднялся на холм.

— Сань? — негромко окликнул он.

— Я тут, — ответил Сашка. Он сидел за большим, почти строго пирамидальным, валуном, в тени — и сейчас он поднял руку, показывая, что действительно здесь.

Горька присел рядом, подогнув под себя ногу. Посмотрел и скося.

— Чего ты ушёл? Тут холодновато, — он повёл плечами. На самом деле холода он не ощущал.

— Так... — нехотя ответил Сашка, качнув своим "хвостом". Горька различал, что лицо у него грустное. — Ничего страшного, просто хочется побыть одному...

— Эй, эй. Мысли об одиночестве до добра не доводят, — Горька подтолкнул Сашку в плечо. — Ты многовато на себя взвалил, тебе не кажется?

— Может быть, — по-прежнему неохотно, словно давил из себя слова, сказал Сашка. — В любом случае мне надо отдохнуть.

Они какое-то время молчал, глядя в густо усыпанное крупными звёздами открытое

небо. Они редко видели эти звёзды — лес, лес, лес... Он и сейчас шумел вокруг — апрельский лес, какую-то неделю назад одевшийся первой листвой. Лес этот они любили, но они были русскими, они были землянами, а значит — не могли жить без неба, не могли жить без звёзд...

— Ты всё ещё думаешь об Ане? — неожиданно спросил Горька. Сашка глянул изумлённо, потом потёр лоб:

— Да... я... — и замолчал снова.

Аней звали девушку Сашки. В прошлом июле она погибла в перестрелке на монорельсовых путях. В отряде все помнили, как двое суток Сашка нёс её мёртвое тело, не слушая тех, кто говорил ему — она мертва... Сашка ничего не ответил больше, но всё и так было ясно. Горька понял это, но они с Унтеровым-младшим (и уже давно — единственным...) были друзьями, и он не мог оставить Сашку в таком состоянии:

— Послушай... У Димки была Мэсси и Люська была девчонкой Ромки. Ромка и Мэсси погибли, и Димка с Люськой вместе. У Олмера нет девчонки, у Нинки — парня...

— Горь, я не могу понять, какого пня ты сравниваешь? — Сашка печально улыбнулся. Димка и Мэсси, Люська и Ромка... они же познакомились уже здесь. А мы с Анюткой... я её помню, сколько помню себя. Нинка — ты же знаешь... она подвинутая на убийстве после гибели своих. А Олмер... — Сашка улыбнулся уже хорошо. — Ну, он ещё совсем мальчишка, подрастёт — отобьёт у тебя Галинку.

Горька усмехнулся:

— Не отобьёт, бесполезно!

— Ну не отобьёт, так не отобьёт... Горь, Галинка у меня тут, — Сашка прикоснулся к груди. — Если она и выпадет отсюда, то это произойдёт не усилием моей воли и не твоими разговорами. Так что не надо об этом говорить.

— Сань, — Горька вздохнул, — а что если нам вернуться? Тут всего три тысячи километров. За полгода дойдём, а там... там всё уже улеглось. Обоснуемся в лесу и будем просто жить...

— Я почти и забыл, как это — просто жить. Да и помнил ли?..

— Ты не ответил, — требовательно сказал Горька. И Сашка ответил — но ответил вопросом:

— Ты хочешь вернуться?

Они смотрели друг другу в глаза несколько секунд. Потом Горька засмеялся невесело:

— Ты же знаешь ответ, зачем спрашиваешь?

— А ты зачем спрашиваешь? Скажи, ты, вот ты — когда-нибудь **не думаешь** о мести? Вот чтобы у тебя совершенно этого не было в мыслях?

— Никогда, — тихо сказал Горька. — Столько лет прошло, а я до сих пор иногда... даже не во сне, наяву — закрываю глаза и вижу... — он вздрогнул. Сашка быстро положил ему руку на плечо — Горька вздохнул, как всхлипнул.

— Вот так, — резюмировал Сашка. — Вопрос снят с повестки дня. Мы тут не по приказу, а... ну, по велению души, если предположить, что она у нас ещё осталась.

— Столько лет... — тоскливо сказал Горька. — А если мы проиграли войну? Если мы последние люди в Галактике, которые сопротивляются? Если...

— Это ничего не меняет, — твёрдо подчеркнул Сашка. Они снова посмотрели друг на друга — и рассмеялись вместе.

— Поменялись ролями, — сказал Сашка. — Ты всегда так — приходишь и оттягиваешь

на себя тоску.

— Тебя, по-моему, ещё что-то беспокоит, — проницательно заметил Горька.

— Так... — Сашка подался вперёд, обхватил руками колени. — Хотелось бы мне точно знать — где мы сейчас и где основные гарнизоны обезьян. Мы ведь два месяца по чащам отсиживались после той погони, небось, всё поменялось... Жаль рацию кокнули.

— Новую достанем, получше, — махнул рукой Горька. — А что до остального... может, Люську попросишь?

— Да ну... — покачал головой Сашка. — Она после каждого раза пластом лежит сутки... Может, лучше давай прикинем на твоих палочках?

— Балушки, — махнул рукой Горька.

— Если б не твои балушки — нас бы прошлой осенью — как лягву на кочке даванули бы.

— Совпадение, — возразил Горька. Сашка подтолкнул его:

— Ну давай, давай, я ж вижу — тебе самому до смерти хочется!

— Ничего-то от тебя не скроешь, — проворочал Горька, усаживаясь со скрещенными ногами и запуская руку в карман, подшитый к изношенному ремню.

Оттуда он достал горсть небольших — пару сантиметров на сантиметр каждая — палочек из орешника с тщательно вырезанными ножом и окрашенными бурым рунами. Таким гаданием Горька Белкин начал увлекаться ещё до того, как началась их эпопея — ещё малышом, ему рассказал об этом и показал кое-что англосакс-офицер из гарнизона. С началом же партизанщины руны стали давать странный эффект.

Потряхивая в ладонях палочки и глядя вверх, на звёзды, Горька тихо заговорил нараспев:

— Вопрошаю я первый раз, о могучие -

Что будет?

И второй раз вопрошаю -

Что будет?

И третий мой вопрос тот же -

Что будет... завтра? Ну, командир, рискуй, — словно предлагая напиток, Горька протянул ковшик ладоней Сашке. — И не кричи потом, будто что-то не так.

Не раздумывая и не глядя, Сашка выбрал три палочки — на короткий срок. Разложил их уже на своей ладони.

— Что там? — спросил Горька, осторожно ссыпая остальные руны в мешочек. Голос его был спокоен — свои гадания он рассматривал то ли как забаву, то ли как предупреждение, которое вовсе не обязательно сбудется — и даже верней всего не сбудется, если принять его во внимание. И всё-таки глаза парня поблёскивали любопытством.

На ладони Сашки лежали -

Горька увидел кривую улыбку на губах друга.

— Нид-Хагел-Кен. Нужда-Град-Рана.

— Может, нам легче сразу всем повеситься? — не без юмора предложил Горька. — Такой-то расклад на завтра...

— Придётся всё-таки к Люське идти, — Сашка сжал палочки в кулаке, потом — ссыпал в подставленную Горькой ладонь. — А то у меня на завтра другие планы. Пошли.

— Подожди, — Горька удержал Сашку за рукав. — Олмер поёт.

Они перевернулись на животы и, лёжа по обе стороны камня-пирамиды, умолкли.

Стоя у огня, Олмер улыбался. Он никогда серьёзно не относился к своему умению, хотя ему не раз говорили, что такому — впору публиковаться^[5]. Но его "поделки", как он их называл, принимались у походных костров "на ура" и часто ложились на слух и язык, становясь песнями отряда. Может, они и не были особенно изысканными, но как нельзя лучше подходили к жизни затерянных в лесах ребят — частью того, что помогало оставаться людьми в отношениях хотя бы между собой...

И вот Олмер запел. Без сопровождения, конечно — но голосом ещё не сломавшимся, очень чистым и звонким, как голос серебра:

— Немного сожаленья сейчас не повредит,
И в этом повинит нас вряд ли кто-то,
Но всё-таки приятно, когда солдат глядит
С небес на результат своей работы.
Возможно, где-то в сводках нас всех упомянут,
Хоть слава на века нам вряд ли светит:
Мы пали смертью храбрых тому уж пять минут
Назад — а может, несколько столетий.

Пройдут года — и станут вершить пристрастный суд
Над нами наши правнуки и внуки,
И тихую глубинку навеки занесут
В анналы исторической науки;
Но верим в то, что ружья поднимут из пыли,
Что вновь возьмут солдатские котомки:
Мы пали смертью храбрых, чтоб храбро жить смогли
На нас во всём похожие потомки.

Пусть верят, что мы сами шагнули чёрту в пасть,
Не назовут наш выбор стадным чувством,
Ведь редкая удача — такую смертью пасть,
Практически граничащей с искусством!
Закончились сраженья, и розданы долги,
А вам пускай напомнит наше знамя:
Мы пали смертью храбрых, как тысячи других
До нас, и после нас и вместе с нами,
Мы пали смертью храбрых, как тысячи других
До нас, и после нас и вместе с нами^[6]

— Проклятый мальчишка, — хрипловато сказал Сашка. Горька не смотрел на друга — но ему показалось, что Унтеров плачет.

Внизу, у костра, все хлопали...

Костёр почти прогорел. Возле него, накрывшись шкурами, спали почти все. Температура — апрель! — упала до четырёх градусов, холодновато, даже слишком... Димка дежурил на холме.

Сашка, Горька и Люська стояли чуть в стороне, под деревьями — совершенно неподвижно — и разговаривали шёпотом. Сашка скрестил руки на груди и завёл ногу за ногу. Горька опирался ладонью о дерево. Девушка скрестила руки на груди и слушала.

— Нам необходимо посмотреть, какая нам грозит опасность, — пояснял Сашка немного нервно. — Горька тут прикинул — выходит очень плохо, некуда хуже...

— Хуже некуда бывает только смерть — поскольку она единственно непоправимая вещь, — невозмутимо объявила Люська. — Ладно, что вы петляете-то? Сейчас попробуем. Соберите ножи... и сушняк.

— Работать с тобой — одно удовольствие, — раскланялся Сашка.

— Вам бы только хихикать, — махнула рукой Люська...

...В таких случаях девчонка была весьма и весьма требовательна. В движениях, взгляде и словах появлялась властная сила, и ей подчинялись, потому что она одна это умела и знала...

— Ну ты откалываешь номера! — Горька потёр челюсть. — Где я тебе достану ясеневые листья?!

— Ну. — передразнила его Люська, — это уже твоё дело! Я своё сделаю — а ты своё делай!

— Надо сказать Димке, чтобы он тебя выпорол... — проворчал Горька, перекидывая за спину карабин.

— Не ворчи, — Сашка раскладывал треугольником костры. — Шагай, солдат!

— Вот что б тебе засушить этих листьев, — посоветовал Горька, — да и таскать в рюкзаке, — и он ухнул в заросли совершенно бесшумно.

— Леший, — пустил ему вслед Сашка. — Убивать станут — на помощь не зови.

К тому времени, когда Горька вернулся, Сашка уже сложил три пирамидки из сушняка и начинил их растопкой. Люська сидела на поваленном дереве, перебирая ножи.

— Вот, нашёл, — Горька бросил на землю ветки дуба, терновника и ясеня — по три штуки. — Попробуйте только ляпнуть, что меня только за смертью посылать!

Девушка пружинисто поднялась. Распустив сыромятную шнуровку узкой, отороченной мехом по вороту и подолу куртки-безрукавки. Люська сбросила её. Парни присела тихонько на ствол дерева — сейчас им оставалось только молчать.

Стянув с себя старые штаны из прочного вельвета — сапоги остались в лагере — девушка бросила их на куртку. Следом полетело и самодельное бельё. Она потянулась сильным, стройным телом, сцепив над головой руки. Казалось, она довольна тем, что освободилась от одежды. Танцующей походкой прошла к кострам и нагнулась; встала на колени и протянула руки к валежнику.

Алое свечение потекло с плеч Люськи по рукам, ладоням, пальцам, растроилось, молниями ударило в валежник — и занялось пламя.

— Россыпь тропы узнал,
ветром в пыли потерял.
В спину сопит весна —
в терем её, в терем!..

Диким огнём сгорит,
всё пропадёт — ночью.
Самые пальцы твои
ветер сквозь сны волочит.

Она бросила в костры по ветке каждого дерева — пламя затрепетало, взметнулось и словно бы потянулось — костёр к костру. Это был не ветер. Ветер не дует со всех сторон сразу...

В свете костров мелькнул первый нож. И вскоре десять лезвий образовали круг около костров — круг из мерцающих алых искр. Со звонким криком девушка прынула между кострами и снова вскинула руки — будто одетая в пламя...

— Видел: туман густой —
встал за рекой — затишь.
Бредил во сне — бедой,
сны по весне — настезь.

Пламя взметнулось, скрывая её целиком. На поляне бушевал яростный единый костёр. Послышался неясный звук — словно бы трубил рог — а потом призрачный мужской голос ответил гулу огня:

— Плеском пустой зари —
шелестом — звали крылья.
Мёртвые сны свои —
пылью ссыпал, пылью.

В огне возникла неясная фигура — словно выдвинулась из алых зыбких глубин. Как обычно, парни не могли для себя уяснить, что — или всё-таки кто?! — это. Часть мозга твердила, что это иллюзия, видение. Но другая шептала о временах, когда Вселенной правили иные силы — не те, что теперь, когда всё было иным — от расположения звёзд до законов мира.

И снова — голос Люськи — из костра:

— Россыпь с ладони сдул,
наземь упал — дивен:
слушал — далёкий гул,
слышал — в траве — ливень... [7]

Стало очень тихо. Потом опять послышался девичий голос:

— Боевые машины... готовятся к взлёту... сто сорок километров к юго-востоку отсюда. Садятся спецназовцы... по восемь... и... и... и... я не могу различить его! Тёмное облако клубится... холод... холод, смерть! Нет, я не могу, иначе он поймает... поймает меня! Всадники... большой отряд идёт с востока... уже близко. Заслоны на лесных дорогах... о, как их много!!! — голос девушки стал пронзительным, почти исчез, уйдя куда-то в ультразвук. — Нас обкладывают, как зверей... как волков... свободна только дорога на запад, к болотам... на запад...

Сашка и Горька озабоченно переглянулись. Сашка сделал глазами молчаливое: "Даааа..." Горька пожал плечами. Болота раскинулись на юг и север на многие десятки километров — и до них было километров сорок. Там можно было с одинаковым успехом уйти от любой погони — и пропасть без вести и следа. Все это знали, так как на трофейных картах болота обозначались, как трудно — или вовсе непроходимые. И всё-таки очевидно придётся рискнуть... Сашка нарисовал на земле круг и провёл пальцем по его краю, сделав левой рукой винтообразное движение. Горька кивнул и отставил большой палец. Он понял план друга — дойти до края болота и "выкрутиться" из окружения по самой кромке.

Оставалось непонятным лишь, чему ребята обязаны подобным вниманием со стороны врага. До сих пор все операции против них ограничивались местными действиями — их было всё-таки слишком мало, чтобы начинать против них большую операцию. А заставы на всех дорогах, боевые машины, да ещё в таком количестве?! Так же до сих пор их выручали везение и умение... но помогут ли они сейчас?!

Ответ на невысказанный вопрос пришёл тут же — убийственный, как пуля в упор:

— Они говорят... на дороге погиб Кагын-Хуг, командующий войсками Джаггана на планете...

Сашка и Горька уставились друг на друга в немом изумлении.

Если у вашего противника есть всё — от грубого численного превосходства до сканеров и электронных "ушей" и "носов", то вам может помочь одержать победу и просто выжить только одно.

Вы должны стать зверем по повадкам и привычкам.

Тогда у вас будет шанс. Иначе рассчитывать не на что.

Говорят, что самый жестокий хозяин — это бывший раб. Верно это и для иных случаев. Например, самый неуловимый и умный зверь — тот, кто был цивилизованным человеком и всё потерял...

...За первые сутки прошли всего десять километров. Да и шли-то какие-то два часа всего, а остальное время сидели в тростнике на берегу речушки, отгоняли мокрецов дыханием и кормили зелёных тонких пиявок — угловатые джагганские винтокрылы грузно и непрестанно барражировали над рекой, ночью светили прожекторами, переправа была просто невозможной. Только что не подвывали от ярости, видя в проёмах дверей за строенными тяжёлыми пулемётами эту нелюдь в ненавистной чёрной форме — на расстоянии не то что выстрела, броска ножа!!! Река помогала, прятала от острых "глаз" машин, слепила сканеры... Чувствовали все себя зверями — загнанными зверями, и, что интересно, чувство было привычным и спокойным, опасность обостряла существование. Хотелось зло смеяться — эти, наверху, были слепы и беспомощны в сравнении с десятком щенков-землян, у которых только и были, что воля к жизни, да жажда борьбы и мести...

Винтокрылы убрались перед рассветом, дав наконец-то возможность перебраться ся через реку. Никто даже не себе труда ни отдохнуть, ни обсушиться — сразу побежали через лес, чавкая раскисшей обувью, прыгая между корнями, петляя вокруг деревьев, скользя через кустарник. Следы оставались неизбежно, а шедшие следом всадники, надо думать, уже близко...

Сашка, бежавший, как и положено жожаку, в хвосте, нагнал Горьку.

— Как думаешь, что делал командующий на дороге в обществе повара и водителя? — спросил он, словно загадку загадал.

Горька на бегу пожал плечами:

— Может, он идиот? Но верней всего, просто решил втихую поинспектировать части.

— А ты ободрал с него скальп и натянул на свою пушку.

— Между прочим, по твоему наущению!

— Ладно, гордись этим. Найдётся не так уж много парней, у которых ружьё обтянуто, эм, генеральским скальпом.

— Ни одного, — уточнил Горька. — Но вот как нам теперь свои собственные скальпы сберечь?

— Под деревья! — крикнул Димка. Все порскнули к стволам; низко-низко, цепляя брюхом кроны, летел головастый самолёт-разведчик "сорб". Пролетел чуть вперёд, потом вдруг заложил вираж, развернулся, закружил... Все затаили дыхание. Сашка кусал губы, потом — вскинул ракетное ружьё:

— Допросился!

"Секач"^[8] выстрелил несколько раз подряд. Алые молнии ракет ударили в корпус;

раздался звук — словно лопнул огромный стеклянный стакан.

— Головы! — отчаянно завопила Бранка. И было отчего — сверху дождём посыпались куски пластика и металла, снося ветви и врезаясь в землю.

— Ты, собственно, за кого воюешь? — осведомился Мирко, задумчиво разглядывая кусок винта, вошедший в землю у его ног. — А ты мы без тебя не помрём...

— Ну, я не думал... — немного смущённо откликнулся Сашка. — И да, мы ж теперь можем спокойно идти дальше! Скорей!

— Не идти, а бежать — и ещё скорей, чем ты сказал, и подальше, — уточнил Горька.

Взрыв самолёта не остался незамеченным. Счастье ещё, что, видимо, его экипаж ничего не успел передать, но сам факт взрыва наводил на вполне логичный вывод даже самого тупого из джаго — как сигнал: "Мы тут!" Прошедшие буквально над беглецами винтокрылы стали высаживать десант...

...Остановились в полночь. Все выглядели ещё достаточно свежими — для того, чтобы поесть перед сном, благословляя собственную предусмотрительность: додумались вытрясти сухари и консервы!

Неутомимый Говка почти сразу подошёл к Сашке.

— Вяло они нас гонят. С десантом промахнулись...

— Тебе что, хотелось бы поинтенсивней? — удивился Сашка. Горька вежливо улыбнулся — как бы говоря: "Ценю юмор, но иди ты...":

— Я не об этом. Смотри. Если уж они все дороги перекрыли, то что им стоит забросать всё вокруг рейдовыми группами, посадить засады... Зачем нас вообще куда-то гнать?

— Хотят к болоту прижать и уморить голодом. Без боя, — предположил Сашка, заряжавший магазин "секача" — ракет оставалось не так много... Из лесной чащи тянуло сырьё, вместе с темнотой пришёл холод, заставивший ныть морозные ожоги. Горька покачал головой:

— Они ж не могут не понимать, что мы — птицы стреляные, можем и вывернуться... Наверняка же все материалы по нашей деятельности за последние годы подняли. Нет. тут ещё что-то! И я не понимаю — что, а это — плохо.

— Может быть, — согласился Сашка, вытягивая ноги. — В башку им не заглянешь. Ясно одно — мы их уже накололи, и правда из-под носа вывернулись.

Голос его прозвучал тускло. Он длинно вздохнул. Горька, покосившись на друга, покачал головой — лицо Сашки было лицом усталого мальчишки.

— Встряхнись, — он потрогал Сашку за плечо. — Ребята и девчонки в тебя верят, знают, что ты найдёшь выход. Ты ж наш командир!

— Меня это очень поддерживает, — Сашка встряхнулся на самом деле — потряс головой, мотая своим "хвостом". — Надо бы запретить жрать консервы и сухари, мало ли... Пожалуй, схожу, поохочусь, — он достал нож.

— Огонь же разводить нельзя. Отдохни, — Горька лёг, положив голову на корень дуба.

— Что, первый раз сырое мясо есть, что ли? — хмыкнул Сашка, поднимаясь. — Если что без меня случится — уводи всех строго на запад и бегом. Я догоню.

— Почти с тобой?

— Отдыхай... Нет, я один, правда не надо, — Сашка благодарно улыбнулся.

— Ну как хочешь, — Горька устроился удобней. — Но скорей, хорошо?

— Я правда недолго. Туда и обратно, — прихватив рюкзак, Сашка бесшумно исчез. Он устал не меньше остальных, это было ясно. Но Горька знал, что Сашка считает себя,

командира, обязанным заботиться об остальных везде и всегда.

— Куда он? — сонно пробормотала Галька, удобней устраиваясь на руке юноши. Горька провёл ладонью по её волосам, нагнулся, поцеловал:

— У него дела с одной местной русалкой. Под кустиком. Кстати, ты как насчёт этого?

Но Галька уже спала. Горька вздохнул, закрыл глаза и мгновенно погрузился в глубокий чуткий сон.

И во сне он не переставал слушать.

* * *

Ручеёк тёк в трёх метрах от лица Сашки, лежавшего на толстой ветке, перекинувшейся над водой, как мостик. Левую руку он подложил под подбородок, в правой держал нож. Он ждал литорального оленя — в таких местах эти животные должны были встречаться часто.

Охотиться с ножом он начал учиться ещё до того, как всё это — это — началось. Его учил старый охотник-траппер, англосакс, часто забредавший в посёлок с мехами. Где сейчас старик, какая судьба постигла его? Может, он и вовсе ничего не знает об оккупации, бродит себе и бродит по лесам? Станный был человек. Казался нелюдимым, грубоватым, ворчливым — а иногда на память читал стихи или разрешал какой-нибудь спор, выказывая знания хорошо если просто лицейского уровня. Знал несколько языков, в том числе — и мёртвые... Как он там любил повторять — из английского старинного поэта: "И мы в пучину канем — или доплывём до Островов Блаженных!" Может, и мы ещё доплывём до Островов Блаженных, подумал Сашка, улыбнувшись.

Еле слышно захрустели кусты. Юноша напрягся. Он различил удлинённую голову, небольшие уши, прямые маленькие рога, белый, словно светящийся в темноте, кончик морды... да, самец литорального оленя. Наверняка вожак стада. Остальные при нападении на него убегут, но больше одного и не надо. Послышалось осторожное шлёпанье — олень наступил в воду, нагнулся... пьёт.

И Сашка, оттолкнувшись ногой, молнией бросился вниз.

Он упал на спину оленя, словно охотящийся хищник, своим весом свалив животное с ног. Сверкнул в зеленоватом свете Неразлучного и опустил нож. Стон животного оборвался хлюпаньем крови — охотник убил оленя одним точным ударом. По кустам шарахнулись тени — убежало стадо, которое вожак спас, как и должен был.

Стоя на колене, Сашка бросил нож в землю и поставил под kloкочущую струйку ладони. Горячая кровь наполнила импровизированный ковшик, как вода... вот только у воды не бывает такого пьянящего, тёмного запаха, в воде не блестит так загадочно ночной небесный свет!

Онпил кровь на охоте всю жизнь, сколько себя помнил, ещё когда был обычным и совсем небольшим мальчиком и жил в обычном доме, где за окном вился местный плющ, а на столе матово поблёскивал экран их с братом компьютера, где висели на стенах портреты путешественников и военных... Тогда это казалось экзотикой, хоть он и слабо понимал в те годы это слово. Сейчас? Сейчас это — его жизнь?

Нет, это не должно всё-таки стать жизнью. К жизни ещё предстояло вернуться. А это —

= это война.

Он выпил кровь, ополоснул ладони в ручье, занялся разделкой туши, не заботясь о внутренностях, костях и ошмётках мяса. К утру ничего этого не останется, даже окровавленную траву сожрут. В лесу все жрут всех, говорил тот старый охотник-англосакс. Только человека никто не в силах сожрать...

Сочащиеся кровью куски парного мяса Сашка бросал в рюкзак, они мокро и плотно шлёпали. Он так увлёкся, что почти что прослушал шаги по берегу ручья — но всё-таки расслышал их вовремя и даже различил фигуры с оружием раньше, чем те засекли его.

"Конец," — мелькнула заполошная мысль. Но почти тут же пришло невероятное облегчение — он услышал голоса, принадлежавшие юношам на год-два старше его. Говорили на местном диалекте мьюрика, который Сашка неплохо знал.

— Давай отсюда наберём, вода хорошая.

— Давай сперва сами хоть попьём, — один из них скинул с плеч предмет, оказавшийся канистрой.

Они опустили на колени шагах в десяти от Сашки, совершенно неподвижно сидевшего на берегу. Мьюри — мобилизованные джаго местные жители. Молодые, не слишком обученные, годные лишь в заслон. Они напились и, перебрасываясь полупонятными шуточками, стали наполнять канистры. Сашка поражался, как можно быть настолько слепыми! Не то что он — распоследний мальчишка, хоть изредка бывавший в лесу, давно заметил бы человека на берегу. Но мьюри не любят леса — они стараются селиться по берегам океана, морей, на крайний случай — больших рек и — там, где теплей.

Убить из? Сашку останавливала не жалость, хотя он не считал мьюри теми врагами, которых стоило истреблять при первой возможности. Он переместил пальцы на рукоятки ножа. Если они из засады пришли за водой — а по их разговору понятно, что так и есть — то их исчезновение вызовет переполох. Очень быстро. Но... собственно, почему он так опасается переполоха? И почему бы не разделаться не только с этими двумя, но и со всей засадой? Хватит уже просто бежать... Сашка мысленно засмеялся. Пусть попробуют догнать или перехватить!

Всё было решено. В воздухе резко пропел свою песню брошенный нож. Солдат, как раз начавший взваливать на плечи свою канистру, вдруг всхлипнул и повалился в ручей, клопоча проткнутым горлом. По воде поплыли чёрные масляные пятна...

Второй, кажется, ничего и не понял сперва.

— Анару, ты что? — окликнул он. — Анару! — и нагнулся к трупу. — Ан...

Когда он, холодея от ужаса, повернулся от трупа в сторону леса, перехватывая непослушными пальцами автомат, перед ним стояла Смерть. В глазах существа, мгновенно и бесшумно возникшего неизвестно откуда, висели луны.

Жестокий удар ноги опрокинул солдата на спину. Чудовище из ночи навалилось сверху, коленями придавив руки. Из горла упавшего вырвалось наконец сипение, но в крик оно не переросло — сильные, цепкие пальцы обняли горло, сминая мускулы, передавливая артерии, ломая гортань. Мьюри забился, глупо отказываясь поверить в свою смерть, рот его открылся, оттуда вылез язык. Всё начало уноситься куда-то, мир обваливался с шумом и грохотом...

...Ещё какое-то время фиксируя пальцы на шее врага, Сашка чутко прислушивался. Нет, совсем тихо. Да и не успел крикнуть, так — зашипел... Выдернув свой нож из первого убитого, юноша пошёл обратно через ручей — к останкам оленя и рюкзаку с мясом.

Следов, как всегда, было выше крыши. Больше чем достаточно для тех, кто охотно проснулся поохотиться. Они шли по следу, держа наготове ножи.

Засада врагов была... слышна, видна? Нет, "нюхна", если можно так сказать — **нюхна** издалека. Пахло сигаретами, точнее — курительными палочками мьюри, земляне называли их сигаретами, потому что так было привычней, да по сути это и было одно и то же. Самый страшный враг любой засады...

На часах стояли двое — за плазмомётом на лёгкой треноге, редкая штука у здешних призывников-мьюри. Ещё четверо спали в древесном выворотне — огромный дуб, умерший от старости, повалила какая-то буря — в обнимку с оружием, трофейным земным. Такая засада была бы эффективной против тех же призывников. Не больше.

— Куда они пропали? Уже сколько за водой ушли, — без особого, впрочем, беспокойства сказал один из плазмомётчиков.

— Дрочат друг другу, — с зевком, превратившим его слова в неудобопонятное завывание, ответил второй. — Придут — прибью.

— Лишь бы воду принесли. Пить хочется... — часовой насторожился. — Погоди, кто это?

— Да они и идут, — пояснил его напарник. — Точно, вон, канистры тащат... Эй, а вы побыстрей шагать никак не можете? Ползут, ползут...

Нож Мирко перерезал ему горло почти нежно — оно раскрылось, как спелый арбуз, обнажив выплёскивающие кровь срезы артерий. Димка нанёс своему удар под челюсть снизу — длинное лезвие прошло в мозг.

Сашка, Горька, Дик и Олмер подошли к выворотню и на секунду замерли. Потом почти синхронно нагнулись — каждый к "своему". Короткая возня продолжалась не больше ещё одной секунды.

— Может, попробуем пойти в прорыв? — Дик махнул дальше в лес. Сашка покачал головой:

— Кольцо наверняка не одинарное. Поиграли и хватит — уходим. Отдыхать придётся на ходу.

— Захотим отдохнуть — перейдём с шага на бег, — со смешком поддержал его Димка...

...Девчонки ждали парней уже на ногах. Разобрав по куску ещё тёплого мяса, отряд скорым, быстрым шагом двинулся дальше — не отдохнув и двух часов.

* * *

Ловушка, казалось, не успела захлопнуться. Вырезанная засада и то, что всё-таки найденное место стоянки оказалось пустым, привели командование операции в бешенство...

...Первых врагов при солнечном свете увидели утром третьего дня, когда до болота

оставалось не больше пяти километров. Но эти пять километров были километрами совершенно ровного поля. Такое же ровное поле расстилалось и километра на три перед цепочкой холмов, поросших лесом — они делили равнину на две части.

Отряд бежал через поле изо всех сил, стремясь добраться до кустарника у подножья холмов. Сашка на несколько секунд приостановился, поднял бинокль, пошарил по холмам. Там было пусто, но у южной и северной их оконечности были видны палатки, сидящие винтокрылы и — движение.

Ловушка всё-таки захлопнулась. Но надежда оставалась — надежда на то, что можно будет пройти эти восемь километров через поле, холмы и снова поле, а там выбраться краем болота.

За пятьдесят часов почти непрерывного движения бегом и быстрым шагом все осунулись, хотя и казалось, что это более просто невозможно. Дик бежал босиком — он отдал свои сапоги Машке, у которой подошвы обуви превратились в окончательные лохмотья. Обувь, впрочем, дышала на ладан у всех — дыры, рвань, лохмотья, обмотки из кусков одежды и вообще пёс знает что. Лишь ботинки Сашки держались с буквально эпической доблестью. Он бы их отдал кому из девчонок, но его размер был велик даже старшим — Люське и Гале...

Сейчас отряд в самом деле напоминал волчью стаю, загоняемую охотниками. Но в отличие от волчьей стаи особой мрачности среди бегущих не наблюдалось.

— Ползёт человек по пустыне, — на ходу хохмил Дик, — пить хочется, просто ужас, солнце жарит, от песка палит, как из печки. Вдруг видит — в песке лежит термос. Он на колени рухнул, открывает термос дрожащими руками, а та лежит пакетик концентрата и написано: "Просто добавьте воды."

— Как же он на колени рухнул, если ты говоришь, что он полз? — спросил Мирко. Но это Дик ничего ответить не смог, а точнее — не успел.

— Всадники! — завопил Олмер.

Все даже остановились, хотя этого и не стоило делать. До подножия холмов оставалось ещё метров восемьсот, а на опушку леса позади галопом вылетел отряд джаго на кабаллокамелюсах. Всадники развернулись в цепь и рванули через поле, посвёркивая бликами обнажённых ятаганных клинков.

У Сашки только что волосы дыбом не встали. Он знал, что от атаки всадников на ровном месте лёгкой пехоте не спастись даже при самом скорострельном оружии и изобилии боеприпасов. Но теряться или пугаться он позволить себе не мог.

— Бегом к холмам! Когда подскочут ближе — девчонки бегут дальше, мы задерживаем! Потом прикроете нас сверху, девчонки!

И они наддали — не оглядываясь используя все НЗ организма, вторые, пятые и сто вторые дыхания, позабыв об усталости. Напряжение росло, явственно било в спину, и наконец Сашка, не выдержав, упал, в падении разворачиваясь, на колени, выхватил из кобуры тяжёлый "маузер^[9]", не примыкая приклада.

Инстинкт не подвёл. С долгим, протяжным уханьем джаго скакали уже в каких-то трёх сотнях метров, а до холмов оставалось вдвое больше... Во всадниках не было гордого изящества конных, кавалеристов — джаго грузно подскакивали в сёдлах, их животные неслись, покачиваясь и подпрыгивая — но очень быстро, очень.

Однако Сашка позволил им проскакать ещё метров сто, утверждая длинный ствол "маузера" на руке — и лишь потом выстрелил.

Он почти услышал (хотя, конечно, это было лишь фантазией) хуканье джаго, выбитого из седла — бронзовая вспышка на миг заслонила падающего, его зверь шарахнулся в сторону с икающим длинным криком. И тут же — так же короткими — ударил ККС^[10] Горьки, зачастили, перебивая друг друга, УАКи Мирко и Олмера, залился длинно пулемёт Дика и, бумкая, стал равномерно выплёвывать осколочные "тунор" Димки.

Всадники смешались. Они знали, что бегущему от верхового пешему почти невозможно остановиться. Конечно, они и представить себе не могли, что какие-то мальчишки смогут это сделать — просто потому, что тут, в далёком тылу, плоховато знали землян. Джаго закружились, перекидывая в руки автоматические винтовки, начали стрелять с сёдел. Они ещё раз попытались пойти в атаку.

— Кажется, не успокоятся, пока лоб себе не расшибут о нашу стенку! — крикнул Горька, перезаряжая карабин. — Обычно они не такие упорные!

— Это-то и странно! — отозвался Сашка, "снимая" с седла ещё одного. — Вот ведь...

— Я сильно огорчусь, если в меня попадут, — заметил Дик, когда на него упал срезанный пулей цветок. — Это будет просто трагедия.

— Не для меня, — ввернул Олмер. — Мы с Машкой тебя сожжём, как положено, и над твоим прахом она принесёт обет верности... мне.

— Щ-щенок, — беззлобно фыркнул англосакс.

...Горька выстрелил ещё несколько раз и закричал. Закричал от острого чувства тошноты, от желания очнуться, от мысли, что всё это дурной сон и лишь надо сделать усилие, ещё одно усилие — чтобы проснуться и увидеть всё совсем иным, потому что, например, не может быть Сашкой вот этот юный дикарь рядом — дикарь с обветренным лицом и собранными в "хвост" рыжими волосами до лопаток, одетый в меховую безрукавку, стреляющий в живых существ из длинного чёрного "маузера"... вернётся всё, вернётся Сашка и вернётся его Анютка, будет день без стрельбы и будет мама...

...не будет мамы. И Горислава Белкина не будет, потому что он — убит, и Сашка убит, и все убиты, война убила всех, всех, всех — и живых и мёртвых...

... - Ты что?! Горька, ты что?! Та ранен?! Горька!

— Нет, всё в порядке, — Горька вытер кровь с прокушенной губы. — Саш...

— Да что, что?! — лицо друга было встревоженным, ярость боя стекала с него, как вода.

— Ты правда жив? Скажи, ты правда живой?!

Облегчение на лице — и сердитость:

— Да, такое можешь ляпнуть только ты... Пока живой, но, если мы не начнём стрелять опять, то оба станем мёртвыми. Удовлетворён?!

— Девчонки стреляют! — заорал Мирко. — Назад, скорей! Они нас прикрывают!

— Всё, бежим! — продолжая стрелять, Сашка вскочил. Всадники не могли их преследовать — но стрелять могли...

Сашка на бегу слушал, как пущенные "в дурь" пули срезают ветки кустов. Не добежав шага до конца гряды, он прыгнул, перекатился, распластался за деревьями. Горька уже был здесь — лежал на спине, криво улыбаясь и держа карабин стволом вверх.

Перебежал Дик. Левая рука у него висела плетью, по пальцам сбегала шустрыми ручейками кровь.

— Зацепили, — выдохнул он, с трудом подавляя дрожь. Машка, подобравшись к нему, стала бинтовать плечо; лицо девушки сделалось страдальческим, словно пуля попала в неё. Дик закрыл глаза и со свистом дышал. Оружие джаго имело крупный калибр, любая рана была серьёзной.

Сашка осторожно выглянул из-за корней дерева. Горька высунулся за другом — с противоположной стороны. Зачем-то сдерживая дыхание, юноши смотрели на равнину. Там гарцевали — в каком-то полукилометре — десятка три верховых. То один, то другой поднимал к плечу винтовку с решётчатым кожухом ствола, выпускал очередь в направлении землян. Именно "в направлении", потому что при первом же выстреле кабаллокамелюсы начинали "козлить". Кони земных кавалеристов — тех, которые ещё пользовались конями, гусар и казаков — стояли смиренно, даже когда у них над ухом била артиллерия. С них можно было прицельно стрелять... Но густые частые очереди всё равно были опасны, они не давали подняться.

— Сейчас я кого-нибудь ссажу... — Сашка потянулся опять за "маузером", собираясь примкнуть кобуру-приклад, но Горька покачал головой:

— Стой. Всё равно же не попадёшь — далеко. И они только и хотят, чтобы мы опять в бой ввязались.

— Какой в этом смысл? — непонимающе посмотрел Сашка. Но тут же его лицо стало встревоженным: — Стоп, ты хочешь сказать, что они нас просто держат до винтокрылов?

— Именно, — Горька продолжал следить за гарцующими джаго.

— Убираться отсюда надо. — подала голос Бранка. — Если не можем драться, то бежать-то можем!

— Куда? — криво усмехнулся Горька. — Назад?

— Почему назад, дальше, через долину...

— Сомова, не будь душой, — прямо сказал Горька. — Оглянись. Если согласишься внимательно, то увидишь пять кэмэ открытого луга, голого, как зад этих самых джаго, — Горька покачал головой. — Как только они поймут, что мы отсюда сбежали — а поймут они это быстро! — то доскачут сюда, расположатся тут и завалят нас на этом самом лугу из плазмомётов. Вон, на вьюках вижу два.

— Да, там мы будем, как движущиеся мишени, — Сашка потёр лоб и процедил: — Обложили ведь, сволочи... Бежать — нельзя, оставаться на месте — нельзя. Побежим — прикончат, останемся — пришлѣпнут. Мат.

Он медленно обвёл взглядом весь свой отряд. Похоже, что многолетние гонки со смертью всё-таки подходили к концу. Очень обидно, кстати, подходили. Они сами влезли в ловушку. "Интересно, когда закончится война?" — подумал Сашка.

Пока он хмуро рефлексировал, Горька что-то явно соображал. Потом спросил

неожиданно:

— Саш, помнишь корриду?

— Как сейчас, — не без яда отозвался тот. Подумал и добавил: — Вообще-то помню. А что?

Горька сорвал веточку, закусил её крепкими зубами. Глаза превратились в ироничные щёлки.

— Так что коррида? — спросил Сашка нетерпеливо, подгибая ногу, чтобы добраться до пристёгнутого к ботинку ножа.

— А то коррида... Эти всадники — красная тряпка. Мы — бык. Винтокрылы — матадор. Что бык обычно делает на арене?

— Ну-у-у... бросается на красную тряпку, — ответил Сашка. — Что же ещё?

— Или? — Горька через плечо оглянулся на всадников. Свист пуль в листве уже никого не тревожил — все они шли слишком высоко, да и как иначе-то — снизу вверх?

— Что за ерунду вы обсуждаете? — нетерпеливо вмешался Мирко.

— Подожди, — улыбнулся ему Горька и кивнул Сашке: — Ну так что же ещё бык-то делает?

— Может быть, бежит? — пожал плечами Сашка.

— Бежит, — согласился Горька. — Послушай, Саш, а если вдруг предположить идиотскую вещь: что случится, если **быки узнают, для чего красная тряпка?**

Несколько секунд Сашка смотрел в глаза Горьке. Потом он вдруг улыбнулся, но глаза его стали внезапно из злых и отчаянных холодными и жестокими. Проведя рукой по своему "хвосту", Сашка тихо сказал:

— Тогда они начнут убивать матадоров. Ты это хотел сказать?

Горька улыбнулся тоже, и это была такая же улыбка злого, опасного волка. Горька Белкин выглядел именно волком — страшным зверем, которого загнали в угол. На свою голову загнали — и он теперь собирается проложить себе путь к свободе клыками.

— Убивать матадоров, — медленно сказал Горька. — Вообще-то это не моя мысль, это сказал Дэви Купер из "Парня зелёной долины". Помнишь такое старое кино?

— Помню... Итак — тряпка, — Сашка указал на всадников, — бык, — он обвёл рукой своих, — а скоро прибудет матадор. Матадор, который не знает, что мы **знаем** о красной тряпке, — командир качнул головой. — Мы убьём его. Винтокрыл прилетит, а мы будем мертвы. Они опустятся...

— Саш, — покачал головой Мирко, — это бредовая идея. Совершенно бредовая.

— Верно, — ослабилась Сашка. — Но мы имеем ничтожный шанс на жизнь против верной смерти. Сыграем?

Мирко пожал плечами:

— Всегда с тобой, ты же знаешь.

— Вот и отлично, — Сашка потянулся.

— В винтокрыле будут спецназовцы, — напомнила Люська. — У нас будет секунда, потом они начнут стрелять в ответ.

— Главное — не взорвать винтокрыл, — сказал Дик. — А кто-нибудь сможет его вести? Сложно ведь, наверное.

— Сашка сможет, — сказал Горька, ломая веточку. — Я смогу. Мирко тоже сможет.

— Я тоже смогу, — добавила Галя.

— Летунов полно, а вот машина — пока проблема, — вздохнул Олмер.

— Им нас не поймать и не завалить, — с силой сказал Сашка. — Ещё не все долги выплачены в этом мире.

— Вы все просто ненормальные, — подытожил Дик, не открывая глаз. — И всё это безумие и авантюра. Куда укладываться-то?

Честно говоря, Сашка не был до конца уверен, что это пройдёт. "Бредовая идея," — эти слова Мирко лучше всего определяли ситуацию. В самом деле, "но" была целая куча. Джаго могли не поверить, что пули их верховых вслепую и с такой точностью нашли всех... могли для профилактики ещё раз расстрелять трупы с винтокрыла... могло прилететь столько разного дерьма, что всех не перестрелять в принципе...

Тошно было лежать носом в траву и ждать. Причём ждать неизвестно чего. Да ещё Горька, никак не желавший проникаться серьёзностью момента, подмигивал и делал вид, что по своей вечной привычке грызёт траву у себя под носом.

К счастью, ждать всё-таки пришлось не так долго. Не прошло и пяти минут, как появился винтокрыл. Он скользнул над деревьями, широко расставив булькающие винтами несущие плоскости, повис над живописно раскиданными среди кустов и деревьев трупами. Сашка ощутил, как его вжимает в траву поднятый винтами вихрь, ощутил, что на него глядят пристальные глаза.

Потом машина пошла на посадку — качаясь и подёргиваясь, пилот выбирал место посвободней. Садился аппарат медленно — и в точности на лежавшую ничком Бранку...

Момент был жуткий. Но Сашка просто не мог не восхититься выдержкой девушки — она даже раскиданных рук не напрягла! Значительно больше опасался он за Мирко: ну как вскочит и рванёт на выручку?!

Бранка оказалась точно под брюхом машины.

Винты унялись, только скрипели и шипели слегка. Сашка услышал ненавистный низкий голос, разобрал неволей выученные хрюкающие и похрипывающие слова:

— Их что, всех уложили? Расскажем — не поверят.

— Всех, одиннадцатая у нас под низом. Вообще жаль, надо было взять кого-то живыми... эй, наружу, грузим их!

И вдруг — крик, как показалось, мальчишки-человека, хотя и на том же языке:

— Они живы!

О чём-то думать было некогда. Сашка даже не переворачивался на спину — из-под бока разрядил оба ствола обреза в ненавистные чёрные фигуры, как раз закончившие спрыгивать на траву.

Мгновенно взревели винты. Всё ещё стоявший в дверях джаго с плазмомётом заорал что-то в салон, там грохнуло, Бранка, появившаяся внутри винтокрыла, как чёртик из коробочки, в упор выстрелила в затылок спецназовцу из пистолета, потом метнулась в кабину...

Сашка вскочил перекатом, из-под локтя прошил короткой очередью "маузера" ещё одного спецназовца. В винтокрыл обратно никто не вскарабкался. И живых не было.

— Все сюда! — изнутри крикнула Бранка. Мирко бросился первым, винтокрыл подпрыгнул, как живое существо... Один за другим они взбирались в гротескно большой салон, в полу которого оказался настезь распахнут грузовой люк — Бранка вышибла замок пулей.

— Помоги Мирко! — скомандовал Сашка Гале. Горька ткнул в хвост:

— Смотри...

Рядом с убитым картечью спецназовцем-джаго лежал казавшийся по контрасту странно маленьким рыжеволосый человек — в пятнистом комбинезоне на широких лямках, мягких высоких ботинках, на правом рукаве — большая эмблема в виде пикирующего крылатого кота. Сторк, дошло до Сашки только теперь. Сторк-мальчишка или почти мальчишка. Ладони убитого были сведены на боку, рот широко открыт.

— То-то мне показалось... — буркнул Сашка. Их тут же бросило на лавки и пол, Люська чуть не вылетела своим ходом в люк — Димка её еле поймал.

— Осторожней, пенёк! — рывкнул он в сторону кабины. Хватаясь за колени, стены и лавки, Сашка добрался туда:

— Лети в сторону болота, скорей!

— Знаю! — огрызнулся Мирко, с трудом ворочавший слишком большие и далеко расставленные рычаги.

— Да вот же ж! — выкрикнула Галька. — Смотрите, вон они!

Два винтокрыла на полной скорости мчались над лесной грядой — один забирал наперерез к болоту, другой заходил с хвоста. Бронестекло слева разлетелось в крошево, холодный вихрь ворвался в кабину. С треском разодрало борт, все попадали на пол.

— Топливопровод пробит! — не поворачиваясь, крикнул Мирко. В салон затягивало чёрный, приторно пахнущий дым. Галька дёрнула рукоятями незнакомого пульта управления оружием; машину начало трясти и крутить в сторону от болота. — Сань, не дотяну! Не получается!

Сашка уже и сам видел — даже если и дотянут, то преследователи их расстреляют. Но совершенно неожиданно звёздчатая вспышка сверкнула слева по борту у того винтокрыла, который отрезал их от болота. Винтокрыл шарахнулся — и буквально врезался во вторую вспышку носом. Третья разорвалась под правым винтом, машину перевернуло через саму себя — и она тяжело рухнула вниз. В салоне невразумительно заорали, на все лады варьируя имя Димки. Но порадоваться толком никто не успел. Жуткий треск где-то позади заставил приборы практически отказать. Сашку вышвырнуло в салон, он успел услышать крик Мирко:

— Хвост горит!

Винтокрыл начало мотать — судорожно, неравномерно. Мирко сбросил скорость — машина начала падать. Увеличил — вновь пошла жуткая болтанка.

— Меня всегда на карусели тошнит, — сообщил Димка. — И я гранаты последние потратил.

Машка удерживала потерявшего сознание Дика. По борту стегнула ещё одна очередь, осколки металла, летя внутрь, ранили тех, кто не успел упасть на пол. Мирко, не переставая ругаться — в салоне было слышно — старался хоть как-то выправить винтокрыл, мотавшийся вдоль кромки болота. Вражеская машина заходила виражом на новую атаку.

— Эта дрянь нас расстреляет! — закричала, бледнея Люська. — Мирко! Мирко, да сажай же ты!

Её толком никто не понял за громом и грохотом. Бранка стояла на коленях у открытого бортового люка. Плечи её вдруг дёрнулись, девушка мгновенно перебросила затвор снайперки. "На что она рассчитывает... о?!"

Второй винтокрыл грузно завалился на борт. Фукнув, из двигателя повалил дымный огонь, машина потянула прочь, выплёвывая струи пламени.

— Падаем!!! — завопил Мирко.

Остатки винтокрыла дымились, наполовину уйдя в болото, метрах в сорока. Всё ещё не веря, что он жив, Сашка поднял голову. На него смотрело недоверчивое, перемазанное тиной и болотной грязью, недоверчивое лицо Горьки.

— Ну вот же ж... — с чувством сказал он. — Судя по тому, какие у тебя глаза — ты наделал в штаны? Не стесняйся, Сань, у меня — точно полные...

Друзья огляделись. Инертные тела, недвижно лежавшие тут и там в болоте, постепенно возвращались к жизни — как правило, сначала поднималась голова, потом — оружие, в конце — неуверенно и осторожно — всё остальное.

— Я всегда знал, что меня с вами убьют. — не открывая глаз, проникновенно сказал Мирко. — У меня перелом свода черепа, вывих правой коленной чашечки — любимой! — и разрыв сухожилий... оооооо, какие мукиииии...

— Обезьяны! — заорал Горька, поднимаясь. Мирко вскочил немедленно — видимые его повреждения ограничивались рассечённым лбом. Бранка немедленно начала вытирать лицо друга головной повязкой. — Ага, — с удовлетворением продолжал Горька, — запрыгал, симулянт...

— Обрати внимание, Мащ, — Сашка усмехнулся, — твоего Дика оккупировали.

В самом деле, раненый Дик висел на плече Гальки, которая обнимала его обеими руками.

— Ничего, — невозмутимо ответила Люська, — это Горьке за насмешки... Дик, ты как там?

Тот с немалым трудом улыбнулся:

— Если увидишь меня в обнимку с дурнушкой — вмешайся, это драка.

После этого он глубоко, обморочно побледнел и потерял сознание. Рана у него открылась ещё в полёте.

Если бы в это время джаго, отказавшись от мысли уморить юркого врага голодом, выбросили десант на кромку болота — они бы повязали отряд голыми руками. Помимо синяков, порезов, ушибов, мелких ран, густо покрывавших всех участников "сумасшедшего побега", были и серьёзные повреждения.

Дика лихорадило, рана воспалилась, пуля сидела где-то внутри — верные признаки того, что пуля отравлена, как любили это делать джаго — землян с их могучим иммунитетом это редко убивало, но всегда осложняло лечение. У Мирко оказалось нешуточное сотрясение мозга — его почти непрерывно тошнило, он не мог даже сидеть.

У Нины в правом бедре застрял осколок брони.

Олмер довольно долго мялся, жалобно смотрел вокруг и вздыхал, пока не выяснилось, что "картечь" — две вылетевшие из борта заклёпки — попали ему в зад.

— Великие небеса, у парней талант какой-то — получать повреждения, — вздохнула Люська, когда всё это выяснилось. — Половина покалечилась.

— Что с ними делать-то? — Машка сидела рядом с Диком, держа ладонь у него на лбу и глядя на друзей отчаянными глазами. — Он бредит...

— Спокойно, — Сашка присел рядом, — сейчас займёмся. Всё будет нормально.

Мирко уложили в тень с холодным компрессом из водорослей на лбу. Бранка устроилась рядом, положив руку ему на плечо. Нина и Олмер дожидались своей очереди, потому что необходимо было в первую очередь заняться Диком.

Галя ушла за малиной и мхом. Аптечек у отряда давным-давно не было, но небольшой хирургический набор из немецкой стали сохранился — его берегли пуще боеприпасов и обуви. Машка поставила их кипятиться, привычно разведя бездымный костерок ножом и кремнём. Димка стащил с Дика лёгкую кожаную куртку.

— Придётся потерпеть, Дикки, — неожиданно ласково сказал Сашка. — Потерпишь молча?

Дик, как раз пришедший в себя, облизнул губы и чуть кивнул:

— Скорей только... плечо горит...

Вернулась Галя со мхом и листиками малины. Она принесла ещё и молодой подорожник, кто знает, где и как найденный на болоте. Горька распотрошил аккуратно охотничий патрон, высыпав зеленоватый порох на один из листьев подорожника.

— Всё готово? — отрывисто спросила Люська. — Подержите-ка его.

— Не надо, — ответил Дик. — Не хочу. Да я не буду дёргаться. Только Маш... ты меня за руку держи. а ты, Олмер, спой что-нибудь, если можно.

Он прикрыл глаза. Машка, сидевшая рядом, тут же взяла руку англосакса в свои ладони и сжала.

— Прощай, позабудь — и не обессудь,

А письма сожги, как мост.

Да будет мужественным твой путь,

Да будет он прям и прост!^[11]

— раздался негромкий, суровый не по возрасту, голос Олмера.

Уверенным движением скальпеля девушка сделала небольшой, но глубокий надрез через вздувшуюся рану. Лицо Дика обсыпал пот, но он не издал ни звука и ни мускулом не двинул. Только открыл глаза и улыбнулся Машке — та ответила улыбкой, куда более жалкой, чем у Дика...

— Да будет во тьме для тебя гореть
Звёздная мишура,
Да будет надежда ладони греть
У твоего костра!

Сашка, сосредоточенно хмурясь, раздвинул края разреза. Люська точным движением пинцета извлекла из пузырящейся крови деформированную пулю, бросила её в сторону.

— Да будут метели, снега и дожди,
Да бешеный рёв огня!
Да будет удач у тебя впереди
Больше, чем у меня!

— Иглу.

— Очень больно? — кусая губы, спросила Машка. Дик покачал головой, улыбнулся:

— Нет.

Разрез Люська зашила аккуратными стежками биошёлка, потом присыпала порошком. Тут Дик не выдержал — зажмурился, уперся затылком в землю, выдохнул:

— А-а-ах-х...

— Тише, тише, родненький мой, дорогой мой, — Машка начала быстро целовать его лицо — закрытые дрожащие веки, плотно сжатые губы, мокрый лоб...

— Да будет могуч и прекрасен бой,
Кипящий в твоей груди.

Я счастлив за тех, которым с тобой,
Может быть, по пути!

Обложив защитую рану мхом, девушка прикрыла её мятым подорожником и завязала головной повязкой Горьки.

— Всё. Дайте ему кипятка на малине и укутайте потеплей, — Люська перешла к Нине.

— Саш, — Олмер незаметно подавал сигналы командиру. Тот кивнул:

— Чего тебе? Вне очереди тянешьмя?

— Слушай, — мальчишка понизил голос, — ты сам из меня эту дрянь не можешь вытащить?

— Я не хирург, — напомнил Сашка. — Даже не тренировался.

Лицо германца стало несчастным. Сашка присвистнул:

— А, понятно. Сто раз же и она тебя голым видела, и ты её.

— Ну... — Олмер дрожаще вздохнул. — Ну, одно дело видеть... а другое... — он печально посмотрел через плечо вниз.

— Ладно, — махнул рукой Сашка, — переворачивайся и терпи, если так...

Оставаться на месте Сашка не мог позволить ни себе, ни остальным. Они выждали всего лишь до вечера. Самодельные носилки с Мирко потащили Димка и Горька. Нина отказалась от помощи и шагала сама — не похоже было, что нога её хоть сколько-то беспокоит.

Отряд напоминал болотную нечисть — и по внешнему виду, и по тому, как бесшумно он двигался. Сашка и Галя шли впереди с шестами, нащупывая подходящую дорогу. В среднем тут было по пояс — по пояс вонючей холодной жижи, ещё толком даже не начавшей прогреваться после зимы.

Но впереди ждала надежда.

Уже через час мучительно-медленного передвижения справа на берегу появились огни. Донесли обрывки разговора, шум движков, выкрики. Это был явно фланг окружения.

— На берегу нет патрулей, — сказал Сашка, подождав Горьку. Тот кое-как вытер локтем лицо:

— Странно.

— Надо быть довольными.

— Я не доволен, — Горька покачал головой, — потому что это слишком просто и очень странно. Не прозевай засаду. Ты помнишь, что там был сторк? Сторк — вместе с джаго.

— Помню, но никакой засады тут быть не может, — возразил Сашка.

Рука Гали легла ему на плечо. На перемазанном грязью лице девушки поблёскивали глаза.

— Смотри.

— Мины, — Сашка даже засмеялся тихо, но это был горький смех. — Мины, вот ведь... так просто и так надёжно... Вот теперь-то мы точно заперты. Что можешь предложить?

— Один выход всё-таки есть, — Горька сухарём выскреб остатки консервов из банки.

— Есть? — уточнил Сашка.

— Есть, — подтвердил Горька. — Мы уйдём через болото вглубь.

Сашка опустил "маузер", который чистил.

— Ты что, заболел?

— Лучше быть больным, чем мёртвым. Может, они туда за нами и не сунутся. А если сунутся — мы их там умоаем. Даже с ранеными на руках. А тут нам ничего не светит. Мы не сможем даже умереть в бою. Они просто дождутся, пока мы сдохнем с голоду или от чего ещё. Кому как понравится.

Сашка огляделся. Пожалуй, нечасто его лагерь выглядел так уныло. Сразу было видно, что обитателям его здорово досталось за последнее время. Девушки, как это часто бывает, меньше поддались унынию, чем ребята — тормозили их, болтали, не давали окончательно (что было бы не удивительно) пасть духом. Усталость, раны, безнадежность, сырость, холод, близость торжествующего врага, голод — всё это разом свалилось на плечи землян. И на плечи их командира — более, чем на чьи бы то ни было. Поэтому он и не мог позволить себе даже немного отдохнуть.

Горька обнял друга за плечи:

— Послушай, — сказал он тихо, — не мучайся. Снова смерть против смерти — ну так и что же мы потеряем? А приобретём, если повезёт, то, что нам всем нужно — жизнь!

— Ты не оставишь меня? — спросил Сашка так, словно Горька мог растаять в воздухе, не сходя с места.

— Клянусь, — Горька серьёзно поднял ладонь в пионерском салюте, — что буду с тобой до самой смерти и после неё — тоже.

— И после? — усмехнулся Сашка. Но Горька не склонен был, как ни странно, шутить:

— И после. И не только я, но и все мы. За эти годы мы слишком сжились друг с другом, чтобы уходить просто так. И сейчас мы пойдём с тобой через болото — и с нами пойдут все те наши, кто погиб. И мы пройдем, Саш. Мы пройдем!

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ:

АНДРЕЙ ЗЕМСКОВ.

СКВОЗЬ ПУСТОТУ.

Магия звуков, странные числа,
Ветер бьётся в окна дома, оставленного людьми.
В гибкости луков — гибельность смысла
Жизни. Там, где тонко, рвётся вдруг тетива любви.

В холоде стали — чья-то усталость
После долгой битвы с ликом Горгоны в зеркальном щите.
Злее мы стали самую малость,
Ветром с толку сбиты, — бродим по золоту в нищете.

Сквозь пустоту молвы или молчания
Лететь и, разорвавшись на лету,
Осколками удачи и отчаянья
Дай Бог пробиться нам сквозь пустоту!

Срезаны стропы. Сам себе враг ты:
Спьяну да с испугу спутал с дорогою спутанный след.
Вздорные тропы, торные тракты
Водят нас по кругу. Солнце успело сойти на нет.
Тьма, обнимая, давит на плечи,
Вечер залпом выпит. Время, убитое лунным лучом
Рваного края раненой речи,
Лечит её на дыбе. Кто там за левым стоит плечом?..

* * *

Дио был в бешенстве — редком для него состоянии вообще, но ставшем обычным с тех пор, как он принял под команду группу Императорских Рук^[12], действующую на планете. Никакие неудачи на фронтах, никакой кошмар сокрушительной победы уже, казалось бы, разгромленных полностью землян на Сельговии не могли поколебать ироничного безразличия сторка. Казалось, ему плевать вообще на всё происходящее в Галактике. Но известие о вновь объявившейся маленькой группе партизан, идущих через болото, его потрясло. И это при том, что раньше он и над этой погоней посмеивался, хоть и давал своих бойцов для слежки и наводки. Теперь же на глазах у потрясённых офицеров он наорал на командира джагганского спецназа и мобилизовал всех своих на поиск и погоню.

— Если они уйдут, ты — персонально ты, урод! — потеряешь голову! Они вас всех водят за нос уже четвёртые сутки! Мобилизуйте всех! Я дам своих! Хотя бы одного землянина — взять живьём!

— Но это не деловой подход... не рабочий... — бормотал, путая сторкадские слова, испуганный джаго, на две головы возвышавшийся над юношей. — Наши сперва стреляют, а потом разбираются, кто перед ними. Да и ваши тоже... тоже не...

— Ничего не знаю! Ничего не хочу знать! — кричал Дио, его бледное лицо с расширенными горящими изумрудным пламенем глазами подёргивалось. — Если они пройдут болото — ты отправишься на тот свет, или куда там тебе положено — а остальной штаб — копать руду на какой-нибудь астероид!..

...Причины гнева были ясны лишь второму по старшинству в группе — Лью кен ло Лью токк Лью ап мит Лью по прозвищу "Крум'эль"^[13]. Они с Дио потом говорили с глазу на глаз, сидя в палатке на краю болота.

— Обо всех этих операциях — фронтовых, прифронтовых, противопартизанских и любых других — пусть болит голова у армейских командиров, — Дио увлечённо мазал свежую ячменную лепёшку мягким сыром, — а нам такую задачу никто не ставил. У нас свои дела. И ты не хуже моего понимаешь — если они перейдут болото — они найдут крепость, — он загнул палец свободной руки, и Крум'эль кивнул. — Если они найдут крепость — они спустятся в подземелья. Если они спустятся в подземелья — они найдут меч, перстень и браслет.

— Ну, вот тут-то им и конец, — Крум'эль покачал головой. — Они же перебьют друг друга из-за этих вещей. В том и смысл. Если я правильно понимаю — ими могли владеть одни Странники^[14]. И вот что, разве... — он выразительно помолчал, разглядывая друга чуть насмешливо^[15]

— Ты правильно понял, но недослышал, — поднявшись, Дио откинул полог палатки, впустил свежесть первой майской ночи. Того, что их подслушают, друзья не опасались — они говорили на старом языке, которого никто из джаго тут не понимал. — **Всеми** этими вещами и правда мог владеть только кто-то из Странников. Но это — **земляне**. С них станется поделить всё без драки. И тогда они станут поопасней полка их пластунов в наших тылах — и это, заметь, рядом с Джагганом, это — после проигрыша наших рабов на Сельговии! А что будет, если эти вещи из рук этих людей — попадут в руки... — он сделал странный жест. Его друг, резко побледнев, ответил другим жестом, сказал:

— Сторкад не может проиграть!

— Да не проиграет Сторкад, — кивнул Дио. И тут же мечтательно продолжал: — Вот бы с кем схлестнуться один на один! Олааааа...

— Оставь эти мысли, — вздохнул Крум'эль. — Ты — Тень^[16], Он^[17] не поймёт и не примет такого — чтобы ты рисковал, как обычный боец. Даже в такие тяжкие дни, как сейчас.

— Я не просил о чести стать Тенью, не просил о чести покинуть Род... — неожиданно грустно сказал Дио. — Я бы предпочёл быть пилотом. Обычным пилотом... — он встряхнулся. — Сам знаешь — такие вещи и такие люди, как эти земляне — они притягиваются.

— Да не отдадут они их никому, даже если найдут. — хмыкнул Крум'эль. Дио ударил ладонью по плечу:

— Сколько ты уже с землянами знаешься, а ещё не понял — отдадут! Нет у этих вещей над ними власти, нет! Пойми — нет! Даже над нами — есть, над землянами — **нет!** Потому Он и не беспокоился раньше! Попользуются земляне этими вещами на войне, а потом отдадут, как там у них положено, *на вишит'ём рюшьньике* — сам знаешь, кому! Ты что хочешь — чтобы повторилась история, которая едва не погубила всё в дни Весёлой Войны?!^[18] Нэрионов неготовность подвела, а землян?! Нэрионы были чистые техники, а земляне?! Разберутся, начнут копать и нюхать, и будет нам вторая Весёлая!

— А то нам сейчас хорошо... Да и не думаю, что тогда всё было так печально из-за подобных вещей, — возразил Крум'эль.

— И тем не менее! К чему в такие дни давать врагу лишнее оружие?! Тем более, как ты точно отметил, нам и сейчас-то не очень... хорошо, — Дио чуть улыбнулся. — С точки зрения разума мы занимаемся невероятными глупостями — беспокоимся о какой-то рухляди на чужой планете в те дни, когда наша армия потерпела такое поражение...

— Послушай, — неуверенно сказал Крум'эль, — я тут с тобой недавно, ты больше моего понимаешь в таких делах, но... но почему бы нам самим не взять эти вещи, раз уж мы знаем, где они? Не для себя, разумеется. Ты пойдёшь и возьмёшь. Не пользоваться, просто...

— Взя-а-ать?! — Дио поперхнулся лепёшкой. — Взять?! Предки, Пустота и всё... Как — **взять?! Там стоит стража! Такая, о которой мы даже и понятия не имеем — они ждут несчётную бездну времени и будут ждать ещё столько же! Они почуют, кто пришёл. Почуют — зачем пришёл. И тогда мне конец. Причём конец совершенно бессмысленный. Нет уж. Мы — тут ничего взять не можем. А они — взять не должны!**

* * *

Из-под удара помог уйти звериный инстинкт. Усталых, падающих на ходу, Сашка прогнал всех ещё три километра — и, как оказалось, очень вовремя. Ракеты обрушились на болото, как страшный метеоритный дождь. Всех швырнуло в грязь. Светло стало, как днём, более высокие деревья вывернуло, прошёл быстрый горячий дождь из густой грязи. А вдали шипело, урчало и булькало — кипела котлом на огне вода на месте удара.

— Здорово они на нас обозлились, — задумчиво сказал Горька, садясь в грязи. — Жуть. Когда поймут, что нас не накрыли — тогда и начнётся настоящая гонка.

Собственно, он констатировал очевидное — просто по своей привычке не молчать. Никто по той же причине ему не возразил, никто с ним не согласился.

Ночь провели, лёжа с раскинутыми руками на пружинящих кустах. Лежали молча — то засыпая, то просыпаясь, то просто глядя в небо, но одинаково неподвижно и молча.

А звёзды висели в чёрно-синем небе — крупные, яркие — точней, не висели, а неслись в пространстве Галактики с головокружительной скоростью, и не было им никакого дела до детей наглой расы, глядящих в небо на какой-то маленькой планетке — расы, всерьёз претендовавшей в перспективе на познание и власть не только над галактикой, но и над всей Вселенной. Мироздание продолжало своё вечное вращение в твёрдой, неколебимой уверенности, что никаким существам не под силу измерить его и овладеть его тайнами.

Усталые, израненные, загнанные юноши и девушки смотрели в небо — смотрели со смесью восхищения и хозяйской деловитости.

* * *

— Слева трое! — заорал Димка, распластываясь в прыжке через кусты. Грязь захлюпала — сложившись пополам, трое урчащих гигантов, выбирая ноги из вязкой массы, ринулись за ним.; Дик, задержав в здоровой руке гранату, метнул её в преследователей, граната

разорвалась бледным пламенем и белёсоватым дымом над головами джаго, они повалились разом, подняв волны чёрной жижи. — На деревья, обезьяны! — в полном восторге завопил Димка, перезаряжая обрез. — На деревья, а тут бегать надо лучше, ножками двигать!

Сашка отстреливался из-за переплетения полусгнивших ветвей. Рассчитанная засада врага провалилась — ещё ночью ребята просто засекли передвижения по болоту, обошли в свою очередь врага и врезали с тыла. Ракета, пущенная Сашкой, разнесла в ключья громадного джаго с плазмомётом.

— Кончатся! — подала голос Машка. — Патроны!

— Быстро! — скомандовал Сашка. — Мирко, Дик, Олмер, Бранка, Машка, Нинка — пошли отсюда! Бегом, вон под теми деревьями! Мы их уведём в другую сторону!

— Командир, да мы ж побеждаем! — заорал Дик.

— Этих — да, — Сашка забил в стволы обреза патроны с картечью. — Но у меня такое чувство, что сейчас появится команда поддержки, и они будут размахивать не флагами спортобществ... Мирко! Уводи людей, я сказал! Встретимся, когда сможем!

Сотрясение Мирко отпустило. Он кивнул и, быстро собрав названных, повёл их в сторону деревьев.

— Ты правильно сделал, что их отправил, — подполз Горька, его прикрывала, перекатываясь от куста к кусту, Галя. Люська и Димка с бесполезным сейчас "туном" виднелись поодаль — они не стреляли. — Мирко их выведет. А ты выведешь нас.

— Самое главное — верить в своего командира, — серьёзно сказала Галя. — Горь, отсыпь патрончиков.

— Экономней трать, хорошо? — Горька сыпанул девушке пригоршню. — У меня мало совсем уже.

— Внимание! — Сашка рывком перевернулся на спину. — А вот и желающие попраздновать вместе с нами!

— Мы из к столу не звали, — проворчал Горька, глядя, как пузатый грузовой винтокрыл, снизившись над деревьями, высаживает по тросам солдат. — Надеюсь, Мирко успел увести наших...

— Ничего, пусть подсаживаются, — Сашка встал на колени, перевёл ружьё на автоматику и начал методично расстреливать винтокрыл ракетами — почти не скрываясь и не жалея боеприпасов.

Слева из кустов вывалились двое спецназовцев, на автоматах блестели примкнутые широкие тесаки. Не стреляя, навалились. Сашка успел подставить под размашистый удар ружьё, вскочил, отпрыгивая от огромной туши, затянутой в чёрное. Горька, в броске заслонив собой Гальку, разрядил второму в черногубую плосконосую морду обрез. Крутнувшись вокруг своей оси, почти обезглавленная туша джаго рухнула в грязь. Сашку подмял его противник.

— Горь, берегись! — завизжала Галька, стреляя очередями — третий джаго, появившийся следом за первыми двумя, выстрелил в Горьку из огнемёта, юноша судорожно рванулся в сторону, его рука и плечо вспыхнули, но он уже нырнул в грязь. — Горь! — Галя, забыв о бое, упала на колени — к счастью, Люська точно срезала собиравшегося выстрелить ещё раз джаго пулемётной очередью.

— В порядке, даже брови не опалило, — Горька появился из грязи, похожий на болотную нечисть.

— Мммммммможет... может мммммннннн... п-могут?! — осведомился Сашка, из

последних сил удерживавший лапищу джаго с изогнутым ножом.

— Ой, сейчас! — Галя выстрелила джаго в голову из пистолета. Сашка с трудом поднялся, гримасничая от боли в помятом теле:

— Всё, пошли, пошли отсюда — скорей давайте!

* * *

Группа Сашки выскользнула из окружения буквально в последнюю секунду. Капкан не успел захлопнуться, но, увидев ускользящий хвост добычи, джаго бросились в погоню. Над болотом, засыпая его бомбами, постоянно барражировали винтокрылы — к счастью, покрыть всё огромное пространство дикой земли они не могли, это было всё равно, что ловить шарик ртути...

...Группа спецназовцев, тяжело, хрипло дыша, остановилась на относительно сухом месте, на всхолмье. Огромные джаго выглядели вымотанными до предела пешей гонкой за вёрткими землянами.

Подошедшие низом сторки — пятеро совсем мальчишек, вооружённых трофейными земными УАК — выглядели куда бодрей, хотя, признаться, не менее растерянными.

— Ничего?! — окликнул сверху офицер спецназовцев. Передний сторк поднял перепачканное лицо, отозвался:

— Ничего... — и, оглядевшись, процедил: — Такое ощущение, что всё кругом вуалью задёрнуто... — он покачнулся, но удержался на ногах. — Не можем найти.

— Но они тут или нет?! — голос джаго, громкий и рычащий, был почти умоляющим одновременно.

— Не знаю, не знаю... — раздражённо ответил сторк, и джаго не осмелился больше переспрашивать. Бормоча на ходу проклятья, его бойцы двинулись дальше. Сторки, несколько минут подождав и молча передав по кругу тускло-серебряную фляжку, двинулись следом.

Болото замерло в совершенном спокойствии. На корень, возле которого только что стояли сторки, вскочила здоровенная ледяная лягушка и самодовольно заурчала.

Поднявшаяся из грязи рука, спихнувшая ледяную лягушку в сторону, казалась частичкой жуткого сна. Голова — грязная, с текущей по длинным волосам жижей — выплюнувшая изо рта камышинку, усугубила это впечатление. Голова протёрла грязной рукой не менее грязный рот и отверзла уста:

— Гробовая тишина. Первый раз лежу одна.

Галя (а это была именно она) пошарила рядом и за ворот куртки извлекла на белый свет Димку. Тот глаз не открывал, а выражение лица и торчащая изо рта камышина придавали ему некое сходство с задумчиво курящим древним павианом.

— Не мой, — констатировала девушка и аккуратно погрузила парня обратно. — А здесь? — она пошарила по другую сторону. Оттуда её удалось достать Горьку, который тоже выплюнул камышинку и осведомился:

— Ушли?

— Вроде бы. Ты глаза-то открой!

Грин и правда сделал это. между тем из-под грязи начали выбираться постепенно остальные — вообще ни на кого не похожие.

— Это была на редкость удачная идея, — Сашка решил было встать, но Люська дёрнула его обратно:

— Да стой же ты! Дай я сначала всё сниму.

В полном молчании сидя в грязи, все наблюдали, как девушка, что-то бормоча, извлекает из жижи длинную тонкую верёвку, сматывая её на локоть. Верёвка совершенно не испачкалась и серебристо-неуловимо поблёскивала.

— Ну вот, теперь всё, можно выходить, — Люська убрала верёвку в кошель на поясе. — Это старый фокус, я даже не ждала, что у меня начнёт получаться...

...Вечером нагнали тех, кого уводил Мирко. На хвосте у них висели два десятка джаго, но атакованные в свою очередь с тыла, они рассеялись и отстали.

Остановились на три часа, да и то часть этого времени потратили на то, чтобы поесть — верней, **подъесть**. Боеприпасов осталось немногим больше, чем еды, которой осталось... ничего. Обувь осталось ровно столько, сколько патронов — то есть, немногим больше, чем ничего, одежда тоже пришла в жалкое состояние. Даже у Олмера не было желания петь, а у Горьки — шутить. В свете "толстеющего" Неразлучного ребята на болоте казались духами, вышедшими из его глубин — грязными, молчаливыми и неподвижными.

* * *

Утром погоня началась снова.

Точней, она не кончалась и ночью — преследователи рыскали по болоту в поисках отряда Сашки, как хорошие гончие, тратя нервы, патроны и горючее. Около восьми утра винтокрыл врага обнаружил землян на марше, неудачно обстрелял, а потом удачно навёл ближайшую группу спецназа.

Боя не получилось. Джаго подоспели как раз вовремя, чтобы обнаружить вязко затягивающиеся следы — они уводили в центр болотины, в те места, которые с давних пор были отмечены на картах и в отчётах, как "непроходимые".

Озверевший и уставший от нескольких суток погони офицер-джаго, плюнув в жижу, мрачно добавил словами:

— Вот им и могила, больше надоедать не будут, — и, неуклюже развернувшись, скомандовал своим: — Пошли. Кончено. Оттуда они не выйдут.

Отряд устало потянулся прочь...

...А они — **вышли**.

Это был первый день, когда утро не принесло гула и стрёкота винтокрылов над деревьями. Проснувшись, все долго прислушивались; Дик, разувшись, влез на одно из деревьев — но никого вокруг не было видно или слышно. А что более важно — лес беззаботно жил своей жизнью, ясней всего говоря: "Чужих нет!"

Когда стало ясно, что погоня кончилась, изо всех словно выдернули стержень, поддерживавший отряд во время этой гонки. Никому и никуда больше не хотелось идти, не хотелось вообще двигаться. Все лежали, где спали, лениво отмахиваясь от таких же ленивых тут мокрецов.

Они снова победили, доказав и себе и противнику, что сильней, умней, ловчей и выносливей. Они снова остались живы. Они снова спаслись. Разве этого недостаточно, чтобы ощущать себя счастливым, если тебе четырнадцать-шестнадцать лет? Парни и девушки бездумно смотрели на кроны низеньких деревьев, на голубеющее за ними небо с редкими бледными звёздами — и улыбались этим деревьям, небу, звёздам жизни...

Когда первое напряжение схлынуло — всех снова непреодолимо потянуло в сон. Последние пять ночей они или вовсе не спали — или спали, как сегодня, по два-три часа едва.

— Ребят, ребята, — заволновался Сашка, кое-как поднимаясь на ноги, — на всякий случай надо уйти подальше, ну?!

Большинство уже просто никак не отреагировало. Мирко уже тихо похрапывал. Горька, заложив руки за голову, с усмешкой наблюдал за командиром. Бранка, держа голову Мирко на коленях и изящно прикрывая рот, раздражаемый зевотой, ладошкой, сказала:

— Саш, не гонится за нами никто, не беспокойся. Давай отдохнём...

— Она права, — заметил Горька. Сашка ещё несколько секунд стоял в явном сомнении, потом — неожиданно почувствовал, что ему ужасающе хочется спать. Так хочется, что в какой-то момент он понял, что уже спит, спит стоя, пусть и с открытыми глазами. Он вздрогнул, махнул рукой и начал снимать куртку.

— Более правильного решения невозможно было и принять, — Горька закрыл глаза и тут же уснул

Сашка всё-таки огляделся ещё раз. Мда... все спали. Даже закалённые организмы землян, не выдержали перенапряжения пятидневной гонки и резкого нервного перепада, когда стало ясно, что опасность позади.

Сашка свернул куртку, бросил её между корнями дерева и лёг ничком. Одиночка припекала спину, иногда по верхушкам деревьев пробегал ветерок. "Сплю, что ли?" — подумал он. И это было величайшее блаженство...

...Шестеро ребят и пять девушек спали на небольшой полянке посреди гигантского болота, казавшегося пятнышком на зелёной шкуре огромного леса, бывшего в свою очередь лишь частью одно из континентов планеты. Они спали сном без сновидений — как спят смертельно усталые люди, совесть которых чиста.

Сашка проснулся с тем бесподобным чувством, которое бывает, когда просыпаешься — и чувствуешь, что ты отлично отдохнул и голоден, как зверь. Ещё не открывая глаз, он ощутил прохладу ночи, жар костра и запах дыма, услышал потрескивание сучьев и негромкие голоса друзей.

Чуть повернув голову, Сашка приоткрыл глаза. И еле сдержал почти растроганную улыбку.

Все девчонки кроме Машки, сидя у укрытого плотным навесом костра, дружно занимались починкой одежды и обуви. И то, и другое в этом нуждалось... Сашка вспомнил, что у него тоже вырван клочок из бока куртки, но тут обнаружил, что лежит не куртке, а на свёрнутом рюкзаке. Его куртку держала на коленях Галя. Сидевший рядом с нею Горька что-то шептал, а она довольно улыбалась и штопала.

Машка, устроившись на корточках ближе всех к огню, явно готовила. Дика наблюдал за нею, лёжа у огня — на руке у него была свежая повязка. Олмер, негромко посвистывая, тесаком рубил валежник, невесть где разобьитый на болоте. Мирко, сидя на солидном пеньке, натягивал тетиву на большой, только что законченный, лук — глядя на него, Сашка вспомнил: а патрон-то остался пшик, взять негде... тоже, что ли, о луке подумать? Димки у огня не было.

Дик лениво протянул руку к чему-то, дымящемуся на листе лопуха. Машка хлопнула его по пальцам.

— Ну вот, привет, — недовольно сказал англосакс, отстраняясь.

— Ничего не "вот", потерпишь, пока Сашка проснётся, да и Димка придёт.

— А я уже не сплю, — Сашка сел и потянулся. — Спасибо, Галь, — он легко поднялся и подошёл к огню. — Что тут у нас?

Машка вытерла лоб, поглядела снизу вверх:

— Ерунда тут у нас. Супчик из крапивы, камыш печёный, стрелолист печёный, жареный рогоз и побеги тростника...

— Бэ-э-ээ... — тихонько проблеял кто-то, но Машка невозмутимо закончила:

— ...а вот мяса нет. Димка сказал правда, что принесёт что-нибудь, но это вряд ли.

— И чего такое неверие в мои силы? — из темноты, бросив наземь к огню трёх больших кондилютр, шагнул улыбающийся Димка. Он был снова до пояса в грязи и мокрый по шею. — Вот, лопайте и вспоминайте меня добром... Люсь, брось штопать штаны этого вонючего маленького существа и займись моей одеждой, — он начал расстёгивать пояс.

— Если кто тут и вонючий, так это ты, — невозмутимо ответил Олмер, вонзая в землю тесак. — Спасибо, Люсь! — он поймал брошенные клёши и, прежде чем их натянуть, любовно расчесал пальцами скальпы в швах.

— Тогда придётся немного подождать, — извиняющимся голосом сказала Машка, — пока я мясо приготавливаю.

— Да сколько угодно, — махнул рукой Сашка.

— Меня, конечно, опять не спросили, — вздохнул Дик. Машка собралась к воде — выпотрошить и разделать зверьков — и он поднялся нехотя, чтобы идти с нею.

— Эй, смотри, чтобы её не украли! — крикнул Димка ему вслед. — С одной рукой-то не отобьёшься, а мясо пропадёт!

Сашке стало немного стыдно. Пока он беспощадно дрых (он — старший по возрасту, он — командир!), его подопечные буквально обо всем позаботились! Даже о том, чтобы защитить

ему куртку...

...Анютка. Анька, Анечка, Аня делала это. Он потёр через штанину шрам на правом бедре. И это тоже зашивала она... Сашка посмотрел вокруг. Нелепым и диким сейчас казалось, что кто-то может погибнуть. вот же они, живые, смеются, ходят, говорят... Но и... и те, кто сейчас мёртв, тоже были живыми, смеялись, ходили, говорили... А среди них была Анютка.

Толчок тоски был настолько болезненным, что Сашка даже тихонько простонал сквозь сжатые зубы. Но тут же увидел встревоженные глаза Горьки — и излишне оживлённо спросил:

— Ну что, начинается весёлый вечерок?! Может, пока споём на голодный желудок?

И они в самом деле спели несколько весёлых, довоенных ещё, песенок — лес и болото с изумлением внимали этим непривычным звукам. Но потом Олмер запел один. Он пел свою балладу о том, как полтора года назад погибли Тони Роклифф и сестра Мирко Лара Шаповалова. Тони прикрывал отход, а Лара вернулась к смертельно раненому другу...

Олмер пел глуховато, словно ему было не тринадцать, а все сто тринадцать лет...

— Я не могла не вернуться...
Ты прокричал мне: "Живи!"
Десять шагов... захлебнуться
В горлом пошедшей крови...
Как я могла не вернуться?
Жить... жить одной? Ерунда...
Выстрел. Ветки качнутся.
С неба упала звезда...

... - Готово, — сообщила Машка, помешивавшая в котелке длинной палочкой. — Налетай, разбирай!..

...Около двух ночи, когда большинство, явно переев, улеглись-таки спать, Сашка и Горька, как обычно, отошли вместе в сторону — далеко, пока не зачавкало под ногами. Свет гаснущего костра сюда совсем не достигал — темнота, пронизанная лучами звёзд и Неразлучного, пробивающимися через редкие кроны... Горька прислонился к дереву; Сашка застыл, согнув одну ногу в колене и засунув большие пальцы рук за обрез штанов. Оба молчали.

Горька, лениво протянув руку, сорвал веточку и начал жевать её, глядя на тёмный профиль своего друга — прямой нос, упрямый подбородок, нахмуренные брови... Они с Сашкой были друзьями, с сколько друг друга помнили, хотя Сашка и на восемь месяцев старше.

Неожиданно где-то очень далеко, на краю земли — а может, за её краем, или на небесах, между звёзд — завыл волк. Он, казалось, пел что-то своё... пел — непонятное людям, но настолько берущее за душу, что юноши заслушались. Это было дикое, странное пение, полное тоски и торжества, вызова и боли — песня существа, от века стоящего против всего мира, осознающего это и гордящегося этим...

— Живы, — улыбнулся Сашка^[19].

— Тебе не кажется, что они похожи на нас? — спросил Горька.

— Потому что против всего света и так же одиноки... — задумчиво произнёс Сашка. —

Да...

— Подпоём? — предложил Горька. И, прежде чем Сашка успел что-то сказать, его друг оттолкнулся от дерева, поднял голову и завыл, как волк в лунную ночь — мастерски подражая этому вою.

Сашка повернулся к нему всем телом. Ему показалось, что рядом в самом деле стоит волк. Подражать голосам тех или иных животных умели в отряде все, научила жизнь... но сейчас сходство было полным.

Нет, всё-таки это Горька... Он выл самозабвенно — дрожала кожа на горле, выступили вены и жилы, а в глазах дробилось и плыло отражение Неразлучного.

Сашка хотел было спросить: "Ты что, с ума сошёл?!" Но ощутил вдруг, как в его теле напрягаются все мышцы, как он превращается в натянутую между землёй и небом дрожащую струну — а Неразлучный вибрирует, как бронзовый старинный гонг, рождая в этой струне жуткую, дикую мелодию...

"О чём ты поёшь, брат мой волк? Может, о том, что злой чужак походя разорил твоё логово и унёс волчат? Или о том, что погибла твоя верная подруга? Может, плачешь ты над её окровавленным телом? Или нет, и был удачным загон, и ты свалил добычу, и вой твой не плач, а радость? Может быть... Я не понимаю, о чём ты поёшь, брат мой волк. Я человек, но логово моё сожжено, и подруга моя умерла у меня на руках. Я тут, я в лесу, я подпою тебе, брат мой волк..."

Странное чувство пронизало каждую клеточку тела юноши. До предела обострились все ощущения, — запахи хлынули в мозг, перед глазами всё поблекло, но он и так мог легко сказать, что происходит вокруг в радиусе километра, не меньше...

...и, вскинув к небу свой нож, Сашка завыл, сплетая свой голос с голосами Горьки и далёкого волка.

В течение ещё нескольких дней они оставались на этой поляне. Мирко застрелил огромного свинобыка, шкура которого пошла на новую обувь, а мясо решили провялить. Они приводили себя в порядок, отъедались и отдыхали. Горька в невесть какой раз перечитывал давным-давно найденную книгу — исторический роман о лётчике Покрышкине. Люська посадила Дика, Олмера и Машку писать в блокноте Горьки сочинения на тему "Современный город".

У одного Сашки не получалось отдохнуть как следует. Он много думал — а это отнюдь не лучший вид отдыха.

* * *

Как оказалось, они остановились в каких-то двадцати километрах от края болот. Двинувшись в путь рано утром и не особо спеша, они к четырём часам дня уже шагали по обычному лесу, наслаждаясь привычными звуками, твёрдой почвой под ногами и непроходящим ощущением победы и свободы. Шли, довольно широко разбрёдшись по лесу и даже позволяя себе негромко перекликаться друг с другом без имитации голосов птиц и животных.

Почти все помнили карту континента. Этот лес шёл до самого восточного берега огромной реки, надвое рассекавшей материк — земные поселенцы называли её просто Река, но никто из ребят на её берегах никогда не был. Подробных карт у них не было тоже, были только тактические карты тех мест, где они действовали прошлыми зимой и осенью. Одно было ясно — эти места ещё менее населены, чем те, из которых они пришли. Но враги, чтобы их бить, найдутся и здесь, а об остальном нечего было и думать.

— 115, 116, 117, - отсчитывал Горька на ходу, левой рукой обнимая Галю, — 118, 119, всё.

— Ты что там отсчитываешь? — Сашка обернулся к другу.

— Патроны к карабину, — вздохнул Горька. — 119. Плюс ещё сорок семь к пистолету и всего три к дробовику. Вот ведь... дерьмо! Извини, детка, — он поцеловал Галю, — и не говори ничего своему брату, а то он меня зарежет.

— У других не лучше, — Сашка тяжело вздохнул. — Прежде, чем приступать к делам, надо как-то боеприпасами разжиться.

— А у тебя сколько?

— Пятнадцать ракет, две сотни к "маузеру" и сорок к обрезу. Я бы тебе дал, но у меня "десятка", ты ж знаешь... Спроси у Димки... Галь, у тебя сколько?

— Сто тридцать к карабину. И всего два к пистолету.

Димка тем временем передал Горьке полдюжины патронов 12-го калибра. Распихивая их по гнёздам чехла, Горька вдруг остановился:

— Что за... — он посмотрел себе под ноги, обутые в новенькие узкие сапоги с затяжкой

поверху.

Остановились все. Странно — перед ними была прямая, как стрела, яма. Она шла в обе стороны, потом — сворачивала параллельно под прямыми углами. Сейчас яма была пологой и не очень глубокой, поросла кустарником, деревьями — но всё равно угадывалась. А когда-то это был ров — глубокий и широкий. Но это "когда-то" было очень, очень давно...

Все замерли у этого рва, почему-то опасаясь идти дальше — и переглядываясь. За рвом начинался довольно крутой лесистый холм, выше по которому виднелись скальные выходы.

— Это разумные сделали, — сказала Бранка, подкидывая на плече снайперку.

— Не волки же, — проворчал Горька. Неожиданно он напрягся — и ловким, профессиональным прыжком перелетел на другую сторону. Удержался на ногах, повернулся: — Давайте сюда, сколько можно стоять перед этой канавой?

Пока перебирались через ров, он уже взбежал вверх, к камням. И встречал друзей улыбкой:

— В общем, да. Это такие же скалы, как я — джаго, — он повёл рукой вокруг себя.

— А что это тогда? — Мирко нагнулся, сорвал колокольчик, протянул его Бранке, та засмеялась и ловко вставила цветок в волосы над ухом.

— А вы кругом посмотрите, — предложил Горька, садясь на камень и твёрдо ставя карабин между ног. — Посмотрите просто.

Машка догадалась первой:

— Это... стены! — воскликнула она. — Это правда стены!

— Умница, дочка, — кивнул Горька. — Вот остатки стен. А вот ту, — он топнул ногой, — должен стоять донжон. Только я сомневаюсь, что те, кто это строил, называли его донжоном. Ни джаго, ни мьюри давным-давно не строят каменных крепостей. А тут стояла крепость, очень похожая на земную. Потом её кто-то разрушил.

— Рейнджеры, — уверенно сказал Димка, снова оглядываясь. — А мы и не знали, что они были на этой планете! — он указал на сохранившийся на одном из камней знак: звезда в три луча и похожий на лилию цветок. — Звезда Трёх Миров и Огненный Цветок. — Тогда этой крепости, наверное, миллионы лет. И это не природный камень...

— Думаю, они не будут злиться, если мы тут заночуем, — с усмешкой сказал Сашка.

— Едва ли, — серьёзно ответил Горька, — ведь мы, как считают многие учёные — их потомки. Скорей уж наоборот — тут нас поберегут от бед.

— Себя-то они не сберегли, — покачала головой Люська. — И не рано ли на ночь останавливаться?

— Да больно место хорошее, — сказал Сашка. — Огня за камнями снизу не увидишь, а если вон там развести огонь — то и сверху навес делать не надо, и оттуда не заметят. Да и отбиваться отсюда удобно в случае чего... только почти нечем.

— И совершенно не от кого, — под общий смех дополнил Дик, играя коротким широким ножом.

Но почти тут же все насторожились.

На пределе слышимости, между тишиной и самым нежным дуновением ветра, вибрировал тонкий звук. Он рос, он ширился — и уже через секунду стало ясно, что это рёв реактивных турбин. Причём — не одного самолёта! Этот рёв стал давящим, жутким, все пригнулись, судорожно задирая голову, и Машка закричала, вытягивая руку:

— Смотрите, там! Там!

В тридцати метрах над деревьями, не больше, косо мелькнуло что-то угловатое,

сверкающее и стремительное. Понадобилось несколько мгновений, чтобы они осознали — это самолёт! — и распластались на земле, выставив в небо стволы — оглушённые, растерянные, ожидая удара и не понимая, откуда враг мог узнать с такой точностью. Где они?! И почему выслал скоростной самолёт, а не винтокрылы?! Но почти тут же Горька растерянно и даже испуганно вскрикнул:

— Это же! Это!!! Вы видели?!

Да. Они все успели разглядеть то, что имел в виду Горька.

Алого дракона, держащего в лапах синий щит с золотой свастикой^[20]. И то, что это были не просто атмосферные самолёты, а шедшие на не такой уж большой для них скорости космические машины.

Обалдевшие, растерянные, немые, ощущая себя, словно во сне, мальчишки и девчонки поднимались на ноги, обмениваясь недоумёнными взглядами. Если честно, все последние годы никто из них всерьёз не думал о том, как идёт война и идёт ли она вообще? Что Земля потерпела или потерпит поражение — никто из них не допускал и мысли. Но что мог установиться мир, а они — остаться на вражеской планете — каждый про себя вполне допускал, хотя для них это было, в сущности, таким же приговором, как и полный проигрыш Земли.

И вдруг... вдруг — такое! Наглядно и буквально над головами!!!

— Это старые "фальки"^[21] — пропищал Олмер. Кашлянул, возвращая себе свой голос, кашлянул снова, поморгал. — Это "фальки" же, правда? — и совсем по-детски оглядел старших ребят.

— Вы понимаете, что это значит? — спросил Сашка тихо. — Они, может быть, уже на планете.

— Ну, нет, — возразил Горька. — Это с авианосца. А авианосец... — он вдруг взялся руками за голову и тихо сказал: — "Фальки". Наши "фальки", ребята... восемь лет... восемь лет... восемь лет...

Больше никто ничего не говорил. Все смотрели в небо — туда, куда улетел истребитель. И у всех разом в этом молчании возникло одно и то же чувство: только что они видели тут, на этой планете, боевую машину их Родины. Значит, есть где-то то, что они видят во сне и о чём иногда разговаривают у вечерних костров?! Они сражались восемь лет — и только что над ними пролетела "фалька"?!

Земля вернулась! Вернулась Земля! Они — не последние бойцы Земли в этом мире!..

...Но тут же над деревьями, раскачивая и пригибая их, с грозным рёвом промчались, мрачно сверкнув антрацитово-чёрными остроугольными ромбами Альянса на серповидных крыльях, четыре серых боевых машины, атмосферные истребители Джаггана. Никто не успел ничего сказать — все пять машин преследовали друг друга уже высоко в небе, вертясь по замкнутому кругу. Отсюда нельзя было уже различить цвета, но хорошо было видно, что одна из машин больше остальных — и её берут в кольцо, точнее — в плотный смертоносный шар.

— Четверо на одного! Always so, damned bastards! Cowards!^[22] — закричал Дик, потрясая кулаками. Бранка болезненно ахнула; Мирко порывисто прижал её к себе.

— Он отобьётся, отобьётся! — крикнул Сашка, сам не веря в это — космической машине отбиться было бы трудно даже от одного атмосферного противника. На глазах

Сашки словно бы убивали надежду...

Победно грохоча моторами, серая четвёрка настигла "фальку", но... истребитель что-то сделал, как-то ловко развернулся — и они пронеслись мимо, как стая глупых злобных тварей! "Дра-да-да-да-дат! — послышалось в небе деловито-дробное. — Дра-дат!"

Хвостовой "серые" подскочил, начал забирать в небо по крутой дуге — всё медленней и медленней, пока на секунду не застыл совсем. А потом перевернулся и помчался к земле, выбросив жирный хвост дыма! В небе раскрылся бледно-зелёный зонтик над поспешно выплунутой спасательной капсулой...

Все вопили и прыгали, обнимались, целовались и бросали вверх оружие. Дик, поставив пулемёт на развилку дерева, в нелепом, но понятном азарте выпустил весь магазин по далёкому парашюту.

— Так их!

— Молодчина!

— Бей обезьян!

— Ура! Ура!

— Бей их!

— Ура Земле!

Развернувшись по широкой дуге, три вражеских машины бросились на "фальку" снова, не давая ей уйти выше, вырваться в космос. Несколько ракет рванулись к земному самолёту, но он отплёвывался белыми весёлыми звездочками, уворачивался — и вдруг снова атаковал, как настоящий сокол^[23], и ещё один джаго буквально разлетелся в воздухе в огненное крошево!

Внизу, на земле, орали до хрипоты, так, что лётчики просто обязаны были слышать вопли. Они непрерывно по-чёрному ругали врагов и сыпали нелепо-нежными словами в адрес лётчиков-землян. кто-то выкрикивал: "Никогда, никогда, мы, земляне, не станем рабами!" Димка возбуждённо вопил:

— Ракеты! Почему он ракеты не пускает?!

— Да он же наверняка со штурмовки, откуда они у него?! — кричал в ответ Горька.

Враги разделились и стали нападать с разных сторон, плетя смертоносную паутину виражей и грохоча пушками — но "фалька" уворачивался и огрызался очередями, упрямо стремясь вырваться вверх.

— Ну миленький! Ну хороший мой! — плакала Машка. — Ну немного ещё, ну стряхни их, стряхниииии...

"Дра-д..."

Очередь оборвалась. "Фалька" больше не стрелял — лишь крутился по спирали вверх. И тут же джаго набросились на него, как обрадованные злобные, но трусливые, хищники, понявшие, что опасный враг беспомощен. Они снова и снова сверху давили "фальку", жалея его очередями.

— Он безоружен! Безоружен! Сволочи! — кричал Мирко, не сводя глаз с неба. — Я вас всех убью, сволочи! Он же безоружен!

"Фалька" вдруг перевернулся и начал беспомощно падать — падать куда-то в сторону. От него отлетали куски. В небе вспыхнуло оранжевое полотнище над выстреленной кабиной. И сейчас же вокруг него замельтешили оба джаго — почти в упор разбивая её очередями.

На поляне стоял сплошной вопль.

— Гады, гады, гады! — надрывался Мирко. Олмер бросил автомат и плакал навзрыд. Сашка взял его за локти и прижал к себе, глухо сказал:

— Не плачь, — не сводя глаз с неба. Он уже и припомнить не мог, когда кто-нибудь из них плакал, видя смерть. Но эта смерть всем показалась чудовищной. Словно злая рука уничтожила что-то невероятно светлое и чистое...

— И каждый умрёт в бою

За всё, что у нас здесь есть -

За вечную нашу месть,

За горькую нашу честь... — тихо произнёс Горька и вдруг, резко подтянувшись, вскинул руку в земном военном салюте. На поляне стало тихо почти сразу. Один за другим мальчишки и девчонки отдавали салют... Олмер мазнул ладонью по глазам, упрямо стиснул зубы и тоже поднял руку.

— Смотрите, он сюда снижается! — в возбуждении почти завизжала Галька.

В самом деле! Скоростные машины джаго, победно ревя моторами, умчались прочь — а от рушившейся под горящим куполом кабины вдруг отделился и расправился ещё один парашют, намного меньше. И он летел сюда — в сторону ребят! Кабина с хлопком вспыхнула и исчезла вдали за деревьями комком пламени... а сверху на ребят вдруг упали алые тяжёлые капли. Парашютист оказался совсем над ними — прямо над головами! — пролетел, упал на вершину холма и... **исчез!**

Исчез — вместе с парашютом, словно втянутый в землю. Это до такой степени поразило всех, что на какое-то время все другие чувства, кроме изумления, исчезли. Наконец, Горька опомнился. Он бросился наверх — и первым был у дыры в земле. Диаметр примерно в метр, она уходила в черноту — и туда всё ещё сыпались песок, земля и сухие прошлогодние былки.

К счастью, он не успел нагнуться над дырой — выпущенная оттуда очередь ссекла несколько веток с дерева напротив.

Все моментально рефлекторно залегли. И послышался глухой от боли голос, шедший из-под земли:

— Well, wha'have risen?! I one an'I die, go and fini'ff me, cowardly mongrels!^[24]

Человек попытался оскорбительно засмеяться, но лишь закашлялся и с трудом подавил стон. Сашка и Горька переглянулись — человек говорил по-английски, это точно был землянин, хотя всех слов они не разобрали...

— Эй! — крикнул подползший Дик и дальше кричал по-английски. — Мистер, мы земляне, слышите, земляне! Я англичанин...

— Иди к дьяволу! — раздался крик. — Думаете меня обмануть, сволочи?! Ближайшие земляне тут на моём корабле, а до него вам не дотянуться, руки теперь коротки, понял?!

— Мистер, честное слово! — вмешался Сашка, с трудом подбирая слова. — Я — Алекс...

— Язык выучи и назовись наследником престола! — оборвал его лётчик. — Твари!

— Да я русский! — оскорблённо заорал Сашка. — Что вы как ребёнок! Ну... ну... у нас в России правит...

— Это все знают, заткнись! — лётчик пару секунд помолчал, потом спросил: — Кто Возглавляет Большой Круг?!

— ФонРайхен! — обрадованно-поспешно крикнул Сашка. Горька вздохнул, сделал большие глаза — и точно, ответом была насмешливая брань, а потом торжествующий крик:

— Уже пять лет, как Столпников! ФонРайхен, видели вы?! Уроды конченные, и разведки ваши... давайте, идите, берите меня, хватит трёпа!

— "ФонРа-а-айхен", — передразнил Горька. Сашка огрызнулся:

— Откуда я знал?! И ты не знал, откуда нам... а! Мистер! Мы восемь лет тут... мы...

— Спецназ восемь лет в тылу врага?! Да ну?! Ты, наверное, даже не сторк, может, калм?! Врёшь и не краснеешь!

— Да что ж за... — Сашка встал в рост. — Да слушайте вы! Мы не спецназ!

— Мы партизаны! — поддержал Мирко. Ответом был новый залп брани:

— Партизаны?! А может, Дикая Охота, Эдрик и Годда в одном лице?! Какие ещё партизаны тут?! Я у вас от смеха сдохну раньше, чем от потери крови!

— Не верит, — огорчённо прошептал Сашка, поворачиваясь к своим. — Ни в какую...

— Мистер! — тоже по-английски закричала вдруг Люська. — Нас тут пять девушек — как думаете, у кого тут могут служить пять девушек?! Одной вообще четырнадцать лет! И ещё тут мальчишка, ему тринадцать всего!

— Дура, — отчётливо сказал Олмер.

Слышно было, как внизу упало что-то металлическое.

— Ребята, — хрипло позвал лётчик. — Правда наши, что ли?..

...Попрыгав вниз, они оказались в высоком каменном коридоре со странно приглаженным сводом. В свете, падавшем в дыру сверху, была видна округлая арка, срезавшая коридор дальше направо; слева коридор был завален на всю высоту.

Лётчик лежал на полу в груди парашютной синтетики. И его лёгкий скафандр, и парашют, и пол были в крови, но лётчик сразу отказался от помощи:

— Не надо... мне конец, тут десятка полтора дыр... с такого расстояния били, что... бомбардира сразу убило, а мне вот... а мне не надо больше ничего, — он улыбнулся, оглядывая сгрудившихся вокруг молчаливых ребят. — Ого, а вы как из кино... мне бы такие фирменные брючки, как у тебя, парень, — он кивнул Олмеру, и стало видно, что он сам ещё совсем молод, лет двадцати. На рукаве его формы были два молота — все помнили, что это обозначение звания лейтенанта в ОВКС Земли.

— Мы видели, как вы сражались, — тихо сказал Олмер. Лётчик улыбнулся снова:

— Ну, мы им поубавили самоуверенности. И, по крайней мере, я умираю среди своих, хоть это и похоже на сказку... кто там у вас англосакс?

— Я, сэр, — вышел вперёд Дик. — Ричард Робертс, сэр.

Девчонки почти все разом заплакали. Держалась только Галя, но и она часто моргала и покусывала губы. Парни потупились и громко сопели.

— Ну, это лишнее... — лётчик закашлялся кровью. — Бросьте лить слёзы, лучше бейте их и дальше...

— Послушайте, — Сашка опустился на колени. — Послушайте, нам надо... мы думали, что тут глубочайший тыл... мы остались во время эвакуации... нам очень жаль, но поймите... как идёт война?

Лётчик вдруг улыбнулся. И сказал, привстав:

— Была Сельговия... их армии разбиты. Вам осталось продержаться не так и много, мы наступаем, они — бегут, не отступают — бегут. На эту планету готовится десант. Это всё прав...

И он бесшумно упал обратно — на свой парашют.

Его звали Турферт Фаулер.

Ребята не взяли у пилота ничего. Ни отличной карты. Ни хорошего ножа. Ни незнакомого большого пистолета. Ни многоцелевого хронометра в противоударном корпусе. Завернув труп в парашют, они выбрались наружу.

Впрочем — не все.

Горька продолжал стоять в коридоре, задумчиво глядя в его темнеющую глубину. Сашка, свесив голову сверху, спросил:

— Тебе что, руку подать?

— Я туда, дальше, хочу пройти! — с неожиданным азартом откликнулся Горька. Сашка хмыкнул, но смолчал. — Подумай — крепость Рейнджеров! Когда ещё такое можно будет увидеть; это же настоящее открытие! А я даже рисунков или снимков не помню... — голос Горьки стал почти жалобным.

— Нам-то сейчас что до него? — нетерпеливо сказал Сашка.

— Ну... — Грин коротко пожал плечами. — Понимаешь... мне кажется, что тут никто и не был с того дня, как крепость разорили. В общем, ты как хочешь — а я пойду.

— погоди, — тяжело вздохнул Сашка, — сейчас я факел сооружу...

...Они шли уже довольно долго, растягивая за собой трос. Подземелье не походило на лабиринт, но на всякий случай стоило принять меры предосторожности — максимально возможные.

Сашка светил факелом. Горька осматривал стены и арки, сделанные в виде всё тех же Огненных Цветов — не найденных пока вживую ни на одной планете! — соединённых в середине потолка вырывающимися из сердцевин языками пламени. На стенах не было ни росписей, ни барельефов; слева и справа тянулись ряды выбитых дверей, за которыми обнаруживались снова и снова скучные пустые комнаты, словно это была казарма... или, может, как раз и была? Похоже было, что подземелье тщательно и профессионально почистили. И, судя по дверям — те, кто разгромил крепость, неизвестные земной науке, но, видимо, страшные противники Рейнджеров.

И всё-таки Сашка не ворчал, осматриваясь с не меньшим интересом, чем Горька. А тот неожиданно и совершенно ни к месту спросил:

— Ты заметил, что наши как-то не очень обрадовались, когда слышали, то, что лётчик сказал?

Сашка посмотрел на него:

— Да ну. Просто они удивились и обалдели. Да я и сам...

— А всё-таки нет, — упрямо и уверенно возразил Грин. И добавил задумчиво: — Знаешь... по-моему, им уже просто трудно себе представить, что где-то есть какая-то война и какие-то земляне. Это для них что-то вроде религии, или даже сказки.

— Ляпнешь тоже... — Сашка поморщился.

— Да? — грустная ирония была в голосе Горьки. — А я вот и сам понимаю, что очень многое забыл. Мне сколько тогда было? Шесть лет же. Куски какие-то, обрывки в голове... Смотри, пыли нет.

Сашка остановился, удивлённый такой переменой темы разговора. И понял только

сейчас, что это настоящая правда. Коридор выглядел так, словно его аккуратно убрали. Левой рукой Сашка потянулся за "маузером", но поймал взгляд Горьки и, пожав плечами, неловко улыбнулся:

— Так... — хотя друг ничего не спросил и вообще уже снова смотрел в другую сторону. — Знаешь, похоже, тут роботы-уборщики постарались, помнишь, была серия такая? Они ещё вечно ломались, — он хотел, чтобы эта болтовня прозвучала оживлённо и свободно, но Горька неожиданно сам схватился за пистолет, хрипло выкрикнув:

— Факел выше!

Сашка вздёрнул заколебавшийся огонь — пламя расплылось на потолке, закоптило. Но Горька уже явно перевёл дух.

Коридор почти перегораживали статуи непонятных животных. По этой планете или по каким-то ещё, смутные книжные знания о которых оставались в памяти, ребята не помнили таких. Они чем-то напоминали древних львов Земли — и в то же время медведей или... волков? Статуи замерли в позе сфинксов и были нетронуты — похоже, что те, кто взял крепость (если её взяли), сюда так и не дошли. Вообще-то в этом не было ничего страшного — наверное, она стала рушиться, и грабители поспешили убраться.

Друзья остановились плечо в плечо, переводя дух. Их громкое, нервное дыхание было единственным звуком в тишине коридора. Тьма была впереди, за статуями, она же смыкалась позади, в неё уходил трос. Что скрывала эта тьма? Ничего? Или...

Горька переступил с ноги на ногу и коснулся плечом плеча Сашки — просто чтобы ощутить человека рядом. Плечо было потным и холодным — Сашке не по себе...

"Ерунда, — подумал Горька. — Просто большой подвал. Или пещера. Мы сто раз были в пещерах и даже зимовали там." Он перевёл дыхание и вытер лоб. Его лоб тоже был потным и холодным.

— Пойдём дальше? — спросил Сашка. И признался: — Мне жутковато.

Такое он мог сказать только Горьке. Никому больше.

— Мне тоже, — криво усмехнулся Горька. — Пойдём, я всё-таки хочу посмотреть, что там, дальше.

— Пойдём, — повторил Сашка и резко оглянулся. Во тьму уходил трос; больше никого и ничего.

Они прошли между каменными животными, изваянными с великолепным, но холодноватым мастерством, и вступили в новый, более широкий, коридор. По обе стороны через каждые два примерно метра из стен выступали барельефы — воины в остроконечных шлемах с широкими наносьями и кольчатými шарфами, одетые в кольчуги, сжимали в руках недлинные мечи или прямые секиры — длинные, прижатые к коротким древкам, полотнища с тяжёлыми концами. Лица воинов были неразличимы — их словно бы специально сделали такими — но рост, широкие плечи, могучее сложение говорило о том, что это настоящие богатыри. Ни Сашка, ни Горька не помнили подробно о том, какие статуи встречались в городах Рейнджеров и не могли ничего об этом сказать. Как же они сейчас проклинали своё вынужденное невежество...

Снова подняв факел выше, Сашка различил высоко под потолком — по обе стороны коридора, над головами каменных воинов — бегущие строки букв, высеченные в камне. Он нечётко, но вроде бы помнил, что записи в городах Рейнджеров встречаются нечасто (большинство учёных считали, что пра-цивилизация стояла настолько высоко, что практически перестала нуждаться в записях информации в каком бы то ни было виде) и они

до сих пор не расшифрованы. Видимо, и это была одна из таких.

— Смотри, — шепнул Сашка.

— Вижу, — так же шёпотом отозвался Горька.

— Дёрнуло меня — тащиться с тобой, — голос Сашки звучал слегка нервно.

— Не бойсь, — Горька подмигнул, — выберемся. Дойдём до конца и повернём.

— Ага, иди-то совсем ничего осталось, — согласился Сашка, — буквально туда и обратно... ах ты!!!

Он едва не заорал от страха. Горька со свистом втянул воздух. Факельное пламя дрожало на стенах, полу и потолке — может быть, впервые за тысячи... десятки тысяч?.. лет освещая то, что было впереди.

На юношей глядело лицо. Оно было благородным, прекрасным, одухотворённым, но в то же время в больших глазах странноватого пурпурного оттенка читались горечь и боль — они были, как муть в чистой воде — а правильные черты искажали сдерживаемые ненависть и гнев.

Горька выдохнул и сказал чуть дрожащим голосом:

— Картина. Это просто картина, Саш.

Ощущая явственную дрожь в ногах, Сашка тоже перевёл дух. Конечно же — картина. Написанная талантливым художником, почти живая — но только картина...

Юноша, золотистые волосы которого развевались по ветру, одетый в полный кольчужный доспех, стоял на фоне чудовищной битвы. Заходило большое зеленоватое солнце. Груды порубленных тел высились, как жуткие рукотворные холмы. Волна бронированных всадников, явно не-людей, верхом на каких-то ящероподобных двуногих животных, с длинными копьями наперевес атаковала построившихся ромбом пехотинцев, могучих светловолосых великанов, часть из которых закрывалась большими миндалевидными алыми щитами и выставила копья, а часть стреляла из больших луков.

Обшитые чешуёй сапоги юноши до середины голеней были погружены в кровь. Он стоял среди трупов всадников и их животных. Левой рукой протягивал вперёд отрубленную клыкастую голову с плоским носом, держа её за длинные редкие волосы, а правую держал ладонью вверх, с растопыренными пальцами. То ли просил что-то дать ему, то ли протестовал бессознательным жестом, не желая продолжения бойни, то ли был это всего лишь жест отчаянья...

Смотреть на него было страшно и почему-то стыдно. "У него тоже всё отняли, — бессвязно подумал Сашка. — Он не хотел убивать, ему пришлось делать это... и он хочет понять, как это получилось и что теперь делать, как жить..."

— Посмотри, — показал Горька на верх картины. Только теперь Сашка понял, что наверху, над полем битвы, ровным строем висят неподвижно несколько больших кораблей. Они ничего не делали, не стреляли, не двигались — просто висели на месте. Одни — похожие на обычные геометрические фигуры, словно бы две соединённых основаниями пирамиды, вторые — напоминавшие корабли землян, хотя и отдалённо. — Это не древнее сражение. То есть, оно очень древнее... для нас... но для сражающихся оно не древнее... — Горька запутался, досадливо поерошил волосы... но Сашка понял его мысль.

— Может, это просто какой-то символизм, — тихо сказал он. Горька покрутил головой, потом ответил:

— Если всё для нас закончится... закончится хорошо — я приду сюда с экспедицией. Настоящей. Пусть будет живым ещё один кусочек истории. За правду надо бороться —

бороться без сроков давности!

"Бороться за правду без сроков давности, — подумал Сашка. — Хорошо он сказал... — его поразила странная мысль — что, если они сейчас и Рейнджеры тогда делали и делают одно дело? И подумалось: — Но они же проиграли... — и тут же Сашка оспорил себя: — Добру не вечно проигрывать. И почему бы и не нам одержать ещё одну его победу?!"

— Посмотрим, — сказал Сашка негромко, чувствуя, словно что-то бы приподнимает и расправляет его и без того прямые плечи. — Посмотрим, но одно я точно знаю уже сейчас: пока мы боремся — нас никто не победит. Даже если убьёт.

Горька промолчал, но молчание его было одобрительным. А Сашка сделал ещё шаг вперёд. Юный рыжеволосый дикарь перед картиной древнего воина — каким-то неведомым чувством Сашка понял, что, даже если бы он не пришёл сюда вот так, вот таким и правда дикарём, а прилетел на вертолёте — для воина на картине он, пожалуй, всё равно был бы дикарём, потому что вся цивилизация Земли в сравнении с ним родилась вчера... а то и сегодня утром. Но это почему-то не давило и даже не задевало гордого землянина.

Едва Сашка сделал этот шаг, как под ногой у него что-то звякнуло — глухо, но отчётливо. Он опустил факел и негромко вскрикнул удивлённо:

— Смотри, Горьк!

С трудом оторвавшись от разглядывания картины, Горька нагнулся, упираясь руками в колени.

Яркие блики отражённого света запрыгали по стенам. На полу лежали сверкающие предметы — и непонятно было, откуда они взялись, пусть и в полутьме, но нельзя же было их не заметить.

Первым предметом было золотое кольцо — гонящийся за своим хвостом зверь, похожий на волка (но чем-то и отличавшийся). Между носом и хвостом зверя кроваво сверкал крупный рубин, огранённый множеством мельчайших плоскостей.

Рядом лежал золотой же браслет — в три пальца шириной. На нём сражались друг с другом гравированные странный змей и такой же похожий на волка зверь — глаза волка сверкали двумя рубинами, глаза змея — двумя изумрудами, клыки — выложены какой-то белой эмалью.

Но самым главным был меч.

Меч буквально приковал к себе взгляд Сашки. Такого оружия он не видел нигде и никогда. Длинная — не меньше тридцати сантиметров — рукоять была образована сплётшимися металлическими стержнями и увенчана головой всё того же волкоподобного зверя с разинутой пастью. Гарду образовывали распростёртые крылья птицы, в месте их схождения сверкал чистейший крупный бриллиант, с другой стороны — чёрный опал. Узкий, шириной не больше трёх сантиметров, и короткий, всего вдвое длинней рукояти, клинок был плоским и обоюдоострым. Это могло показаться несоответствием, но не казалось — скорее притягивало. Сашке вдруг ужасно захотелось взять это оружие. Как будто... да, словно оно ковалось для него. Хотя так быть и не могло.

— Это его меч, — сказал Горька. — И перстень, и браслет — его.

— Что? — Сашка не без труда очнулся от грёзы-желания. Горька молча показал на картину.

И Сашка увидел! Да, конечно же! Рукоять меча у пояса... блеск перстня в волосах отрубленной головы врага... браслет на протянутой руке...

Сашка прерывисто вздохнул. Это было странно — ещё более странно, чем всё, что он

видел за сегодняшний странный день. Оружие и украшения были словно бы молчаливыми, но живыми свидетелями того, что неведомый воин жил. Будто протянулась между тем невероятно давним прошлым и настоящим днём тонкая, но явственная нить.

Друзья присели на корточки. Сашка, подняв факел чуть выше, негромко сказал:

— Как думаешь, если я возьму меч — ничего?

— Думаю, что ничего страшного... — ответил Горька. — А я возьму перстень и браслет. Знаешь... я даже думаю, что эти вещи лежат тут не просто так. Они ждут кого-то.

— Ну не нас же... — усмехнулся Сашка.

— Кто может сказать? — возразил Горька серьёзно. Он нагнулся и, подняв перстень и браслет, покачал головой, обращаясь к картине: — Наверное, вы были бы довольны, что эти ваши вещи вновь увидят свет. И будем надеяться, что они принесут нам счастье.

— А меч возьму я, — Сашка наконец решительно взялся за рукоять и поднял оружие. — Я, может, и не имею на него никакого права, но к чему ему лежать тут — а в моей руке он, может быть, снова сойдёт в дело!

Длинная дрожь прошла по сводам и полу. Друзьям почудилось, что барельефы воинов в коридоре вдруг обрели объёмность и выступили из стен. Послышался стонущий злой крик... откуда-то снизу, что ли?

И снова всё затихло — или ничего и не было, всё показалось?

— Мы уходим, — тихо сказал Сашка.

— Мы уходим, — эхом откликнулся Горька, — но во всяком случае я вернусь сюда...

... - Мы уж думали, что вас засыпало! — Мирко возбуждённым жестом подал руку Сашке. — Пора отсюда уходить, к утру тут уже будут...

— Мы никуда не пойдём, — усмехнулся тот, выбираясь из провала. — Нам надо ещё разжиться боеприпасами!

Лётчику сложили погребальный костёр недалеко от камня со звездой и цветком. Но место кострища и дыру, ведущую в подземелье, скрыли как можно тщательней.

Отряд остался ночевать на вершине холма. Расположились за камнями, не разжигая огня, пожевали вяленое мясо с остатками сухарей — и постепенно все задремали. Уснул даже Сашка, сжимая в руке меч.

Не спал один Горька. Он находился в странно-вздораженном состоянии, его не отпускало это ощущение с тех пор, как он надел перстень и браслет. Перстень оказался неожиданно узок, но Горька в непонятном ему самому ожесточении буквально натиснул его на мизинец.

Сейчас он пытался уснуть. Не получалось. Его будоражили дики, обжигающие мысли, казавшиеся реальной реальностью, совершенно чуждые и его прошлому, и его настоящему. Он делал усилия, чтобы справиться с собой, вернуть привычное холодно-ироничное состояние рассудка. Ничего не получалось и тут.

Власть. слава. Подвиги. Победоносная война. Он сможет не только победить в этой войне, он сможет бросить к ногам Человечества всю Галактику! Почему бы и нет? Всё начинается с кого-то... и династии — тоже.

Да, но есть ещё третья вещь — меч. Меч, без которого ничего не выйдет. Он у Сашки. Надо срочно забрать...

...Горька взглянул на спящего друга. Стоп, именно **друга**. Меч у Сашки, у Сашки пусть и остаётся... но ладонь Унтерова во сне плотней обняла рукоять, и Горьке почудилось, будто на его глазах лапают его девушку. Он тихо зарычал. На каком основании Унтеров захапал его меч?! Все мелкие, нелепые обиды, когда-либо в обычных мальчишеских отношениях и совместной лесной жизни причинённые вольно или невольно Сашкой Горьке, всплыли на поверхность сознания, будто уродливые чудища океанских глубин, разрастаясь до гротескных, заслоняющих мир, размеров.

Если бы Горька сейчас увидел себя со стороны, он бы отшатнулся в ужасе и омерзении. Юноша выглядел... нет, не старше своих лет, земляне не бывают **такими** ни в каком возрасте. Глаза злобно горели и щурились, губы подрагивали. Левая рука со скрюченными, как когти, пальцами, лежала на колене, правой он бессознательно стискивал рукоять ножа.

Убить! Убить и забрать меч!

Горька неслышно поднялся и сделал бесшумный шаг, пригибаясь, словно зверь перед привычным боевым прыжком.

Резкий повелительный окрик на чужом языке заставил его вздрогнуть и замереть. Рука упала с ножа; Горька не мог понять, кто его окликнул и почему все остальные спят?! Подкрались враги?! Но неужели никто не слышал... и что, собственно, он вообще собирался де...

— Мамочка, — выдохнул Горька, с размаху садясь на место. Тут же привстал, спрятал руки под зад и повторил: — Мамочка, ой... я же чуть не... — он стукнулся лбом в ствол дерева, посмотрел на спящего Сашку, помотал головой и решительно улёгся, но тут же снова привстал на локтях и негромко спросил: — Кто тут?

Ответом ему была тишина, нарушаемая только тихим дыханием спящих, да обычными

звуками ночного леса. Горька попытался сосредоточиться, вспомнить, что его разбудило — но ничего не получалось, только сон какой-то вспоминался, страшный сон. А потом что-то кто-то ему сказал... Горька, ероша волосы, снова прилёг — и локтем наткнулся на перстень. Очевидно, сон его свалил, когда он старался натиснуть перстень на палец — как дурак, видно же, что тот ему мал. Да и не подходит совершенно... Пожав плечами, Горька убрал перстень в кармашек к рунам на поясе.

Было прохладно. Лес примолк, только вскрикивали птицы, да хрустело в чаще — опять же хорошо знакомые, привычные звуки. Горька сел снова, пожал плечами — выспался, что ли? — потом осторожно поднялся на ноги, чтобы не разбудить спящих рядом Сашку и Галю, но Сашка всё равно, конечно же, проснулся:

— Фух, — проворчал он, скользнув пальцами по мечу. — Горь?

— Я, я, — откликнулся тот.

— Мне сон снился, — сообщил Сашка, — про охоту... А ты куда собрался?

— Облегчусь и приду, — объяснил Горька. Он и в самом деле ощущал очень сильное желание...

...Обычно люди, проснувшись, ещё какое-то время зевают, наступают себе на ноги, стучаются лбом в дверные косяки и вообще не совсем нормально себя ведут. Но Горька давно излечился от подобной дурости. Он мог проснуться заснуть, как хищник — мгновенно и с ясной головой.

Спустившись с холма, он подошёл к понравившимся кустам. Но даже не успел распустить ремень своих клёшей. С поразительной отчётливостью юноша ощутил, что **рядом с ним кто-то стоит**.

Горька плавно, медленно повернул голову. И сдержал крик, когда что-то ткнулось ему в браслет... а потом мокрый, холодный нос прошёлся по руке. Рядом с ним стоял огромный — под метр в холке — серый волк. Широченная грудь, могучие плечи, сильные лапы, большая голова с острыми ушами и умными жёлтыми глазами — Горька различил всё сразу. Юноше стало очень не по себе. Шансов в схватке с этим существом у него было немного — даже если успеть выхватить нож. Или хоть пистолет.

Но волк не выказывал ни малейшей враждебности. Он поднял голову и, странно оскалив жуткие зубы в характерной для волков и собак улыбке, посмотрел на Горьку чуть ли не умоляюще. Как будто о чём-то просил человека...

Потом — снова толкнул Горьку в руку, в браслет. Чёрный влажный нос расширился — волк принялся. Третий толчок в браслет.

Горька медленно протянул руку и положил её на лобастую голову между ушами зверя — рука вполне там уместилась, ещё и вторую можно было бы положить рядом.

— Чего... тебе? — тихо спросил юноша. Волк подсунулся под руку, как собака, ждущая ласки хозяина.

Хозяина? Горька быстро взглянул на браслет. Что, если эта штука даёт такую власть?! Животные на нём похожи на волков, хотя волков во времена Рейнджеров не было... или были? Горька смутно вспомнил фильм, который видел совсем маленьким — там герои ездили на огромных волках... но фильм был фантастический... и не про Рейнджеров...

Горька нерешительно потрепал холку зверя — плотную, тёплую. Волк невероятно, пощеничьи, обрадовался — внешне выразив это тем, что подпрыгнул на уровень груди отшатнувшегося парня — а потом затрусил к кустам. Добравшись до них, оглянулся — поволчьи, всем телом — словно удивляясь, что человек не идёт за ним. Слышно было, как он

издал негромкий вопросительный звук — поскуливанье-тявк.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хочешь, чтобы я пошёл? — Горька оглянулся неуверенно и решился: — Хорошо, иду.

Волк побежал вперёд, но так, чтобы человек его всё время видел. Горька трусил следом — совершенно интуитивно бесшумно и быстро. Он неплохо видел в темноте, намного лучше обычного своего ровесника.

Бежать пришлось недолго. Огромный зверь вдруг плавно лёг, и юноша тут же прислонился к большому дубу.

Враги.

— Шестеро обойдут холм с юга. Рассыпаться в кустах, во рву — ждать. Мы поднимемся наверх и прикончим их. Если кто успеет побежать — стреляйте. Всё. Вперёд.

Лавина мыслей...

Как они узнали?! Или — это за лётчиком?! Нет, они говорят об отряде... Сколько их? Наверняка больше десятка...

И ещё какие-то обрывки, но Горька думал об этом уже на бегу. Он проскочил в каком-то метре от передового дозора врага — и даже успел понять, что это не обычные джаго-спецназовцы. Морды их скрывали маски, головы целиком — капюшоны, лапы — перчатки, даже оружие и обувь были маскировочных цветов. И двигались они очень хорошо... для тех, кто в лесу **воевал**, а не **жил**.

Куда делся волк — Горька не понял, да его это в тот момент и не интересовало. Взбежав на холм, он обнаружил, что никто не спит — полужвериный инстинкт поднял на ноги всех, и они лежали за камнями, держа в руках оружие.

— Уходим, — Горька перемахнул камни и схватил брошенный ему карабин, — сюда идут. С юга во рву будут ждать шестеро, сколько их там ещё — не знаю.

Сашка ухмыльнулся:

— Едва ли они смогут даже пожалеть, что явились сюда... Скорей, за мной!

— Ух, ух-ху! Ух, ух-ху! Ух, ух-ху!

Дик полулежал на ветке, протянувшейся над звериной тропкой, держа в правой руке нож. Под ним быстрым шагом прошли двое — передовой дозор. Следом шагали три... шестеро. И это были не джаго, а мьюри.

Пропустив под собой последнего, Дик прыгнул вниз. С веток бесшумно и стремительно, словно большие ночные животные, падали остальные. На тропинке началась короткая яростная возня — не больше трёх секунд — и всё было кончено.

— Что такое? — приглушённо-встревоженно спросил впереди один из патрульных.

Больше он ничего сказать не успел. Выступивший из кустов Сашка лёгким движением меча наискось перерезал ему горло. Потом, возвращая меч, воткнул его в пасть второму — и тут же выдернул.

Подошёл, вытирая нож и улыбаясь, Горька:

— Кончено со всеми, дружище. Чисто и быстро. Наши все целы, эти даже опомниться не успели. Иногда полезно быть дикарём, а?

— Горь, возьми Димку, Олмера, Гальку и Люсю, — Сашка тщательно вытер меч. — Найди, на чём они сюда прилетели.

— Понял. Ты займёшься теми, во рву?

— Да.

Горька неожиданно тихонько засмеялся. Сашка взглядом спросил: "Что?" Горька покачал головой:

— Представляю, как они там валяются кверху задницами и ждут до посинения. Не разочаровывай их!

— Не беспокойся, — Сашка приподнял уголок рта...

...Сашка, Мирко, Дик, Бранка, Машка и Нина выползли на край рва. Джаго лежали в каких-то двух метрах — совершенно тихо и неподвижно, выставив стволы. Они терпеливо ждали, не подозревая, что, в сущности, уже умерли, что **нет** их.

— Огонь! — коротко пролаял Сашка, нажимая спуск "маузера". И тут же всё утонуло в грохоте, криках и запахе пороха.

Пули, выпущенные почти в упор, пришивали джаго к земле. Кто-то порывался вскочить, кто-то успевал повернуться на огонь — и всё равно получал своё, кто-то пытался ползком выкарабкаться из рва — тщетно...

Всё. Густо тёрк изо рва приторный запах крови. Сашка поднялся на ноги, за ним медленно вставали остальные, всё ещё держа ров под прицелом, возбуждённые, с перекошенными лицами, не отошедшие от короткого боя... Дик спрыгнул вниз, держа в руке "парабеллум". Поднял голову:

— Саш, тут один живой! Rise, bludy bit! If you think that to you have carried, you fine were mistaken!^[25] — он с размаху пнул джаго ногой в бок. Хотя мальчишка был обут в высокие, до колен, чулки-сапоги, джаго взвизгнул, словно его резали. Он был ранен в живот и бок и явно не мог сам двигаться.

— Сдохнет того и гляди, — высказал опасение Мирко. — Погоди, я его тебе помогу сюда выволочь.

Общими усилиями они выволокли раненого наверх. Он весил килограмм полтора, не меньше, и явно не горел желанием никуда двигаться, так что работа получилась трудной.

— Мащ, — обвиняющим тоном заметил Мирко, — что ты в рюкзак сунула?

— Ничего? — девчонка с честными глазами показала обе ладони.

— Сань, она две гранаты спрятала, — апеллировал Мирко к командиру.

— Где?! — завопила Машка. — Докажи! Обыскивать не дам!

— Ничего она не прятала, хватит, — немедленно вмешался Дик.

Мирко что-то пробормотал про "одна сатана", но углублять конфликт не рискнул. Парочка, одержав победу, начала обшаривать убитых вполне открыто. Патроны джаго не подходили к земному оружию (а само оружие джаго было слишком громоздким, чтобы им пользоваться), но гранаты и вообще разные мелочи могли оказаться полезными. Правда, Сашка прервал это решительно:

— А ну, гранатные токари! Хватит под себя грести, валите на какую-нибудь куртку, потом поделим. Бранка, Нин, помогите им... Мирко, давай два штыка. Сейчас мы этому примату устроим веселушку напоследок. Сейчас я немножко пообщаюсь с мамой и сестрёнкой... — лицо юноши стало каменно-зловещим, причём абсолютно ненаигранно.

Джаго, относительно пришедший в себя, кажется, понял, что к чему. Он что-то залопотал, закатывая глаза и выворачивая синеватые губы. Не обращая внимания на его слова, Мирко и Сашка подтащили джаго к дереву. Перевернули его на живот, Мирко уселся на спину и рывком вытянул над его головой обе лапы. Навалился. Естественно, что в обычном состоянии пятнадцатилетний парень не удержал бы джаго — но теперь легко с ним справился. Используя вместо молотка булыжник, Сашка до гард заколотил штыки в лапы неожиданно тонко стонущего джаго, прибив его к дереву. Мирко тем времена скрутил тросом задние лапы джаго, уселся рядом и расшнуровывал верх сапог:

— Ну — как-то так... Уступишь?

— Ну уж нет, — Сашка достал нож и несколькими движениями открыл спину джаго, а потом — вспорол чёрную с редким жёстким волосом кожу наискось. Джаго заревел. Сашка броском воткнул нож в землю, всадил пальцы в разрез и стал пробираться глубже. Лицо у него стало сосредоточенным, как у мальчишки, который в кафе пытается выловить соломинкой вишню из коктейля.

— Лёгкие ему не проткни, — посоветовала Нина, безразлично наблюдавшая за процессом.

— Спокойно-о-о... — протянул Сашка. По его руке чуть ли не до локтя взбегала фонтанчиками кровь. — Он у нас ещё поживё-о-от...

— Народ, вам известно, что я сапог порвал? — задумчиво сказал Мирко.

— Новый?! — Бранка подседа к нему. — Вот как дать бы тебе по... Дай сюда!

— Хорошо, когда они под рукой, — сказал Мирко, явно имея в виду девушек в целом и Бранку в частности.

За что тут же получил сапогом по шее.

Сашка удовлетворённо крикнул.

— Пымал? — иронично спросил Мирко. — Ташшы, сорвётся!

Сашка с натугой поднял из разреза ребро и пропихнул под него ещё один штык, не давая ребру опуститься в рану.

— Мне кажется, ему нравится! — засмеялся, подходя, Дик. — Смотри, как крутится от удовольствия!

Сашка, кивнув, сделал ещё один разрез. И тут же сплюнул досадливо:
— Подох, сволочь.

Горька увёл своих по еле заметным следам далеко — так далеко, что выстрелов не услышал. Он уже начал сомневаться, что джаго сюда прилетели по воздуху, но следы всё-таки вели дальше и дальше.

Винтокрыл был. Был! Горька почуял его издали — запахи металла, краски, горючего улавливались таким носом, как у него, издалека. Повинуясь взмаху руки, четвёрка Горьки рассыпалась и залегла.

Это был огромный "Мвуу". В открытых дверях за плазмомётами под прикрытием лёгких щитов сидели двое из экипажа (с гротескными головами — такими те казались из-за масок ноктовизоров)... а всего там трое. Кроме того, Горька не верил, что джаго не оставили прикрытия. "Мвуу" вмещал три десятка рыл, и Горьке стало немного не по себе при мысли, что сюда мог явиться **полный комплект**... Подошла, не хрустнув ни единой веточкой, Машка. Показала два пальца и ткнула в кусты в двух местах.

Грин пригляделся. Сперва он ничего не различал, но потом — как это часто бывает — он вдруг увидел сразу всё и удивился, как вообще можно было не видеть. Там сидели двое — с оружием наготове.

— Димка и Олмер там, — вплотную нагнувшись к уху Горьки, шепнула Машка. Горька кивнул и запищал, как ночной зверёк, схваченный хищником.

Стволы джаго исчезли. Они контролировали друг друга — но нападение было слишком молниеносным и при этом совершенно одновременным.

Горька позволил себе беззвучно усмехнуться. И так — остались трое пилотов... Юноша извлёк нож и, расположив его по внутренней стороне руки, чтобы не выдать себя блеском, выскользнул из кустов. Пригибаясь, добежал до винтокрыла с хвоста, чтобы не попасть в поле зрения стрелков, и, распластываясь по борту, начал красться к одной из дверей.

Стрелок вдруг заволновался. Вжимаясь в борт, Горька увидел, как завертелась голова в маске, пилот приподнялся — и...

...Горька, метнувшись вперёд, толкнул от себя ствол плазмомёта. Джаго, ошалело пытаясь удержать повернувшееся на вертлюге оружие, едва не вывалился наружу.

Прямо на нож юноши — тому даже не пришлось бить, стрелок сам наделся боком до самой рукояти. Второй на шум вскочил, неловко поворачиваясь... дважды треснули выстрелы Нины, и джаго завалился на щиток плазмомёта спиной и словно стёк куда-то вниз...

Горька прыгнул вперёд и покатился по ребристому полу. Инстинктивное движение спасло ему жизнь — лучевые выстрелы зафыркали из пилотской кабины, ядовито шипело броневое покрытие. Горька вслепую ударил ногой вверх — крик боли, лязг оружия, полетевшего на пол... Юноша вскочил, пригибаясь. На него прыгнул не джаго — сторк, державший в руке шведским хватом кинжал. И не массовку, а жуткое синеватое лезвие — клинок сантиметров тридцать длиной, с крестовидной рукоятью, к концу становившийся шире и тяжелей. Несторкадское оружие...

Горька встретил врага ударом ноги в живот, заставившим сторка задохнуться и присесть. Слышно было, как снаружи бегут к винтокрылу... но внутри была лишь темнота, полная запахами страха и ненависти. Горька пригнулся — кинжал чиркнул по стене.

Бледное бесстрастное лицо с плотно сжатыми губами — совсем юное — плавало перед ним мутным призраком кошмара. Распрямясь, Горька всадил нож под рёбра врага — и почувствовал, как стальное лезвие с противным хрустом сломалось. Но своё дело сделало. Сторк попытался ударить ещё раз — и упал назад, раскидывая руки.

— Горь! — заорал, появляясь в дверях, Димка. С другой стороны впрыгнула Галька. — Ты живой?!

— Назло вам, — ответил юноша. Он поднял выпавший из ладони заколотого сторка кинжал — и присвистнул.

— Что там у тебя? — друзья подошли ближе. Горька протолкался к выходу и в свете Неразлучного ясно различил, что это не просто несторкадское — это земное оружие. Рукоять венчала англосаксонская корона, а по обеим плоскостям клинка шли золотистые буквы гравировки -[\[26\]](#)

Возле гарды поблёскивало славное клеймо — скрещенные буквой "дабл ю" шпаги мастеров Уилкинсонов. Это был не простой кинжал, а чьё-то оружие "с душой". Как он попал к сторку (который тоже кто знает, что тут вообще делает...)? Где погиб его прежний хозяин и какой была его смерть? Нож Горьки сломался... и он, поразмыслив, осторожно заткнул новое оружие за пояс.

— Выгружаем боеприпасы, — сказал он. — Тут есть то, что нам нужно.

Утро в этот день было раннее, но какое-то неохотное — вставала Одиночка в туманной дымке; было тепло, даже слишком тепло для этого месяца, только вот в воздухе растекалась сырость. В лесу капало с листьев, остатки крепости "вспотели".

Все разбирали захваченные боеприпасы. К счастью, для вооружения местных мьюриджаго использовали трофейное земное оружие — как раз то, что было нужно партизанам. Сашка сидел на камне в гордой позе вождя и следил, чтобы никто не совал патроны за голенища сапог и гранаты под куртку — а Горьку утащил куда-то Олмер. Он сперва отходил по своим делам, а вернулся с обалделыми глазами и увёл Горьку за собой.

— Балда ты, — горячо спорила над аптечкой Нина, — никакой это не наркотик!

— Это ты балда, я точно знаю, что это наркотики! — отвечал Дик.

Сашка как раз раздумывал, вмешаться, или нет, когда вернулся Горька. Лицо у него было откровенно встревоженное.

— Пст, — шикнул он Сашке и показал глазами на лес. Сашка без слов поднялся и зашагал за товарищем; лишь за крайними деревьями спросил:

— Что такое? У тебя лицо — как будто бы бриллиант с кулак нашёл.

— Скорей огромную кучу дерьма, — весьма озабоченно сказал Горька. — Пошли скорей, тебе надо посмотреть.

— Если окажется, что... — начал Сашка, но от опушки небольшой поляны уже шагал Олмер — бледный, на ходу тискающая автомат.

— Куда ты пропал?! — напустился он на Горьку. — Сказал, что сейчас...

— Я ж тебе пообещал, что не тронут! — покачал головой Горька. Олмер фыркнул:

— Ну да, ты обещал, а они про это знают? Может, ты подрядился им свежее мясо доставлять?

Сашка уже хотел прямо рявкнуть, спрашивая, что к чему, но тут они все трое вышли на поляну. Сашка схватился за обрез, но Горька вцепился ему в запястье:

— Нет.

На поляне кольцом сидели не меньше двадцати волков — огромных серых существ, при виде незнакомого человека отчётливо подобрившихся. Но Горька, бесстрашно подойдя к самому большому, начал трепать его за загривок, как домашнего пса, приговаривая:

— Тихо, тихо... это друг. Мой друг, твой друг... Саш, не бойся, — он поднял голову, — они предупредили нас о ночной атаке. По-моему, это из-за моего браслета.

— Л-ладно... об этом потом поговорим... — Сашка старался всё-таки не делать резких движений. — Ты зачем меня сюда притащил?

— Смотри, — Горька указал в сторону... и Сашка почти забыл о волках.

В высокой сочной траве ничком лежало тело человека... сторка. В изорванном пятнистом комбинезоне на широких лямках, мягких высоких ботинках, на правом рукаве видна была большая эмблема в виде пикирующего крылатого кота. Всё — и трава кругом, и форма — было залито кровью, в стороне лежала кисть руки, сжимавшая небольшой бластер.

Сашка перевернул тело и процедил ругательство. Это был почти мальчишка — мертвенно-бледный даже для сторка, с перерванным чёрной раной горлом. Раны от волчьих

кльков были и на ногах, и на животе.

— Вот так, — припечатал Горька. Сашка кивнул медленно, не вставая. Конечно же — точно такой же мальчишка погиб в винтокрыле почти две недели назад. — А теперь смотри ещё и сюда.

Волки подались в стороны, и Сашка увидел распростёртое на траве крылатое существо, похожее на огромного гладкошёрстного крылатого кота золотисто-серого цвета. Кот был весь в крови из глубоких ран, правое крыло (он лежал на левом боку) с удивительно красивыми перьями — коричневатыми с золотой и голубоватой окантовкой — широко распростёрто. Подальше лопаток широкими ремнями на спине мёртвого зверя крепилось удобное высокое седло, с которого тоже свисали ремни.

— Это что?! — ошалело спросил Сашка. — То есть, кто?! Я таких не знаю... на планете вообще нет крылатых млеко...

— Ку-ку, — Горька постучал по своей голове и щёлкнул языком. — Это накьятт. Крылатый кот со Сторкада, ты что, не помнишь?! На нём сюда прилетел этот... — кивок в сторону убитого сторка. — Олмер, помоги раненым, наконец!

— Каким?! — вытаращился мальчишка.

— О небо... волкам!

— Я?! — Олмер ненаигранно сглотнул.

— Нет, твой духовный двойник. Не бойся, они тебя не тронут!

— Я это уже слышал, — недоверчиво сказал Олмер. Неуверенно посвистел, сказал немного дрожащим голосом: — Кутя... Рекс, Джек... как там тебя... *gehe hierher, behaart...* [27] Ты мне голову не откусишь?

Старшие понаблюдали, как Олмер занялся лапой одного из волков. Потом Горька задумчиво сказал, кивнув на трупы сторка и накьятт:

— Итак. Это не вертушки с хвостиками, это не джаго и не местные забитые ополченцы. Куда мы ни пойдём — везде оказываются сторки, а сегодня ещё и с довеском. И я так понимаю, что этот выследил нас и вызвал винтокрыл. Неужели они так на нас ополчились из-за какого-то чиновного Абизьяна?

— Нет, из-за полевой кухни, — засмеялся Сашка. — А волки, всё-таки, слушай...

— Волки прикончили этих двоих, — снова кивок. — Саш, они и правда наши друзья.

— **Наши?** — прямо спросил Сашка. — Или твоего браслета?

— Посмотри, — вместо ответа понизил голос Горька. Сашка обернулся.

Стоя на колене, Олмер бинтовал лапу волку. Другой, с сильно разодранной мордой, лежал на траве, глядя на руки мальчика, третий — большой, немного рыжеватый — положил голову на плечо Олмера и тоже внимательно наблюдал за его действиями. Ловко управляясь с бинтом, Олмер потирался щекой о волчью морду и насвистывал. Почувствовав взгляды друзей, он обернулся — и на лице германца появилась счастливая улыбка, глаза светились радостью:

— Им нравится, когда я свищу! — весело сказал он. — Ар-р... — и в шутку он попытался укунить волка на нос. Тот своими жуткими зубами схватил нежную человеческую кожу сбоку на горле — одним поворотом головы он мог бы вырвать мальчишке мышцу, артерию и гортань, но не сжимал зубов, а Олмер явно уже совсем не боялся. Волк с повреждённой лапой нетерпеливо заскулил, напоминая о себе. — Uh, entschuldige, d'lieb'Freund! [28]

— Зови сюда остальных, — тихо скомандовал Сашка. Горька кивнул и исчез...

...Волки^[29] кругом выстроились вокруг тела павшего в бою с крылатым зверем друга. Возвратившиеся наконец-то двуногие друзья стояли поодаль в молчании. От них пахло крепким сочувствием.

— Не нравится мне это, — тихо сказал Дик. — Если за нас вздумали взяться сторки, то чего доброго, до высадки наших мы не доживём.

Какое-то время все молчали. За восемь почти что лет скитаний и боёв со сторками они не сталкивались ни разу. Но о том, насколько опасны сторки — все помнили твёрдо. И какие против них шансы у одиннадцати человек?

Но они были земляне. И не собирались ни сдаваться, ни даже отказываться от борьбы. Гибель? Пусть, но в бою; к ней каждый из них был готов ежесекундно. Борьба? Отлично, без борьбы они не представляли себе жизни. И никто никогда не посмеет сказать о них: "Труссы!"

А сегодня они нашли друзей и союзников. Неожиданных и странных, но — тем интересней.

— Мы будем драться! — просто сказал Сашка, и все кивнули, соглашаясь с командиром — в одно движение.

И словно в ответ на его слова, разнёсся над лесом волчий вой. Стая плакала о погибшем, поднимая к небу морды.

А потом к её скорбной песне присоединились другие — почти неотличимые, но всё-таки человеческие! — голоса...

- Зерна упали в землю, зерна просят дождя.
 Им нужен дождь.
 Разрежь мою грудь, посмотри мне внутрь,
 Ты увидишь, там все горит огнем.
 Через день будет больно,
 через час будет больно,
 Через миг будет уже не встать.
 Если к дверям не подходят ключи, вышиби двери плечом.

Мама, мы все тяжело больны...
 Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

Сталь между пальцев, сжатый кулак.
 Удар выше кисти, терзающий плоть,
 Но вместо крови в жилах застыл яд, медленный яд.
 Разрушенный мир, разбитые лбы, разломанный надвое хлеб.
 И вот кто-то плачет,
 а кто-то молчит,
 А кто-то так рад, кто-то так рад...

Мама, мы все тяжело больны...
 Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:
 Руки прочь, прочь от меня!
 Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.
 Что будет стоить тысячи слов,
 Когда важна
 будет крепость руки?
 И вот ты стоишь на берегу и думаешь: "Плыть или не плыть?"

Мама, мы все тяжело больны...
 Мама, я знаю, мы все сошли с ума!^[30]

— Олмер, если бы тебя не было — тебя надо было бы выдумать, — Дик покрутил головой. — Отличные стихи!

— Стихи-то как раз и не мои, — возразил Олмер, потягиваясь, словно кот. — Старинные какие-то, я в книжке год назад прочитал и запомнил... Эй, а вы замечаете, что с

каждым днём ночи всё теплей?

— Май же, — пожала плечами Машка. — Восьмой, между прочим, май, который мы вот так встречаем...

— И завтра снова снимемся и снова пойдём куда-то, — задумчиво добавил Мирко — он полулежал у огня, головой к голове Бранки. — Сколько ж мы уже прошли?!

— Не меньше двенадцати тысяч километров накрутили, — откликнулся Горька. — Это почти точно.

— Я бы сейчас не прочь оказаться у того озера, — Дик не назвал, у какого, но все отчётливо вспомнили горные хребты юга и зелёные дубравы в ущельях между ними, озёра в глубине дубрав... а на берегу одного из озёр, на скале из чёрного базальта — грубо выбитые на скале белёсоватые строчки -

Вечная, нетронутая тишина... Бой на перевале, горящее хранилище горючего...

Но ни воспоминания, ни горестные мысли надолго не заняли мысли ребят. Они были молоды, живы, сильны, они приобрели странных и сильных друзей, запаслись боеприпасами и в очередной раз поколотили врага. Что ещё нужно?!

— Кто со мной купаться?! — Дик вскочил и ветром унёсся в темноту. За ним с воплями и угрозами понеслись Нина, Машка, Олмер, Бранка; следом — Мирко, не так уж хотевший купаться, но не пожелавший оставлять Бранку одну. У большого костра остались старшие и спящий рядом с Люськой Димка.

— Река из берегов выйдет! — крикнул вслед убежавшим Горька, подбрасывая в костёр дров. Сказал Сашке, который сидел напротив, скрестив ноги: — Пожалуй, прошлая ночь была удачной. Даже если учесть, что охота на нас вроде бы продолжается.

— Я вот что не понимаю... — задумчиво сказала Сашка. — Уж больно всё это... сказочно, что ли? Волки — чуть ли не говорящие... крепость Рейнджеров... какие-то полуволшебные вещи... Там же, — он указал вверх пальцем, — космос. Там война на пол-Галактики. А мы...

Горька негромко рассмеялся:

— Ты знаешь, что нашему человечеству — каких-то пятьдесят тысяч лет?^[31] А нашей цивилизации — и вовсе пара веков? Или считаешь, что, если мы вышли к звёздам, то мы самые умные и развитые?

— Да, — искренне ответил Сашка.

— Хм... — Горька привычно сунул в уголок рта травинку. — Мы наверняка самые упорные и нахальные. А что до остального... — он помолчал и продолжил: — Был в XIX веке такой американский поэт и учёный-окультист — Джастин Джеффри.

— Кто такой "окультист"? — поинтересовалась Галя. Вместо Горьки ответила Люська, легонько поправляя волосы, упавшие во сне на лицо Димки:

— Так раньше, кажется, называли людей, которые занимались чем-то по тогдашним понятиям сверхъестественным.

— Да, — кивнул Горька. — Ну так вот. однажды его нашли в собственном доме — он лежал на столе с перекошенным лицом, сжимая в левой руке бумажный листок с наспех нацарапанными строками... — и Грин прочёл задумчиво:

— Твари Старых Вреён лишь забыты,

Но они никуда не ушли!

И Врата до сих пор открыты,

Чтобы тени ада вошли...^[32] Когда наши предки появились на Земле, там уже существовало немало всякого — и ужасного, и прекрасного — что нам сейчас и вообразить трудно. А сколько всего люди привезли с собой?

— И откуда у тебя такие сведения? — спросил Сашка, тайком улыбнувшись горячности друга.

— Отсюда, — Горька хлопнул по своему рюкзаку. Там были полдюжета печатных книжек, которые Горька упорно таскал с собой во всех неприятностях. Книги эти читали, в общем-то, все (а кое-кто по ним и **учился** читать!), и Сашка понял, что Горька имеет в виду первый том "Истории человечества". Он читывал эту книгу и сам — и сейчас безапелляционно подвёл черту:

— Человек всё равно царь Вселенной, не есть, так будет.

— Будем надеяться, что нам и в самом деле повезёт, — серьёзно отозвался Горька.

— Конечно, повезёт, — Галя коснулась его плеча; Горька накрыл пальцы девушки ладонью и ласково улыбнулся ей.

— Братцы, — задумчиво предложил Сашка, — а почему бы и нам не сбегать поплескаться? — он вскочил: — Будите Димку, бежим!

Речушка текла в довольно крутых песчаных берегах недалеко от временного лагеря. Ещё днём Горька, осмотрев ров, объявил, что когда-то тут тоже текла вода — видимо, из этой самой речки. Впрочем, этот вопрос никого не заинтересовал.

По всей реке слышался плеск и крики — народ явно играл в морской бой с использованием подводных лодок и штурмовой авиации. Как раз когда "опоздавшие" мчались вниз по откосу, с воплями расшвыривая одежду и обувь, взобравшийся на откос Дик нырнул "ласточкой".

— А он выздоровел! — крикнул Сашка, врезаясь в воду. Она была холодной, хорошо, если градусов пятнадцать, но привередничать было не в духе партизан. Им приходилось (правда, когда прижало!) плавать в только-только вскрывшейся реке, буквально расталкивая лёд носом.

Прибытие новой партии внесло в схватку ещё большее оживление — плеска стало больше вдвое, воплей — втрое, неразберихи — в десять раз. Все ныряли, хватали друг друга за ноги под водой, притапливали сверху, боролись... но в конце концов холод выгнал-таки из воды всех, и они, попрыгав по берегу и постучав зубами, помчались обратно к костру — греться — на бегу собирая разбросанное.

— Уаххх! — Олмер, схватив целую охапку хвороста, швырнул её в пламя, отчего то со свистом рванулось вверх, закручиваясь тугими смерчами. — Вот так — намного лучше, а?

Ему никто не ответил — все удовлетворённо пыхтели, весело посматривая друг на друга. Прогнав первый холод — стали потихоньку разбредаться за вещами, которые не успели поднять...

...Галя, накинув куртку, быстро распрямилась. Но человек, шагнувший из кустов, поднял ладонь:

— Это я.

Это был Горька. Он держал в руке фляжку, глаза поблёскивали. Юноша улыбался:

— Хочешь берёзового сока? Последний в этом году, — Горька подал девушку фляжку, сам прислонился плечом к дереву, продолжая улыбаться. Галя отпила сладковатого, холодного сока. — Пей всё. Это я для тебя собрал... сегодня ведь восьмое мая... — он вздохнул.

— Праздник памяти предков! — вспомнила Галя и грустно продолжала: — Нам не очень подходит этот праздник... [\[33\]](#) — она отпила снова. — Я почти не помню, как это было до войны... а ты помнишь? — в голосе её прозвучала почти мольба.

Грин не стал отвечать. Вместо этого он достал откуда-то золотой перстень — волкоподобное животное гналось за собственным хвостом, держа зубами рубин.

— Это тоже тебе. Возьми.

— Ой, как красиво! — девушка только что в ладоши не хлопала. Взяв перстень, Галя надела его на правый указательный палец и отстранила ладонь, любясь изящной вещью: — Мне идёт?

— Конечно, — Горька в самом деле залюбовался тем, как сидит перстень на руке его подружки, всё больше и больше понимая: **тут ему самое место.** — Хотя, сказать по чести, на тебе и бусы из рябины смотрятся, как драгоценности короны... мне бы просто смотреть на

тебя — и ничего не надо больше...

— Не надо? — девушка лукаво улыбнулась. — Ты в этом так уверен? Обычно ты взглядами не ограничиваешься...

— Единственное, за что я на самом деле благодарен этой войне — так это за тебя, — Грин пропустил левую руку под крутку на спине девушки, правой откинул с её лба и волосы и несколько раз поцеловал в нос и губы. Галя еле слышно довольно заурчала. Обычно так начиналась великолепная ночь, заканчивавшаяся полным удовлетворением, сонной усталостью и распухшими губами.

— А что бы ты сказал, если бы у нас появился ребёнок? — вдруг спросила девушка. Грин немного отстранился:

— Ребёнок?! Это здорово, но... Галь... вынашивать его на ногах, рожать здесь, носить с собой... у тебя действительно будет ребёнок?

— Нет. Пока нет, потому что ты прав, — вздохнула девушка. — А потом? После войны? Ведь она скоро кончится... мы будем жить по-человечески... как тогда?

— И тогда я против ребёнка, — твёрдо сказал Горька, запуская пальцы глубоко в волосы изумлённо и обиженно открывшей рот Гали. — Меньше, чем на троих, я не согласен. А какие сказки ты им будешь рассказывать? Ты не будешь против, если они узнают, как развлекалась в юности их мама?

Галя тихо засмеялась:

— Однажды добрая фея спустилась на поляночку, где спали шесть оборванных мальчиков и пять обтрёпанных девочек. Пожалела их фея, разбудила и спросила, какое у них самое заветное желание. И поднялся прекрасный принц Саша Унтеров — и сказал: "Патронов бы..."...

...Стараясь не хрустнуть веткой, Сашка отошёл подальше от места, где слышались вздохи и стоны, где плавно и медленно сплетались два обнажённых тела. Нет, он не позавидовал — ему просто сразу стало грустно, померкли ночные краски и мир сделался похожим на пустынный дом с грязными окнами.

Возле костра спала Машка — в обнимку с винтовкой — и сидел, от нечего делать подсушивая остатние сухари, Олмер. Остальные, очевидно. Всё-таки вспомнили, что сегодня праздник, грустно подумал Сашка. Спать лечь, что ли? Он присел у огня и начал стаскивать сапоги.

— Слушай, как называется человек, который может, но не хочет? — осведомился он у Олмера. Юный германец отозвался без раздумий:

— Сволочь.

— А который хочет, но не может?

— Импотент? — предположил Олмер. Сашка покачал головой:

— Неверный ответ. Не импотент, а одинокий человек... Кинь сухарь.

— Держи. Сам учил — для хорошего человека дерьма не жалко.

— Ох, наглым ты стал... — Сашка захрустел. — Посуди сам, каково мне! Хотя — где тебе понять...

— Ну уж как-нибудь... — Олмер смотрел на командира с искренним сочувствием. — Ну... хочешь — спою? Может, станет легче — может, станет тяжелей, но настроение точно изменится, обещаю! А то смотреть на тебя такого жутко.

— Спой, — согласился Сашка. — Только постарайся, чтобы я не уснул, — он и в самом деле зевнул.

Но уснуть не удалось. С первых же строк Сашка село прямей, вытянув одну ногу и обхватив руками колено второй. И так, сидя, слушал до конца...

— Вот и война — беспокойно сердце,
В небе война — вот чего ты жаждал.
Ну так прямее держись в седле —
Ведь ты всё решил для себя однажды.

Светлы знамёна на серых башнях,
Твёрды сердца — но благие боги! —
Так дня не прошло, чтоб один из наших
Кровью не красил эти дороги...

Войско идёт, оставляя павших,
Память оставь, а раны залечим.
Так сложим баллады о вас, бесстрашных,
Да отомстим, если так вам легче.

Да не взыскайте же жизни долгой,
Да не надейтесь на победу!
Так, рана за рану, око за око, шаг за шагом
Идём по следу, идём по следу...

Ты же взглядом холодным и тёмным
Смотришь на нового героя —
Так будет день, и вода сомкнётся
И над тобою, и над тобою...

Ты, как и он, песок обнимешь,
И захлебнёшься предсмертной вестью —
Вот хорошо бы, не очень скоро,
Да хорошо бы, ещё чтоб с честью...

Ну, да всё это не очень страшно —
Дайте дорогу, долой сомненья!
Хрипом предсмертным зовёт герольд твой
На поединок с тенью,
с тенью...

Время пришло, вот он, мой зов —
Медленный гул колоколов... [\[34\]](#)

Кончалась вторая неделя мая, который вступил в свои права окончательно и бесповоротно. Вернулись последние перелётные птицы, стойкая зелень покрыла деревья, а на земле простёрся сплошной ковёр травы. Всё дольше и дольше оставалась в небе Ближняя, всё теплей становились ночи и всё сильнее пригревало днями. Как выразился однажды Горька: "Воевать стало лучше, воевать стало веселей!"

Всё это время отряд перемещался и, кажется, не ведя активных боевых действий, сумел полностью "обрубить хвосты". Настало время заняться делами — заложить солидную базу с запасами продуктов, боеприпасов, лекарств — и приступить к операциям. Благо, тут это было просто — коммуникации, растянутые по лесам, были фактически беззащитны, а в деятельности джаго ощущалась буквально осязаемо та суета, которая характерна для этих существ при сильном испуге. Видимо, умерший пилот не обманул юных партизан — и дела Чужих шли плохо.

Место для базы отыскал неугомонный Горька, и произошло это, кстати говоря, совершенно случайно. Он охотился за солнцерогим оленем — волки гнали животное, а юноша пересекал ему путь. В отчаянной надежде спастись олень совершил прыжок через неширокий, густо заросший дикой малиной, переплетённой плющом, овраг. Волки прыгнули следом; Горька в азарте прыгнул тоже и только в полёте сообразил, что не долетит до края. Извернувшись в воздухе, Горька закрыл лицом руками и грохнулся в кусты.

Ударившись о что-то твёрдое головой, он потерял сознание...

...Привело его в себя встревоженное поскуливание волков. Открыв глаза, Горька обнаружил, что лежит на песке, над ним качаются ветви, а в пробитой его телом дыре — видны обеспокоенные серые морды.

Оказалось, что в склоне оврага скрывалась за густейшим зелёным пологом просторная и сухая пещера, в глубине которой, таинственно и еле слышно позванивая, тёк ручей. Сюда Горька и влетел

Жить в пещере постоянно никто не собирался. Но для склада, укрытия, госпиталя — лучшего места было просто не найти.

— Если ты провалишься в пекло, то непременно найдёшь там золотую жилу, — завистливо сказал Мирко ухмыляющемуся Горьке. Он-то предлагал свой вариант — наверху под речным берегом — но это, конечно, проигрывало по сравнению с замечательной "пещерой Белкина". Мирко только и мог теперь удовлетворять поруганное чувство самолюбия тем, что произносил это название как "пещера белки... на", над чем Горька первым и хохотал.

Разговор этот — о пекле и жиле — вели, устроившись на ночь над речным берегом, за свесившимися к воде ивами. Костерок был небольшой, секретный, но жаркий, просто чтобы пожарить мясо и испечь в золе набранные клубни стрелолиста. Все уже соскучились по хлебу, какому-никакому, а уж чёрного никто и не вспоминал.

Такие часы Сашка, если честно, очень любил. Куда больше, чем переходы, нападения, перестрелки, которые обожал даже склонный к философии Горька. Сашка же, если сказать по правде, по натуре, по природе — вовсе не был воинственным, и наслаждение тишиной и вечером у костра, когда не надо никуда спешить и ни о чём не приходится беспокоиться,

сейчас полностью им владело. Иногда он думал, что уже давно привязан к друзьям сильнее, чем ко всей своей потерянной семье... мысль о ней вызывала тупую горестную боль, привычную и отдалённую. "Хорошо бы, чтобы все остались живы, — подумал он о сидящих рядом. Хотя и понимал отчётливо: вряд ли им так повезёт. — А может, ничего не делать, просто затаиться и переждать?!" Но нет. Никто не согласится переждать. А значит, надо будет сидеть и с ужасом гадать: кто следующий?!

Горька. Самый верный, самый лучший, самый надёжный друг Горька, насвистывая что-то под нос, стоит на коленях возле огня и поворачивает палочки с нанизанными кусками мяса. И Галя — как всегда, в хлопотах, чинит прорехи на его куртке; следы падения в малинник.

Мирко лежит в стороне от огня на боку, а Бранка, тоненькая, большеглазая, счастливо улыбаясь, использует его, как спинку мягкого дивана; их пальцы переплетены.

Красавец Димка вдевает новые шнурки в свои брюки. Шнурки сплела ему Люська сейчас она смотрит и улыбается, а Димка, почувствовав на себе её взгляд, поднимает глаза — и улыбается тоже.

Дик и Машка сидят спина к спине и любуются звёздным небом. Руки — ладонь в ладонь, оба безотчётно счастливы, просто потому, что жить на свете очень хорошо.

Олмер лежит на спине, нога на ногу. Играет ножом, заставляя его вертеться над пальцами и между ними — и лицо у мальчишки беспечное.

Нелюдимая Нинка, как обычно, чистит и перебирает свою снайперку — так, словно в этом весь смысл жизни.

Они все — у огня. Им всем — хорошо. Всё это — одна большая и дружная семья, где один за всех и все за одного, радости и беды — на всех поровну...

Кто же?! Кто?!

Если бы Сашка мог — он бы по капле отдал свою кровь за каждого из сидящих у костра. За их жизнь. И дело даже не в том, что он командир, а командир обязан заботиться о своих людях. И не в том, что он старше... а в чём тогда? Сашка не знает. У него нет для этого названия, он не может определить это чувство.

Горька повернулся встревоженно, и тёплое чувство мягкой волной вымыло из души Сашки все беды, опасения и сомнения:

— Всё хорошо?

— Всё отлично, Горь, — улыбнулся Сашка. — Ну-ка, кинь на палочках, что там и как?..

...То ли настроение Сашки повлияло, то ли вмешался Его Величество Случай — но Горька извлёк из мешочка -

"Гифу", "эск" и "ур". "Дар", "вдохновение" и "свобода". Близость чего-то светлого.

— Ого, — пошутил Дик, — как видно, кто-то там. — он поднял палец вверх, — на покой не ушёл, благоволит к своим заблудшим детям.

— Может, за нас играют Рейнджеры? — задумчиво предположил Сашка, поглаживая рукоять меча. — Им, должно быть, приятно видеть, как мы тут управляемся.

— Кстати, а где наши серые друзья? — огляделся Мирко. — Почему не разделили с нами трапезу, так сказать?

— Потому что предпочитают сырое мясо, — предположила Бранка. — Мы, конечно, можем есть и его, но всё-таки жареное вкуснее! Горь, а ты не можешь их позвать?

— Могу, — юноша ещё раз перевернул мясо. — Жаль, что с ними нельзя поговорить по-

настоящему.

— Если бы они ещё и говорили, я бы вообще с ума сошёл, — заметил Мирко. — И так уже чудес выше крыши!

— Что есть вся наша жизнь, как не чудо? — философски спросил Горька.

Довольно долго они сидели молча.

— Лес шумит, — тихонько сказал Олмер. — Слышите?

В самом деле, лес негромко и величаво гудел. Ночной ветер шагал по верхушкам деревьев, прыгая с ветки на ветку и раскачиваясь на них. Олмер поднялся на ноги и стал плавно взмахивать руками, делая вид, что дирижирует этим невиданным оркестром. У мальчишки это получалось здорово — словно к нему и правда прислушивались и ветер, и лес, выполняли его указания, как команды опытного дирижёра — длинноволосого босого мальчика в коричневых клёшах и распахнутой куртке.

— Волки бегут! — вскрикнул Дик, поднимаясь на ноги. — Вон они!

В самом деле, по отмели, разбрызгивая сверкающую в свете Неразлучного воду, мчались вожак и два самых крупных самца стаи. Не прошло и полуминуты, как они уже подбежали к костру и заметались вокруг, рыча и подвывая.

— Эй, что за новости? — спросила Машка, отталкивая прыгающего волка. — Ну-ка, дружище, убери от меня свои лапы!

— Они что-то хотят сказать, — озабоченно пояснил Горька, — но что? Вот правда — дорого бы я дал, чтобы понять их!

— Но всё же понятно! — удивилась Галя. — Ясно, как светлый день: по дороге идёт колонна, через час будет параллельно нам...

— Что? — удивился Сашка, а Горька изумлённо повернулся к своей девушке:

— Откуда ты знаешь?!

Лицо Гали сделалось изумлённым и немного испуганным.

— Я... — начала она нерешительно. — Знаете... они мне... они мне... ой, **сказали!**

Колонна была, как и следовало ожидать, огромной и бестолково охраняемой. Открытая машина с несколькими плазмомётами, четыре огромных автопоезда, самодвижущаяся платформа с солдатами, шесть двойных сцепок с баками горючего и ещё одна открытая машина — тоже с плазмомётами. При виде подобного хотелось плюнуть, всё бросить и уйти в лес навсегда — совестно было нападать на такое дерьмо. Но, судя по маркировкам, три автопоезда везли боеприпасы, а один — продукты. И там и там могли оказаться подходящие партизанами запасы. Следовательно, участь колонны была решена.

Отряд расположился вдоль дороги — в обочине и на ветвях деревьев (излюбленное место их засад!), заранее выверив секторы обстрела. Едва это было сделано, как появилась как раз головная машина. На передке трепался флажок Джаггана, на курсовой плазмомёт облокотился здоровенный джаго. Ещё несколько развернулись в разные стороны за другими плазмомётами. Передок машины украшали две высушенные головы, в изуродованных чертах лица которых отчётливо узнавались земляне.

— Таааак... — прошептал рядом с Сашкой Горька.

— Не волнуйся, это последняя поездка в их тупой жизни, — бросил Сашка.

По засаде прокатилось сдержанное шипение-рычание, иначе не скажешь. Головы увидели все. Дождавшись, пока напряжение физически завибрирует в воздухе, Сашка крикнул:

— Убить! — и выпустил ракету в переднюю машину.

Она разорвалась точно в груди плазмомётчика, разметав в стороны кровавые брызги. Граната из "тунора" Димки влетела в кабину первого автопоезда, и тот, свернув на обочину, завалился в сторону — должно быть, водитель перед смертью навалился на рычаг.

Задняя машина взорвалась — Бранка вlepила зажигательную пулю в бак с горючим. Дик и Люська из двух пулемётов расстреливали платформу с солдатами; кто-то, пытавшийся на ней добраться до тяжёлого пулемёта, был убит Ниной точно в лоб. Водитель пробовал дать задний ход, чтобы просто сбежать с поля нежданного боя, но ещё одна ракета Сашки взорвалась у него в крестце, пробив перед этим борт и сиденье. Ещё один из джаго махнул через борт и побежал в лес. Сашка, различив в прицел офицерские наплечники, хотел рвануться за ним, но Горька крикнул:

— Я! — и бросился прямо через дорогу.

С грохотом взорвалась одна из сцепок с горючим...

...Джаго, бежавший от Горьки, был вооружён автоматом и, судя по всему, находился в отличной форме — но сейчас его противником был лёгкий на ногу, быстрый и ловкий юноша-лесовик с холодной ненавистью в сердце. Они быстро бежали вглубь леса, петляя и пытаясь подстеречь один другого за деревьями и стреляя на малейшее движение. Джаго шумел, шумел слишком сильно. Горька передвигался почти бесшумно, но экономил патроны. Кроме того, у джаго не выдержали нервы — он буквально фонтанировал руганью. А Горька помалкивал.

Они задержались перед какой-то прогалиной. Джаго боялся её перебежать, имея на хвосте врага — и залёг где-то в кустах.

Горька поправил свою головную повязку. И вдруг озорная улыбка раздвинула его губы. Поглядывая на прогалину, юноша закрепил карабин в развилке корней. Расшнуровав свои штаны, из шнуровки и сучка соорудил автоспуск и пополз в сторону, сжимая в руке ремень и время от времени постреливая. Наконец, выпустив ремень, Горька достал "гюрзу" и перебежал за спину джаго. Он теперь находился в каких-то шести метрах и слышал, как тот булькающе, сипло дышит — джаго менял магазин автомата. Вот он чуть приподнялся, высматривая врага — и Горька три раза подряд выстрелил ему в спину.

С сиплым воем джаго рухнул вперёд мордой, но... перекатился через плечо и дал очередь — на долю секунды позже того, как Горька, обалдевший от такого поворота событий, но не растерявшийся, распластался на земле.

Тяжёлый бронезилет! Как он мог забыть, что офицеры у этих уродов не ленятся таскать на себе почти что танковую броню! Обругав себя, Горька отполз на несколько шагов и, вскочив, выстрелил джаго прямо в морду.

И попал в автомат, который тот как раз вскинул для стрельбы! Тонкий визг рикошета — кажется, автомату джаго конец. Отбросив оружие, тот схватился за пистолет на поясе... и тут "гюрза" дала осечку.

— Да! — вырвалось у Горьки. Бросив пистолет, он прыгнул в сторону, навскидку выстрелив из обреза, мгновенно выхваченного левой. Рёв боли возвестил о попадании, но тут же резкая боль обожгла левую ногу юноши ниже колена.

В запале Горька упал не сразу — отскочил и полетел наземь, скорчившись от боли, только через несколько шагов. Быстро перезарядил обрез, прислушался, держа оружие наготове. Убил? Нет? Мысли разбегались, он даже не мог вспомнить, чем были заряжены стволы — картечью или пулями...

Сильнейший удар вышиб обрез из его руки, вывернутую кисть обожгло болью. Джаго, приподняв Горьку, швырнул его спиной в дерево, росшее метрах в шести. Юноша ударился затылком и не упал лишь потому, что машинально ухватился левой за ствол, но сознание помутилось, он не очень понимал, что видит.

Покачиваясь, джаго стоял в этих шести метрах. Его морда была искажена болью и злобой, длинноствольный пистолет твёрдо сидел в левой руке, а кисть правой была разворочена пулей — пули там были, будь всё проклято!

— Попался, тварь, — прохрипел джаго. Его чёрные губы кривились, он покосился на лежащий недалеко обрез, обтянутый по рукоятке скальпом — скальпом джаго же. — Жаль, что у меня времени нет, а пуля — это совсем не больно...

— Ты и без меня подохнешь, — старательно подбирая слова, ответил Горька. Нога страшно болела, наверное, пробило кость. Словно раскалённый прут всадили и качают из стороны в сторону...

— Как там у вас? — пистолет поднялся выше, его дуло стало невероятно огромным. — Последнее желание?

— Чтобы вы все сдохли! — огрызнулся Горька.

Пальцы его нащупали рукоять кинжала.

Весёлые переделки возбуждённо звенели над дорогой. Среди сгоревших целых машин, среди валяющихся трупов, среди разбросанного оружия — шла азартная охота на тех, кто пытался спрятаться или притвориться мёртвым. Отрубленные и оскальпированные головы сваливали в кучу на обочине, тут же развешивали на ветках кровавые клочья скальпов.

Двоих схваченных джаго, скрутив их проволокой, бросили рядом с горящими бензовозами медленно поджариваться. Третьему Нина прострелила колени и теперь неспешно шла за ним, ползущим по дороге в безумной надежде спастись, аккуратно и методично избивая его срубленной в кустах палкой — в явном намерении неспешно забить джаго до смерти.

Хохоча и пиная ещё одного, Мирко и Бранка гнали его к Сашке — джаго был совсем молодой, по его щекам текли мутные слёзы ужаса, он шатался и почти падал, кажется, почти обезумев от страха перед своими палачами — хотя они были на голову ниже его и выглядели по сравнению с пленным хрупкими.

— Выше, выше прыгай! — хохотал Мирко, подкалывая джаго ножом. — А ну?! Иначе я сейчас тебя...

— Оп! — подхватывала Бранка. — Ещё раз — и ты покроешь мировой рекорд по прыжкам среди обезьян!

— Такие, как ты, тварь, отрезали голову Ларке! — кричал Мирко. — Она вернулась к умирающему другу, а твои соплеменники насильовали её, и потом отрезали её голову! Смилостивились, потому что она никак не умирала! Прыгай выше, тварь, если не хочешь сдохнуть прямо сейчас!

— Трус! — делала выпад Бранка. — Моя мама сама закололась, чтобы к вам не попасть, а моего братишку вы сунули лицом в выхлопную трубу — ему было тогда шесть лет! Я всё помню, я всё видела, я это не забуду! Танцуй, мразь!

Издавая от страха какие-то неопределённые звуки, джаго что-то бормотал, протягивал трясущиеся лапы — он не понимал, что ему кричат по-русски эти два дьяволёнка, но видел, что спасения не будет. И тем не менее — пытался его вымолить, растеряв все слова даже на родном языке. В этот момент Сашка, к которому подошли джаго, стремительным взмахом меча подсёк ему сухожилия под коленями — джаго упал, попытался встать, но опять завалился...

— Убей его, Саш!

— Вспори ему живот!

— Отруби ему голову!

Двумя ужарами ножа Сашка распорол пасть орущего джаго до ушей. Потом ударом ноги превратил её в оскаленную обломками зубов кровавую яму. Дик уже тащил тонкий кол, на ходу затачивая его ударами тесака. Несколько минут — и воющее, дёргающееся тело поднялось над дорогой. Сашка и Димка закрепили кол на обочине.

— Нинка! — заорал Димка. Его красивое лицо перекопилось, глаза были безумными. — Твой выродок ещё живой?! Тащи его сюда!

Но тащить было уже некого — девчонка забила джаго насмерть.

— Открывайте поезде! — скомандовал Сашка. Замки вылетели, крики изумления и восторга понеслись над дорогой. Тут было полно боеприпасов — причём значительная часть из них вполне подходила землянам.

— Да тут же клад прсото! — выразил наконец словами своё восхищение Дика.

— Только вот как мы перетаскаем этот клад за двадцать километров в нашу пещеру? — покачал головой Олмер. — Даже с промежуточной базой — долго... а тут уже скоро будут гости.

— Эй! — встревожилась Галя. — А где Горька?! Горька где?!

Тут забеспокоились уже все сразу. Они вспомнили теперь, что их товарищ в одиночку бросился в погоню за врагом. Но предпринять чего-либо никто не успел — из-за горящих машин с другой стороны дороги раздался жизнерадостный возглас:

— Эгей, люди! Вы тут ещё живы?!

— Горь! — взвизгнула Галька, бросаясь на голос дробной рысью. — О! Ребята, он ранен!

Горька в самом деле был бледен и ковылял, опираясь на карабин — но на его лице буквально цвела улыбка.

— Я? Ерунда, моему противнику не повезло больше! — и он подкинул в воздух отрубленную голову. Она с гулким стуком ударилась оземь и покатила в сторону.

— Уйoooooooo!!! — взревела в восторге компания. Между выкаченных глаз головы был виден отчётливый след от попадания кинжала.

— Ну вот встретить бы мне человека, ковавшего мой "Глиссер"! — Горька покачал головой. — Я бы ему земной поклон отбил. Ещё пара секунд — и во мне было бы дырок больше, чем звёзд на небе.

— Белкин, — Сашка показал ему кулак — медленно поднеся прямо к носу (Горька с серьёзным видом его понюхал), — если ты ещё раз вот так сорвёшься в погоню или ещё куда один — я тебя убью. Сам, чтобы не дожидаться, пока тебя прикончат враги.

— Извини, — покаянно сказал Горька. — Впрочем, я уже наказан. Люсь, я ранен в ногу. Посмотри... Так, вы, я вижу, тут повеселились? А в чём проблема?

— В массе груза, — вздохнул Сашка, садясь рядом с вытянувшим ногу другом. Люська закатала шганину, Галя, морщась, положила ладони на плечи юноши.

— Ерунда, — улыбнулся Горька. — Сейчас тут будут волки. Галь, — он откинул голову, снизу вверх глядя на свою девушку, — объясни им, что требуется. Мы быстро утащим груз километров на пять в лес, а оттуда спокойно перетаскаем на базу.

* * *

Пожалуй, никогда ещё за все восемь лет отряд не был так богат и не имел такого замечательного убежища. Волки не проявили особого любопытства ни к боеприпасам, ни к консервам, концентратам и сухарям. Посмеиваясь, Галя сказала, что звери недоумевают, как могут люди есть всю эту гадость, если в лесу — столько живого мяса?! Перетаскав всё к пещере, стая попрощалась с друзьями воющим лаем и вслед за вожаком потрусила в чащу.

Но партизаны не разделяли мнения четвероногих друзей. Очень давно они не ели консервированных фруктов, не пили сока... Мясных консервов и вообще мясного братникто не стал — боялись^[35], да и качество у всего уступало земному, но лучше такое, чем никакое — здесь все были согласны.

— М-м-м-м... — у Элмера не было даже слов, сидя со скрещёнными ногами, он пальцем подчищал банку мёда.

— Если обожрёмся — будет плохо. Заканчиваем это, — Сашка с сожалением завинтил банку каких-то фруктов в сиропе — вроде небольших яблок. — Дик! Я что сказал?! Лопнешь!

— Угу, — Дик со вздохом кивнул. — Хорошо, но теперь бы ещё чего-нибудь сладенького... — перевернувшись на бок, он провёл ладонью по ступне сидящей рядом Машки, они оба поднялись и в обнимку вышли из пещеры.

— Не смей хрустеть кустами и мять траву! — крикнул вслед Сашка. — Ну что, Горь?

— Не знаю, — искренне сказал Горька. — Не могу толком сосчитать. Всего очень много. Думаю, надолго хватит... Можно больше за продуктами и боеприпасами не гоняться... но не стоит так тратить консервы! — он пронзительно посмотрел на Машку, которая спрятала за спину банку консервированного сока и придала своему лицу выражение "средневековая девушка из деревни Большие Пупыри впервые на улицах стольного града Владимира". — И надо недельку хотя бы посидеть тихо, совсем тихо. Больно уж близко эта дорога от нашей нынешней базы.

— Ещё прятаться опять! — возмутился Димка.

— Не прятаться, — Горька покачал головой, — но мне не хотелось бы вот так, обожравшись грушами в сиропе, или что там у вас, проснуться в луже пирогея, который закачают во вход.

Но Димку сейчас, похоже, не слишком занимали проблемы какой-то там безопасности. Подхватив под руку Люську, он тоже выскочил из пещеры. Их смех и ойканье донеслись с противоположного склона — они вломились в малинник.

— What the...^[36] Ты что, сдурел?! — раздался окрик Дика. — Я тут с девушкой!

— А я что, с бревном, что ли?! — ответил Димка не менее свирепо. — Развалился под ногами...

Оставшиеся в пещере глухо фыркали и стонали от сдерживаемого смеха. Мирко лежал на животе, поставив подбородок на ладони; Бранка, лёжа рядом на боку, играла его медно-рыжей гривой. Горька и Галя сидели, обнявшись и переплетаясь пальцами. Нина спала. Олмер осматривал снаряжение. Сашка устроился на спине, подложив под голову рюкзак.

— Галь. — спросил он задумчиво, — а вот как ты говоришь с волками? Я имею в виду — ты слова слышишь, или...

— Нет, что ты... Я как будто смотрю кино — то, что они видели или хотят сказать. А им мысленно отвечаю словами.

— Ясно, — подвёл итог Горька. — Мой браслет нас с волками подружил. Перстень Галюшки позволяет "говорить" с ними.

— А мой меч? — ревниво спросил Сашка, поглаживая звериноголовую рукоять.

— Может быть, он приносит военную удачу? — неуверенно предположил Горька.

— Много удачи он принёс своим прежним владельцам... — возразил Сашка. — Да и вообще... если бы можно было создать вещь, приносящую военную удачу — её бы штамповали серийно и выдавали командирам до взводного звена. Нет, тут что-то другое...

Может, просто хорошее оружие?

— Всё может быть... — Горька неудачно переместил ногу, поморщился. — Да ладно, хватит тебе голову мучить... Ты бы спел, Олмер?

— Своё? — оживился немец.

— Да чьё хочешь пой.

Олмер задумался, тряхнул головой и сообщил:

— Тогда слушайте... Это очень старые стихи. А в книжке не было автора, сказано только, что они с одной пластинки — ещё до Безвременья... В общем — вот...

Вчера был день без лишней грязи и без фальши,
Был день открытий, достижений и побед,
Настала ночь, и мы не знаем, что же дальше,
И все почти забыли, что такое свет.
Народ героев превратился в свору нищих,
Закрыла свет всепоглощающая тень...
Нам говорили — будет день, и будет пища.
Я вижу пищу, но не вижу, где же день!

Вчера закончилось, и алая звезда
Давно снята с вершины ёлки новогодней;
Мы верим в Завтра, забывая иногда,
О том, что Завтра не наступит без Сегодня.

Мы ищем проблески и признаки рассвета,
Поскольку верим, что не вечна темнота,
И что последняя минута ночи — эта,
Хотя пока выходит, что, увы, не та;
Давно устал жить в темноте любой и каждый,
Но мы не станем думать, что всё было зря,
Мы помним старые заветы, и однажды
Перевернём застывший лист календаря.

Вчера закончилось, и алая звезда
Давно снята с вершины ёлки новогодней;
Мы верим в Завтра, забывая иногда,
О том, что Завтра не наступит без Сегодня. [\[37\]](#)

Прошло ещё несколько дней. Жизнь отряда шла ни шатко, ни валко — за последние пять суток никто ничего не предпринимал, только неутомимый бродяга Горька совершал новые и новые походы по окрестностям, утверждая, что нога нуждается в разработке и физзарядке.

— Оторвать бы тебе ходилки по самое немогу! — сказал как-то в сердцах Сашка, но Горька лишь расхохотался в ответ. — И как ты его терпишь, Галь?! Его же утопить — самое разумное!

Но Галя твёрдо знала, что ей достался лучший на свете парень...

...Горька видел, что у волков уже появились щенки. Одно логово располагалось километрах в десяти к северу от постоянного лагеря — его разбили на ветках огромнейшего дуба довольно далеко от базы. Волчица не подпускала даже близко к щенкам ни Горьку, ни папашу-волка, но охотно принимала добычу — пара мужского пола часто сидела бок о бок над логовом, наблюдая за тем, как играют шесть толстолапых, большеголовых и неуклюжих серых зверьков. Волк против компании человека не возражал. Изредка он вздыхал совсем как человек, смотрел на Горьку так, словно спрашивал: "Вот видишь, что она делает?! Своих детей посмотреть не даёт!" Горька утешал его, поглаживая по холке, груди и трепля уши. Иногда они вместе охотились, иногда Горька плавал, а волк посиживал на берегу и сторожил.

Этим утром Горька явился к логову, издали посвистывая песенку, которая нравилась волкам — простенькую "Песенку про дождь", которую помнил с самого детского детства. Он знал, что в целом это не требуется — волки издали узнавали его по запаху — но почему бы не доставить друзьям удовольствие?

Он добрался до холма, в противоположном склоне которого была выкопана нора. "Папаша", кажется, был в отлучке — наверное, на охоте, по крайней мере, на холме никто не сидел. Мягко ступая по траве и улыбаясь, Горька взбежал на холм и, плюхнувшись на живот, выглянул над краем.

Волчица лежала в стороне от норы. Её стройное тело было рассечено почти надвое, череп разможён. Между оскаленных зубов чернела густая кровь.

Волк застыл у входа в нору. Он тоже был окровавлен, шкура с ушами с головы содрана, на боку — открытая рана с торчащими рёбрами.

Горька даже не понял, как спустился вниз. Волк ещё дышал. Он зарычал и попытался поднять голову, но узнал Горьку, рычание сменилось тихим стоном и поскуливанием. Волк лизнул руку юноши, скосил глаза и заскулил снова, словно хотел выговорить по-человечески: "Больно, как мне больно!"

Горька видел, что раны зверя смертельны. Кроме того, он видел, что нет волчат. И ему не нужна была Галя, чтобы понять, что же тут случилось. Кое-где трава была вытоптана и залита кровью — это была не только волчья кровь. Картина стала ясно: на логово напали джого. Четверо пришли сюда перед рассветом и даже не дали волкам позвать на помощь. Драка была короткой. Волчат унесли; скальп с волка содрали, чтобы поглумиться и потом похвастаться трофеем.

Волк снова заскулил и попытался встать, но лишь захрипел от боли и ткнулся мордой в

кровь. Тоскливо посмотрел на юношу закатывающимися глазами — ужасен был их взгляд с покрытого засохшей кровью черепа! — слабо взвизгнул и вытянулся омертвело.

Горька встал на ноги. В ушах гудела кровь, с лязгом поднимались и опускались стальные чёрные шторы над прошлым, и Горька видел то логово и мёртвого волка — то пепелище своего дома и разлагающийся уже труп отца с пустым карабином в руках.

Юноша поднял лицо к небу и завыл...

* * *

— Ты уверен, что это они?

Горька никак не успел отреагировать, вопрос в первую очередь возмутил Нину:

— И что с того, если не они?! — прошипела она. — Какая тут разница?!

— Мелочь бешеная, — сказал Димка и получил прикладом по хребту.

— Нет, это точно они, — Горька мелко вздрагивал от ненависти и напряжения. —

Смотрите, как волнуются волки.

Четверо волков в самом деле были явно беспокойны. Они не сидели на месте, а ходили туда-сюда за кустами, то и дело молча обнажая клыки и бросая на пост пристальные взгляды.

Лёгкие модули образовывали русскую букву П. За оградой из колючей проволоки стоял открытый автомобиль и бегали два тситсу. Какой-то джаго перегружал из-под высокого навеса непонятные тюки.

— Надо убрать его и тситсу, — сказал Сашка. Галя повернулась к волкам; они зарысили вниз и пропали в траве.

Тситсу забеспокоились почти сразу. Длинноногие, остромордые, они подвывали и взвизгивали, надсаживаясь, в голосах их звучали ярость и страх — но джаго не обращал на них внимания.

Он и погиб первым. Один из волков обошёл кордон, по какой-то перекладине вошёл на крышу и прыгнул сверху, тут же вцепившись в горло и повиснув на джаго — так, что тот крутнулся и грохнулся наземь всей тушей. Тситсу пережили джаго на полминуты — волки расправились с ними беспощадно и быстро.

— Пошли, — Сашка легко поднялся на ноги. Бесшумно и быстро они сбежали к посту и просто вошли во двор. Во всех помещениях было тихо, только из центрального доносился отчётливый шум гулянки.

— Гранату в окно — и с концами, — внёс конструктивное предложение Дик. Но Горька прищурился:

— Стоп-стоп. Я хочу с ними поговорить. И попрошу не мешать душевной беседе.

— Их там по звуку — минимум четверо, — беспокойно предупредил Сашка. Горька поднял и опустил плечи в почти комичном жесте:

— Если что — я позову.

Бесшумно взбежав на крыльцо, он толкнул дверь в сторону и вошёл...

...Внутри было почти темно — какой-то небольшой "предбанник" — но темнота юноше

ничуть не мешала. Он безошибочно отыскал ещё одну дверь, толкнул её и оказался в обычной, скудно обставленной комнате. На откидном диване сидели двое джаго — в раздрызганной форме, сильно пьяные. Ещё двое устроились за простеньким, тоже откидным, но буквально заваленным едой и выпивкой столом. Один тискал самку. Грин про себя удивился — самок джаго редко кому удавалось увидеть, их держали фактически в полурабстве, не давая ни малейшей воли — может быть, ещё и поэтому сами джаго сексуально были отвратительно неразборчивы даже с точки зрения своих же союзников, для землян же — просто омерзительны. На шелест двери повернулись все замедленно — они как раз смеялись своим обычным квакающим смехом над тем, как один из сидевших на диване плеснул кипятком из чашки прямо в мордочку одному из лежавших на полу со связанными лапами щенков. Бедный зверёныш зашёлся плачущим жалобным визгом.

Вся компания тупо уставилась на возникшего на пороге худощавого юношу-землянина с обветренным лицом и перехваченной повязкой копной светлых волос. Впечатление было такие, что к джаго явился разгневанный дух леса, чтобы требовать ответа за насилие над своими детьми. Горька заметил, что морды джаго и вправду отразили испуг — конечно, они не думали о духах леса, но землянин?! Наконец один из сидевших за столом рыкнул на мьюрике:

— Ты кто такой?!

— Не важно, — отозвался на том же языке Горька. И по-русски продолжал — не заботясь, поймут или нет: — Я из тех, кого вы в порошок стереть грозились. А стёрли в порошок.

Диспозиция была никудышной. Горька хотел использовать дробовик, но трое за столом сидели далековато от тех, на диване, да и щенки... И ещё, кажется, один из сидевших на диване был вообще трезвый. Он вдруг рявкнул:

— Заходи, гостям рады! — и схватился за автомат рядом.

С лопающимся звуком вылетело стекло, и джаго с изумлением на морде повалился на пол — ему снесло полчерепа. Горька немедленно выстрелил картечью в тех, за столом, разметав еду. Последний, выхватив из-за голенища сапога кривой нож, бросился на Горьку, но ворвавшийся в дверь Дик срезал его из "парабеллума". Сказал:

— А говорил — сам справишься... Смотри!

Один из волчат, судорожными рывками добравшись до ближайшего убитого, с рычанием начал рвать рукав его куртки.

— Боец! — засмеялся Горька. Во дворе раздавался голос Сашки — он командовал, приказывая обыскать все помещения.

Застонала самка — картечь угодила ей в плечо и руку. Дик обогнул стол, бросив по пути себе в рот какую-то конфету, прицелился ей в голову. Самка что-то забормотала, торопясь и вращая глазами, но Дик выстрелил, присел, стал освобождать волчат. Словно в ответ, очередь прогремела во дворе, кто-то закричал, снова грохнули выстрелы...

— Вон оттуда выскочила!

— Проверь, кто там ещё, скорей! Бранка, с ним!

— Да ну! — изумился Сашка, входя. — У них тут стол накрыт! А кто половину еды расстрелял?

— Моя вина, — вздохнул Горька. Вошедшая следом Галя подняла щенка с обожжённым носом, стала его гладить. Следом сунулась одна из волчиц — чутко поводя носом. Волчата завизжали, стали перебираться ближе к ней, кутёнок на руках у девушки задёргался, стараясь

убраться от знакомого, но всё-таки чужого запаха к запаху, похожему на запах матери — Галя спустила его на пол:

— Беги, малыш.

Снаружи послышалась ругань, Мирко пинками вогнал внутрь ещё одну самку и солдата-джаго — без штанов.

— Развлекались, когда мы их застали, — сообщил он. — Там пункт связи был, мы его раскурочили... Так что с ними делать?

— Подарим волкам, — спокойно сказал Сашка. — Отпусти. Пусть бегут.

И сплюнул...

...Мальчишка, сидевший на ветках дуба совсем недалеко от джагганского поста, был совершенно неподвижен и даже не дышал — лишь зелёные внимательные глаза скользили по тропе вслед за бесшумно уходящими землянами. Глаза, расширившиеся от ненависти — что эта ненависть запредельна, лучше всего подтверждали белые пальцы на рукояти небольшого курносого бластера. Но выстрелить вслед мальчишка не решился. Нет, он не боялся, но знал, что лишь он сможет рассказать точно о том, что враг здесь и что у него — всё то, что ищет группа Императорских Рук.

Мальчик подождал, пока последний из землян скроется за кустами на дальнем конце прогалины. Потом — приподнялся, встал на ветке и издал низкий мурлыкающий звук, тихий и в то же время мощный. Подождал, глядя вверх — и улыбнулся, различив приближающийся еле слышный свист крыльев.

Лесными Псами они назвались после одной сумасшедшей охоты, когда перебили кучу зверья — просто потому, что никак не могли остановиться.

Потом они ещё долго вспоминали ту охоту — да и было, что!..

...Волки подняли людей ночью. В мыслях у них был полный сумбур — ясно становилось лишь одно: неподалёку, вдоль оврага, идут олени — большое стадо солнцерогих оленей отправлялось на водопой.

Они тогда ночевали в ветвях огромного дуба, уютно устроившись в семи метрах над землёй, и сейчас ссыпались оттуда, а внизу прыгали и в нетерпении скулили волки. Стояла великолепная звёздная ночь, в прохладном воздухе было разлито что-то пьянящее и острое, как хорошее вино.

— Горька, Дик, Галька, Маш, Нин, — распоряжался Сашка, пробуя меч, — отрежьте им путь отхода! Остальные — за мной!

И они понеслись через лес — сумасшедшая гонка рядом с волками, через полосы тьмы и света, сквозь кусты и мимо деревьев, по траве и осыпям, через ручьи и полянки...

Казалось, что бежишь один, а рядом — лишь волки. Друзья мелькали в отдалении, как летучие тени, и ликующее, немного горьковатое, чувство одинокого бега переполняло каждого. Огнестрельного оружия никто не взял — только холодное, в большем они не нуждались, как не нуждается волк в каком-то оружии кроме своих клыков...

...Несколько мальчишек-мьюри из ближнего поселения ловили рыбу и заночевали на приречном лугу — ели прихваченную из дома скудную, ещё более вкусную на свежем воздухе, еду, хвастались пойманным (рыбу все собирались отнести домой, по карточкам уже давно ничего нельзя было толком получить...) и пугали друг друга жуткими историями. И вдруг сказки обернулись жуткой реальностью. Заунывный звериный вой донёсся, казалось, сразу с нескольких сторон. Но самое страшное — ему откликнулись дикие, и всё-таки человеческие голоса:

— Аоу! Аоу! А-у-аааа!

Прямо через огонь костра — в огненном искристом ореоле — пролетело жуткое существо. Длинные волосы, подсвеченные огнём, казалось, полыхают изнутри. Существо смеялось; красивое лицо было диким, огонь бушевал в глазах. В правой руке кроваво блеснул длинный кинжал; клешёные брюки щёлкнули в прыжке вокруг ног, как сдвоенный выстрел. Перемахнув через костёр, существо подняло голову:

— Аоу! Аоу! А-у-аааа, о-хо-таааа!!!

Оно словно бы и не заметило сжавшихся в комки у огня мальчишек — сорвалось с места и исчезло в темноте...

...Волки впереди подняли весёлый трескучий полулай-полувовай, означавший, что дичь загнана. Они прижали оленей к пруду — не меньше десятка самцов, склонив свои грозные короны-солнца рогов, защищали остальных. Волки не нападали, лишь сдерживали добычу до тех пор, пока не появились люди.

Все на какое-то время застыли, сжимая в руках ножи и глядя на оленей. Потом Сашка коротко пролаял:

— Аоу!

Люди и волки бросились на добычу...

...Скользнув под занесёнными копытами, Дик распластался вдоль бока животного и, схватившись левой рукой за основание рога, правой всадил нож в пульсирующую под атласной шкурой артерию — фонтаном брызнула кровь, олень начал заваливаться.

— Берегись! — Олмер повис на рогах оленя, бросившегося на Дика со спины. Используя рога, как упор, мальчишка перескочил на спину животного, обезумевшего от запаха крови и страха. — Йо-х-хууу!!! — он хохотал.

Восторгом был переполнен воздух. Убивая, они беспричинно смеялись, сверкали белозубые улыбки на окровавленных, азартных лицах; наносили удары, изворачивались, падали, скользя, вскакивали и били снова, увёртывались от ударов, прыгали... Сашка свалил жожака — прыгнув ему навстречу, перехватил за шерсть под горлом, толкнул от себя рогатую голову и на всю длин всадил меч в грудь, в сердце.

— Аоу!

Вскочив на ещё содрogaющееся тело зверя, он поднял к небу руку с мечом:

— Убивайте!

Так в пепел всё!

Над пеплом — знамя наше!

Пусть вражьи черепа идёт на чаши!

Прольём на них дыхание вина

И — всё до дна!

Да здравствует война! — и взмахивал окровавленным клинком.

Несколько животных, пытаясь спастись, прыгнули в овраг — волки и люди прыгали следом, не боясь переломать кости, убивали прямо в овраге, не давая сделать и шага к спасению. Красуясь своей ловкостью и подражая Олмеру, и парни, и девушки прыгали на спины оленям, сходившим с ума от тяжести и запаха человека, недостижимого для рогов и копыт, держались там, направляя бег жёсткими поворотами головы за рога — и потом приканчивали животное рассчитанным ударом. Мирко, схватив за рога напавшего на него большого самца, на какое-то время застыл — на руках и шее рельефами выступили мускулы и жилы, олень хрипел яростно, силясь опрокинуть человека или вывернуться, копыта рыли землю... напрасно!

— А-ах! — коротко вскрикнул Мирко, под восторженные вопли и весёлый лай опрокидывая свою жертву и приканчивая её ударом ножа. Грудь юноши ходила ходуном, он гордо смотрел по сторонам — и подошедшая Бранка поцеловала его окровавленное лицо.

Смертью этого оленя фактически завершилась бойня. Словно опомнившись, все занялись разделкой; волки драли несколько туш, стремясь наесться самим и запасти для детёнышей и подруг побольше^[38]. Но к разделке ни у кого особо не лежала душа — запах крови всё ещё будоражил воображение...

Первым бросил разделку Димка. Он даже нож не вытер — метнул его в землю у ног, глаза юноши блуждали, он то и дело хмурился, словно что-то вспоминал и никак не мог вспомнить.

— Люсь... — негромко сказал он, поднимаясь на колени. Девушка к нему обернулась — словно ждала только этого и — с нетерпением.

— Что? — шевельнулись её губы. Вместо ответа юноша провёл окровавленной ладонью по её лицу и тихонько сказал:

— Пойдём...

...Все разбрелись. Волки исчезли — очевидно, побежали "по домам". Нина невозмутимо продолжала разделку. Сашка, скрестив ноги, уселся на небольшом пригорке и, сложив руки на рукояти меча, немигающе уставился на бледнеющее небо в тускнеющих пятнах звёзд.

Олмер несколько секунд стоял неподвижно, потом диким прыжком сорвался с места и исчез — даже кусты не хрустнули. Тенью мелькнул он на фоне неба в верховье оврага — и пропал...

...Сорвав веточку малины, Дик с улыбкой провёл ею по губам Машки. Не открывая глаз, девушка приоткрыла рот и губами сорвала две ягоды.

— Спасибо, — она потянулась, как кошка, и открыла усталые, счастливые глаза — даже немного пресыщенные.

— Не такая уж большая услуга — ягоды, — лениво сказал юноша. Девушка тихо засмеялась:

— А я тебя благодарю и не за ягоды... Это было великолепно — лучше, чем когда бы то ни было...

— Эй, товарищ Ревякина, — Дик угрожающе сдвинул брови, — не хочешь ли ты...

— Хочу, — быстро перебила Машка, — а ты можешь?

— Я не об этом! — возмутился Дик, и они засмеялись в лад...

... - Скажи, ты никогда не вспоминаешь Ромку?

Устроившись головой на груди Димки, Люська водила ладонью по его плечу и руке. В ответ на вопрос она подняла глаза и тихо спросила:

— А ты? Ты вспоминаешь Мэсси?

Димка смешался. Мэсси Роуз и Люська "боролись за руку и сердце" Димки чуть ли не с восьмилетнего возраста, когда этот вопрос вообще возник в детских головёнках. Мэсси выиграла борьбу, а Люська "утешилась" Ромкой. Но и Коржевой и Роуз погибли — и их смерть, как ни кощунственно это звучит, помогла Люське найти своё счастье.

— Мне хорошо с тобой, — наконец-то сказал Димка. Ничего лучшего ему в голову не пришло, но, судя по всему, эта глупость вполне устроила девушку. Она глубоко вздохнула и удобней устроилась рядом со своим парнем, поместив ногу поперёк ног Димки...

...Сидя со скрещёнными ногами, Горька водил ладонью по ступням Гали. Девушка, грациозно изогнувшись, расчёсывала широко расставленными пальцами белокурые волосы Горьки, освобождённые от повязки. Горька вспоминал, как пять лет назад чуть не замёрз зимой, когда ловил рыбу и провалился под лёд — казалось, совершенно неподходящий к ситуации разговор. Но Галя относилась к тем девушкам — их большинство во Вселенной — которым всё равно, о чём говорит их парень, всё им кажется хорошим и умным. А Горька говорил и говорил, словно что-то пытался материализовать воспоминаниями вслух...

...Бранка закричала. Мирко продолжал двигаться — он стоял на коленях, обливаясь потом. Когда два года назад они с Бранкой в первый раз переспали друг с другом — им исполнилось едва по тринадцать — этот крик его до такой степени перепугал, что он едва не стал импотентом. Но с тех пор многое изменилось — и Мирко слышал в крике ликующий восторг...

...Едва ли кто-нибудь из них всех сейчас думал о войне, смерти, боях и крови. Всё вокруг состояло лишь из любви — зримой и весомой. Бывают такие моменты, и они — эти мгновения — не дают миру даже в самые страшные дни превратиться в одну жуткую и

бессмысленную бойню. Эти момент — и память о них! — сохраняют в человеке — **человека** — и надежду на то, что всё ещё будет хорошо в будущем... если не для тебя — то для чудесного существа, тихо дышащего тебе в плечо, девушки, которую ты будешь защищать, пока есть силы.

Пока случаются в твоей жизни такие мгновения — смерть бессильна.

Стоя на коленях — воды было по пояс — Горька, насвистывая, отмывался с глиной. Привычку свистеть при мытье он приобрёл сам не помнил когда и почему — кажется, свистел при мытье ещё когда мылся в ванной. Была ванная — сейчас проточная вода и глина. И ничего. Жить можно.

Не в порошок. Только в порох, подумал он, растирая предплечья. А до ванн ещё доживём.

Мокрый, увесистый шлепок едва не обрушил парня физиономией в воду. Он сердито обернулся и увидел улыбающегося Сашку. Тот держал в руках обмылок, а улыбка — улыбка была грустная...

— Держи.

— Это же... — Горька провёл ладонью по воде. — Это же Анюткино мыло... в смысле, я... — он непривычно для себя смешался, хлопнул по плечу, убив ни в чём не повинную мошку.

— Знаю, — Сашка снова улыбнулся. — Ну так что с того? Носить его с собой так же легко, как кусок раскалённого железа. И в конце концов, мыло ведь существует, чтобы мыться.

— Спасибо, — Горька принял на мокрую ладонь кусочек мыла в пять сантиметров длиной. Понюхал его, словно цветочный букет. — Розы...

— Да, розы, — Сашка отвернулся. — Помнишь, мы нашли ящик.

— Спасибо, — повторил Горька. — Я лучше Гале отдам, ладно? — он понял, что эта мысль очень хорошая — и встал.

— Конечно... Везучий ты, Горь. Я бы Анютке не знаю, что отдал, только чтобы она была жива. Я вот всё... я думаю всё, хорошо ли ей было со мной.

Горька, который уже собирался уйти, круто повернулся к другу, взбурлив воду.

— А ты не думай, — резковато сказал он, — а то спятишь! Я за тобой уже давненько странности замечаю...

— Помнишь, как нас зимой по болотам гоняли? Мы нашли сарай, а там — мёрзлая картошка. По три картофелины на каждого. Помнишь, как жрать хотелось? Мы разделили их честно. По три. Помнишь?

— Помню, — тихо, словно зачарованный, ответил Горька. Он и в самом деле вспомнил весь ужас холода — вдвойне более жуткий от того, что негде было укрыться, что нельзя было даже развести огонь.

— В результате девчонки съели по шесть штук, — продолжал Сашка, улыбаясь, — и у них начался понос. Поверят ли люди через два десятка лет, что можно есть мёрзлую картошку?

— А ты верил — восемь лет назад?

— Я не помню. Я, наверное, про это вообще не думал. Родители были рядом, а значит, всё было в порядке....

— А Олмер свою тогда отдал Нине, — вспомнил Горька.

— Кстати, он сбежал. Парня можно понять, — покачал головой Сашка. — Так ему и

сдвинуться недолго.

Горька, кажется, хотел что-то ответить, но промолчал, кивнул и отправился на поиски Гали. Сашка присел, окунул голову в воду — держал её там долго, словно решил таким странным образом утопиться. Потом — резко выдернул голову наружу, профырчал, роняя воду с волос:

— Лесные Псы, иначе не скажешь!

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ:

АНДРЕЙ ЗЕМСКОВ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СКАЗКИ.

Когда писать не с руки и не разводятся краски,
Когда на мачтах паруса — как бельё,
Казалось бы, пустяки — лишь возвращение сказки
Туда, где ждать все позабыли её.

Казалось бы — поднажать на жёлтый тюбик сильнее
И солнце выпустить в небо на год.
Но режет ночь без ножа — её чернила синее,
Чем на холсте твоём ночной небосвод...

Ты — самый старый солдат, и там, где шла твоя рота,
Не оставалось вариантов уже.
Ты твёрдо выучил: ад — ещё не линия фронта,
А рай — он тоже не в штабном шалаше.

И ты чертил на снегу самим собой, как курсором,
Когда тащил на спине "языка".
Теперь другие бегут вперёд, — и будет позором
Не победить, когда победа близка.

Весел и упрям — останься таким,
Даже если — стоп, и дальше нельзя.
Знай, что иногда сильнее враги,
Но даже тогда — сильнее друзья!
И пока беда сжимает кольцо,

Сказку отыщи и выпусти вверх.
Пусть она дождём омоет лицо, —
Это будет твой последний успех!

Когда последний аккорд затихнет в шуме оваций,
И музыкант уйдёт в гримёрку, ты сам
Поймёшь, как это — на год порой во тьме оставаться,
Чуть прикоснувшись к золотым небесам.

Уже заклеен конверт, недалеко до развязки.
Но вдруг в окно ударит ливневый дождь, —
И ты откроешь мольберт, и разведёшь свои краски,
И солнце выпустишь, и сказку вернёшь.

Весел и упрям — останься таким,
Даже если — стоп, и дальше нельзя.
Знай, что иногда сильнее враги,
Но даже тогда — сильнее друзья!
И пока беда сжимает кольцо,
Сказку отыщи и выпусти вверх.
Пусть она дождём омоет лицо, —
Это твой успех!

* * *

На следующий день пошёл дождь. С утра поднялся густой "грибной" туман. Девчонки оживлённо засобирались за только-только пошедшими подосиновиками и подберёзовиками с белыми — туман поднимался уже не первый день, грибы просто обязаны были вырасти. Но тут плюхнул ливень, быстро перешедший в частый и заунывный тёплый дождик. Поход за грибами пришлось отложить.

Лесные Псы находились где-то в двадцати с лишком километрах от своей базы и ночевали под раскидистым дубом. Естественно, дождь их не очень-то обрадовал.

— В пору постучаться к волкам в норы, — проворчал Дик, стряхивая с волос воду. Своей курткой он добавочно укутал прильнувшую к нему Машку.

— Ленина у нас погниёт, — озабоченно заметила Бранка, — сушить по-нормальному негде...

— Ещё набьём, — буркнул Олмер.

— Ну да, а как же. Всех изведём, одни останемся — вот и нормально, — ехидно сказала Галя, устроившаяся под самой большой и густой веткой.

— Ой не нравится мне тут, — вдруг глубокомысленно изрёк Сашка, — ой, как не нравится... Пошли, — и он решительно встал.

— А позвольте спросить — куда? — спокойно поинтересовался Горька, протиравший свой обрез куском бинта.

— Пять километров до монорельса. Пересидим дождь в домике обходчика, а потом рванём полотно.

Предложение командира вызвало немалое оживление. Всё кругом было достаточно мерзким, чтобы сподвигнуть Лесных Псов на мелкие чудеса.

— Пошли, — согласился Горька решительно, вставая и определяя обрез в чехол.

Все засобирались. Подкатали клешёные штаны, обувь повесили на шею, двинулись под дождём через мокрый, шепчущий на разные голоса, лес.

Надо сказать, что идти под дождём — гораздо приятней, чем сидеть. А мысль о сухом домике и очередной пакости Чужим — придавала дополнительной бодрости...

...Монорельсовая дорога, к которой направлялись Лесные Псы, была проложена ещё до начала власти джаго — одна из немногих магистралей, соединявших через леса западный и восточный берега континента. Естественно, что на всей её протяжённости охранять дорогу было бы просто невозможно, даже если б кто и задался такой целью — а джаго ею явно не задавались, лишь время от времени патрулируя полотно с воздуха. Но станции и разъезды всё-таки были прикрыты. Лесные Псы великолепно это знали. Но, с другой стороны, какой интерес взрывать то, что не охраняется?

Кроме обходчика из мьюри переезд, на который они нацелились, обживал отряд пехоты при двух бронемашинах — тоже из мьюри. Укрепления из земли и переносной брони, бетонный гриб ДОТа и заграждения придавали переезду вид серьёзного укрепления. Но на деле он таковым не являлся просто по факту — никто из мьюри не стремился в случае чего класть головы за оккупантов, тем более — оккупантов, у которых дела пошли совсем скверно. А тут ещё и дождь — он всех позагонял кого в транспортёры, кого в пост. Лишь двое или трое часовых мокли за листами брони, глядя на мир с тоской и скукой. Поэтому появлению телеги со здоровенным возом мокрого сена они даже обрадовались.

Запряжённая парой кабаллокамелюсов, телега была типично местная — напоминала лодку с высоким носом. Четыре колеса разноголоса припевали скрипучую песенку. На скамейке перед носом сидел, свесив босые ноги и закутавшись в какое-то непонятно что, возчик — похоже, мальчишка. Ещё до войны, несмотря на джагганскую оккупацию, такое средство передвижения вызвало бы недоумение и хохот, но война истрепала экономику планет и благосостояние жителей, как хищник жертву — и ничего особо удивительного в такой штуке уже и не было.

Часовые обрадовались законному развлечению и довольно шустро повыбирались из укреплений. Возчик, не торопясь выглядывать из своего "дождевика", остановил животных и равнодушно сидел на своём месте.

— Чего везёшь? — поинтересовался один из часовых.

— Слепой? — вопросом ответил возчик.

Второй часовой обошёл воз и буквально остолбенел, обнаружив сидящих на заднем облучке парня и девушку — прислонившись к сену, они в обнимку сонно взирали на мир. Дождь их явно не беспокоил, рядом стояли сапоги и оружие. То, что это оружие, часовой понял позже, чем сообразил, что таких волос, глаз и кожи у мьюри не бывает... и тут сено между голов парочки зашевелилось и оттуда высунулась рука с пистолетом.

— Опустит автомат, подними руки, — приказал на хорошем мьюрике совершенно спокойный голос из сена.

— Делай, что сказали, дорогой, — ласково попросила девушка. — И молчи.

Тем временем первому часовому пришло в голову, что надо бы обойти вокруг стога. Он двинулся в это путешествие, оказавшееся последним в жизни, потому что навстречу ему из сена выметнулся искристый блеск, грудь разорвала боль — и всё исчезло.

Пинком вывалив ком сена, Сашка убрал меч и высунул ружьё. В соседнюю дырку выглянул "туноор" Димки.

— Поехали, — предложил Сашка. Бледное пламя с ревушим звуком ударило из стога. Сено полетело вихрем — Лесные Псы выпрыгивали на дорогу. Обе бронемашины были уничтожены тут же — гранаты влетали в них через открытые люки. Выскочивший из ДОТа солдат с большими глазами подался обратно — Нина вцепилась ему в лоб пулю, а Олмер, соскочивший с облучка, и Галька, подбежав к двери, стреляли внутрь до тех пор, пока там не стало тихо.

Димка как раз взломал дверь дома. Машка и Люська вытащили из одной из машин двоих раненых, поставили их у брони. Один не мог стоять, и Люська тут же застрелила его. Второй, прикрыв голову руками, смотрел на Лесных Псов бессмысленным от ужаса взглядом. Мирко застрелил и его.

От дома грохнул несколько раз обрез. Высунувшийся из окна Димка крикнул:

— Идите, чего вы под дождём торчите?! Олмер, тут гитара! Наша!

Сигнал тревоги дать не удалось никому, пульт связи безразлично подмигивал огоньком готовности. Димка уже включил обогреватель, все уже развешивали около него самые мокрые предметы одежды. Пол испятнали следы. Бранка отыскала целую стопку одеял — тоже земных армейских. Сашка пересчитывал имевшуюся в наличии взрывчатку.

— Маловато, — огорчённо сказал он. — Что делать будем?

— Придумаем чего-нибудь по ходу, — махнул рукой Дик. — Девчонки, вы б поесть сообразили.

Горька сосредоточенно изучал пульт управления переездом, покусывая какую-то палочку. Олмер устроился на столе со скрещенными ногами и изучал гитару. Потом — задумчиво уставился на окно, по стеклу которого сбегали струйки воды. И вдруг провёл ладонью по струнам, запел — задумчиво и негромко:

— Немного сожаленья сейчас не повредит,
И в этом повинит нас вряд ли кто-то,
Но всё-таки приятно, когда солдат глядит
С небес на результат своей работы.
Возможно, где-то в сводках нас всех упомянут,
Хоть слава на века нам вряд ли светит:
Мы пали смертью храбрых тому уж пять минут
Назад — а может, несколько столетий.

Пройдут года — и станут вершить пристрастный суд
Над нами наши правнуки и внуки,
И тихую глубинку навеки занесут
В анналы исторической науки;
Но верим в то, что ружья поднимут из пыли,
Что вновь возьмут солдатские котомки:
Мы пали смертью храбрых, чтоб храбро жить смогли
На нас во всём похожие потомки.

Пусть верят, что мы сами шагнули чёрту в пасть,
Не назовут наш выбор стадным чувством,
Ведь редкая удача — такую смертью пасть,
Практически граничащей с искусством!
Закончились сраженья, и розданы долги,
А вам пускай напомнит наше знамя:
Мы пали смертью храбрых, как тысячи других
До нас, и после нас и вместе с нами,
Мы пали смертью храбрых, как тысячи других

— замолчал и отставил гитару.

Никто не двигался, пока Олмер не перестал петь — слушали заворожённо, у девчонок чуть не сгорели поставленные греться консервы. Песня была словно бы колдовским заклинанием на недвижимость. И потом никто ничего не сказал, все сочли за лучшее просто сесть и начать есть.

Однако, Горька, жуя, то и дело косился на пульт. Он первым и заметил, как запульсировала оранжевая лампочка, постепенно наливаясь красным.

— Поезд идёт! — Горька вскочил. — Смотрите!

Все бросились к окнам, опрокидывая то, на чём сидели, путаясь в одеялах и отбивая пальцы ног. Слева — пока ещё очень далеко — на повороте быстро рос длинный состав... Кажется, там заметили, что на посту не всё в порядке — и нарастил скорость.

— Опоздали! — вскрикнул Дик.

Он был прав. Совершенно ясным представлялось то, что Лесные Псы ничего заминировать не успеют — даже теми небольшими запасами, что у них есть. а с состава сообщат — или уже сообщили — "куда следует", и через полчаса тут будут гости. В количестве явно излишнем.

— Смотрите... — вдруг задохнулась Нина. Обычно спокойная, она, казалось, была парализована чем-то невероятным — и глядела вправо. Все рефлекторно повернулись туда — и остолбенели.

Из-за поворота справа вымётывалась серо-зелёная змея, нёсшаяся бесшумно и быстро — но так, что вибрировал весь дом. Это шёл ракетный бронепоезд противокосмической обороны — угловатые скрепы брони... узкие щели бойниц... приземистые колпаки постов... откосы ракетных установок...

Свистящий сигнал — и тут же ответ со встречного "грузовика". Бронезмей начал тормозить. И тут Горька, со злой странной усмешкой сделал шаг к пульта и нажал одну-единственную кнопку, тихо сказав:

— Вот и всё.

Бесшумно переключилась стрелка. Отрезок полотна длиной в три метра переместился на два метра в сторону.

Люська закричала и закрыла лицо руками. Произошедшее было так страшно, что все Лесные Псы шарахнулись от мгновенно лопнувших окон, попадали на пол.

Составы ударились лоб в лоб на скорости около трёхсот километров в час у грузового и ста — у бронепоезда. "Грузовик" вздыбился, как ползущая гусеница. Во все стороны хлынули снопы искр.

— Лежать! — отчаянно закричал Сашка — он первым осознал, что именно сейчас произойдёт. Через секунду горячий вихрь превратил домик в развалины без крыши. Димка, который лежал спиной на Люське, на всю жизнь запомнил **летающий по воздуху броневагон**. В небо взлетали и с неба рушились, срубая толстенные деревья, взрывая землю, куски металла, трупы, части тел и вообще непонятно что.

Лесные Псы остались живы. От взрывной волны их худо-бедно защитил дом. А от сплошного ливня смерти с неба защитила близость к полотну — сила взрывов была такова,

что весь хлам летел не меньше чем на сто метров от дороги.

Сильные взрывы гремели не меньше четверти часа. Потом — продолжали рваться по отдельности боеприпасы, раскиданные километра на три в округе.

Лесные Псы начали потихоньку подниматься. Вокруг всё совершенно изменилось. Не было леса как такового. Земля встала дыбом и была утыкана кусками металла. Трава отсутствовала. Чёрный и красный — вот два цвета, владевшие миром вокруг.

Монорельса не было в обе стороны, сколько видел глаз — как минимум до поворотов. Посреди полыхающего хаоса высился чудом уцелевший броневоз, но... смятый в гармошку, словно на нём решил сыграть некий безумный великан.

С неба упала секция монорельса с припаянной к ней цистерной, вскрытой, как бутон цветка.

— Мда, — многозначительно сказал Сашка. Не услышал себя толком, дёрнул за волосы. Больше никто ничего не добавлял, но лица у всех были перепуганные, а ещё — недоверчивые, словно каждый пытался понять: это что, это они на самом деле сотворили всё вокруг?! Мимо горячей канавы полз чудом уцелевший джаго, волоча за собой полуоторванные ноги — разевал рот и что-то выл, то ли внятными словами, то ли просто — выл...

Восемь лет назад такие, как они, убили всех землян, которые не успели или не смогли эвакуироваться. Убили всех, кто попал к ним в лапы. Убили так, как не убивал никто из Чужих — и похвалялись этой "победой", словно разгромили земную армию, а не уничтожили людей, большинство из которых были женщинами и маленькими детьми.

Пули, выпущенные в беззащитных, вернулись. Они всегда возвращаются и разят без промаха и пощады.

Уткнувшись в землю у горячей канавы, джаго угасающим взглядом увидел последнее — совсем юная земная девушка, стоя в рост и подняв над головой винтовку, с гневной радостью кричала:

— Получили, скоты?! Получили, сволочи?! Получили?! Огонь вам и смерть, огонь и смерть!..

...Лесные Псы как-то странно себя чувствовали. Ими владело лихорадочное и в то же время возвышенное чувство, когда они смотрели на сотворённое их руками побоище — подобного которому не устраивали тут ещё ни разу за все годы своей партизанской жизни. Наконец, чтобы разрушить странное очарование, Дик поднял с пола и отряхнул свою куртку:

— Обед накрылся, — сказал он, ещё раз хлопнув курткой о колени.

Нина продолжала что-то яростно выкрикивать. Горячий ветер шевелил её волосы. Люська, натягивая штаны, быстро проговорила:

— Надо уходить. Быстро, бегом!

— Что случилось? — моментально обернулся к ней Сашка, только что спокойно шнуровавший свои клёши.

— Нас ищут. Скорей, я говорю!

Лесные Псы подхватились молниеносно. У них не было причин дожидаться появления тех, кто "ищет" — и не было причин не верить Люське...

...Они успели отбежать рысцой на полтора километра, когда по закатившему небу бесшумно скользнула, закрывая звёзды, тень — пятно абсолютной угольной черноты. Потом — ещё одно и ещё одно. А ещё через несколько ударов сердца позади вспыхнуло голубое магниевое пламя — и опало.

Диверсия на монорельсе испугала командование джаго. Они не верили, что это сделано крошечным партизанским отрядом и настаивали, что земляне уже начали высадку, во всяком случае — высадили диверсионные группы, и те уже действуют. Две тысячи джаго обшаривали леса вокруг монорельса, страшно боясь тех, кого искали — а Лесные Псы путешествовали буквально по пятам своих преследователей, не зная, что им делать — смеяться или плакать от того, как их старательно ищут.

Всё это время шёл дождь.

На четвёртые сутки преследователи убрались прочь.

Дождь ушёл вместе с ними. А Лесные Псы решили нанести ответный визит. "Нас просто обязывают к этому моральные нормы землян," — утверждал Мирко.

* * *

Представьте себе тихий и спокойный ночной лес в самом начале июня. Звёзды заставляют всё небо сиять. Огромный кряжистый дуб, из-под корней которого выбегает звонкий ручей, раскинул руки-ветви над младшими родственниками, молодой порослью — молодой в сравнении с ним, видевшим ещё те времена, когда на планете не появились даже мьюри.

Именно на его длинных, широких ветвях и устроились Лесные Псы. В сравнении с дубом они казались крохами.

Сашка, Горька и Люська расположились ближе к вершине. Горька сидел, прислонившись спиной к стволу и вытянув по ветке ноги. Напротив него верхом на ветке сидела Люська; между ними лежала карта. Сашка стоял на коленях сбоку — там вполне хватало места. Эта тройца обсуждала детали "визита вежливости". Ярусом ниже сидевший со скрещенными ногами Димка то выстругивал защёлки для силков, то этим же ножом щекотал Люське пятки, чем вызывал на себя очередной кусок коры. Галя, устроившаяся на самом конце ветки, чинила куртку.

Напротив по ветке разгуливал Олмер и проделывал — в десяти метрах над землёй — акробатические номера. Зрителями были Мирко, Бранка и Нина, сидевшие на этой же ветке.

Дик и Машка были полностью укрыты тенью — у корней дуба их приняла великолепная моховая подстилка, и оттуда сейчас доносились смех, шёпот и возня.

— Они просто неистощимы, — заметил Олмер, делая кувырок назад. Кувырок оказался неудачным — ноги парня соскользнули, он замер в положении неустойчивого равновесия над тёмной пустотой, из которой злорадно захихикали.

— Будет очень больно, — задумчиво констатировал Олмер, с трудом балансируя на ветке. Ноги съехали окончательно, он рухнул вниз под дружное аханье девчонок — но в

последний момент, толкнувшись, буквально кончиками пальцев зацепился за другую ветку — впереди и выше — подтянулся и сел на неё, победно потрясая руками над головой.

— Жить захочешь — и летать научишься, — философски заметил Мирко, со щелчком примкнув магазин к автомату и передёрнув затвор. — Ну вот, всё готово к фейерверку.

— К празднованию Дня Воинов^[40], — заявил со своего насеста Олмер, уже беспечно болтавший ногами.

— Во-во, — согласился, кивнув, Мирко. — Отметим и переотметим досрочно!

"Наверху" громко сомневался Горька:

— Ну вы думайте хотя бы, что вообще собираетесь делать! В этой поганой деревеньке не меньше двухсот голов одного населения. А самое главное — уж больно широко она раскинулась...

— Да ладно-о-о, — протянула Люська, — чего ты трепещешь? Мы же не собираемся население резать. Тут главное пугнуть. А место удобное.

— Ох, не люблю я этой уличной суеты... — поморщился Горька. — Каждый перепуганный дурак с дубиной — уже угроза...

— Да ладно тебе! — не выдержал и Сашка. — Что-то ты поёшь сегодня — на тебя и не похоже совсем! — он обхватил Горьку за шею ладонью и со смехом притянул к себе. — Ну?! Мы ж вместе горы можем свернуть!

— Или шею себе, — проворчал тот, лёгким точным движением высвобождаясь из захвата.

— Кинь, — если не веришь, — не без ехидства посоветовал Сашка.

— А что? — Горька спустил ноги вниз, уперся руками, сел поудобней... Сухой, лёгкий стук палочек... Люська зачем-то нагнулась поближе. Горька торжественно прочёл заклинание и достал -

"Гифу". "Тир". "Сигел".

"Дар". "Слава". "Солнце".

— М? — удивился Горька. — А если ещё раз?

— Эй, второй раз нельзя! — возмутился Сашка, но Горька махнул рукой:

— Спокойно. Я уже понял, что судьба за нас, но... просто ради любопытства, в конце концов!

Выпали...

— Что такое? — Горька потряс мешочек, запустил руку...

Выпали...

Горька с немалым подозрением огляделся и вдруг захохотал:

— Люсь, Люсь! Это твои шуточки, что ли?!

— Ничего подобного, — хладнокровно заявила девушка. — Судьба, я так скажу...

— Нет никакой судьбы, — заметил Сашка.

— Наверху! — окликнула их Галя. Горька, зацепившись под коленками, свесился вниз:

— Что тебе, крошка моя?

— Волки в посёлок не пойдут, вы это учли?

— Учли, крошка. Волкам поручим барражировать за окраиной, чтобы поменьше сбежало. Итак, мы пришли к консенсусу?

Рядом с Горькой в такой же позе повис Сашка:

— Консенсус, — сказал он важно, — это сложное понятие, означающее добровольное согласие двух и более сторон при...

— А согласие, — добавил Горька, — есть соглашение, достигнутое, в свою очередь...

— Мыши летучие, — Галька щёлкнула Сашку в нос и туда же поцеловала Горьку.

— Шутки шутками, а вот пора бы и идти, — Сашка спрыгнул на ветку Димки и Люськи. — К рассвету как раз и доберёмся.

Посёлок для нападения был выбран совершенно произвольно — "методом тыка в карту". Дело было именно в факте нападения, а для Лесных Псов все другие разумные существа на планете были в той или иной степени врагами; если мьюри и заслуживали снисхождения, то не настолько, чтобы их вовсе не трогать...

...С рассветом Лесные Псы вошли в поля за посёлком. Лежала роса, пыль на дороге свернулась, дорога и сами поля были пустынно и тихи.

— А пшеница-то наша, — Дик выбросил в сторону руку. — "Велла год", англосаксонская. У нас на ферме такая была.

Сорванные ещё зелёные колоски пошли по рукам. Сорт был словно бы приветом из прошлого, когда такая пшеница колосилась вокруг земных ферм на этой планете. И почему-то у всех возникла неожиданная и горячая злость — не со складов ли их родных были утащены зёрна для посева после того, как джаго сожгли фермы?!

— Давайте-ка побыстрее, — поторопил Сашка, — а то сейчас эти начнут в поля выезжать.

— Так сегодня выходной, — лениво сказал Горька. — Не похоже, чтобы тут джаго их на работы гоняли. А сами они ленивые, как поросята.

Лесные Псы не особенно спешили, наслаждаясь отличной погодой, мыслями о близком лете, полем и тишиной. Они рассыпались по дороге, держа даже оружие расслабленно — обманчиво-расслабленно.

— Едут, — вскинул руку шагавший впереди Олмер. Лесные Псы мгновенно отступили влево-вправо и залегли.

Олмер услышал лишь стук колёс, а вскоре появился и сам экипаж — всё тот же традиционный экипаж мьюри, запряжённый парой кабаллокамелюсов и гружёный какими-то пустыми бидонами. Впереди сидел старик, сзади — мальчишка лет 13–14 по земному счёту, что-то жевавший. Оба мьюри даже не глядели по сторонам — дремали, и кабаллокамелюсы тащились кое-как, лишённые твёрдой хозяйской руки.

Лесные Псы пропустили повозку молча, какое-то время провожали взглядами, но потом заторопились — ясно было, что скоро движение на дороге станет ещё более оживлённым...

...Посёлок поднимался по склону холма — два параллельных ряда круглых домов под остроконечными крышами, мьюри их строили тут так же, как когда-то их предки строили свои дома на материнской планете, где такой стиль давно отошёл в прошлое ^[41] (1.). Над этой мирной, почти идиллической картиной, подали блеющим хором голоса выгоняемые на пастбище силваммоны. Довольно большое стадо пылило навстречу Лесным Псам, а там, где кончались поля, у околицы, стояла лёгкая машина с плазмомётом, и возле неё — трое джаго.

— Откуда ещё эти покойнички? — проворчал Сашка. — Вот ведь...

Издали донёсся волчий вой, подхваченный по периметру посёлка. Волки оповещали двуногих союзников о том, что заняли места.

Сашка поднял ружьё и выпустил ракету в машину.

— Аоу! Аоу! А-у-аааа! — завопил Горька, подражая волчьему вою. Рассыпавшись в цепь, Лесные Псы бросились вперёд. Наверное, у всех промелькнула тогда мысль, что, если в

посёлке стоит усиленный гарнизон, то всё может обернуться куда хуже, чем они предполагали — но отступить было уже поздно, да и ни к чему.

Джаго убило взрывом машины — Сашка попал, как почти всегда, удачно. Пастух — мальчишка лет на 14 земных — разинув рот и вытаращив глаза, смотрел на приближающихся Лесных Псов, потом с воплем шарахнулся куда-то в сторону — на него никто и не посмотрел. Стадо тоже метнулось в разные стороны, лишь крупный самец грозно нагнув рогатую голову; Горька убил его, как тореадор быка — точным ударом кинжала, стремительным движением всего тела, ни единым мускулом лишний раз не дрогнув.

Он достаточно хорошо знал мьюри — сейчас они по всему посёлку кое-как выкарабкивались наружу, продирая глаза, чтобы неспешно разобраться, что там к чему и что за непонятный шум? Когда до них дойдёт, что на посёлок напали — они начнут разбегаться. И пусть бегут. Их меньше погибнет, потому что оставшихся в посёлке и попавших под горячую руку никто не собирался убивать специально — и никто не собирался жалеть.

Горька помнил мьюри, сколько себя. Рядом с их посёлком было несколько посёлков мьюри, земляне постоянно общались с первопоселенцами планеты, а дети двух рас часто играли вместе. И Горька не мог простить мьюри **несопротивления** появившимся джаго. Того, что многие из них бежали вместе с землянами — и из-за этого не все земляне смогли убежать, не вышвыривать же было из транспорта чужих женщин и детей! — а большинство просто попрятались, даже не пытаясь помочь тем, кто прикрывал эвакуацию.

Горька был несправедлив, он судил по своим воспоминаниям, отрывочным и очень маленьким воспоминаниям смертельно напуганного семилетнего ребёнка. Но иных воспоминаний — а значит, и иных суждений — у Белкина не было и не могло быть...

...Усиленного гарнизона в посёлке не было, это выяснилось быстро. И все потери нападавших свелись к тому, что Дик наступил с размаху на какую-то доску и гвоздём пробил себе ногу. Это выяснилось уже когда все собрались на другой стороне посёлка, оставив позади себя множество пожаров и растерянно-испуганный шум. Дик прихрамал последним, с виноватой улыбкой.

— Тебе сапоги что — железом подбивать? — ворчала Машка, бинтуя Дику ногу и на самом деле кидая на него сочувственные взгляды. — Как теперь пойдёшь?! Ну вот как?!

— На волке поедет! — засмеялся Олмер. — Вон они собрались!

В самом деле, стая уже виднелась на вершине холма, у подножья которого стояли Лесные Псы — но вниз не спускались, посматривая на пожары. Волки подвывали и даже скулили, явно призывая товарищей убираться поскорей из неприятного места.

Шутки шутками, а Дику в самом деле пришлось ехать на крупном самце. Машка шла рядом, придерживая парня, которого, впрочем, кажется, не слишком беспокоила рана, а больше увлекала странная поездка.

— А ведь это была не слишком умная идея, если честно, — на ходу откусывая от невесты где подхваченной трофейной ковриги, Горька нагнал Сашку. Отломил ему кусок: — На.

— Приятно видеть, что ты жуёшь не ветки, — съязвил Сашка, покосившись на друга. — Ты о чём?

— О нападении этом, — Горька передал ещё один кусок Гале. — Теперь нам, чего доброго, опять сядут на хвост.

— А у меня идея, — подала вдруг голос Нина. — Если и правда поднимется шум — почему нам не пересидеть его в соседнем посёлке? Какой тут ближе всего?

Как обычно Нина, заговорив, сказала умную вещь. С волками распрощались тут же — Галя растолковала, что к чему и они решили (и сообщили людям), что уйдёт в такую глушь, где их никто не найдёт никогда.

А Лесные Псы повернули к Фафине — соседнему посёлку.

- Где был родник — чернеет яма.
Трава зелёная измята...
Но в их глазах — тоски ни грамма.
Здесь не росли мои волчата.

Родник звенел, трава манила,
И сосны на откосе — строим!
И пела — пела, а не выла! —
Моя подруга под луною.

Здесь били огненные стрелы.
Могилы вырыла лопата.
Трава зелёная сгорела.
Здесь наши не живут волчата...

И месяц в пламя опрокинут.
И сосны превратились в уголь.
И, прежде чем наш лес покинуть,
Я схоронил свою подругу.

В чужих краях волкам не рады.
И жизнь была к нам очень строга.
И выросли мои волчата.
И привела домой дорога!..

...За всё, что нынче дробно-зыбко,
Чем жил, что я любил когда-то —
Со злой, весёлою улыбкой
Идут на смерть мои волчата... [\[42\]](#)

— вздохнув, Олмер ладонью прихлопнул струны гитары и огляделся.

Лесные Псы оккупировал заброшенный коллектор на окраине городка, в заброшенном ещё в незапамятные времена парке. Тут было пустынно — по ночам можно было даже погулять при луне, не опасаясь кого-то встретить. Они сидели тут уже третьи сутки и склонялись к мысли просидеть тут ещё столько же.

Налёт на посёлок вызвал у врага страшный шум. Во-первых, с военной точки зрения акция была совершенно бессмысленна. Во-вторых — предельно нахальна, так как и жители, и немногие уцелевшие из гарнизона, в один голос твердили, что нападавших было очень

мало. Ну и в третьих — виновников налёта так и не удалось найти.

Сашка, Горька и Галя отсутствовали — они играли наверху в городки (верх наглости!). Мирко и Дик (у него всё ещё болела нога) разговаривали про книжки. Димка повёл Люську в стереотеатр, Бранка отправилась в поселковую лавку. Машка и Нина занимались починкой одежды, пожжённой и порванной во время налёта. Стерео, городки, лавка — всё это были невинные удовольствия, которые Лесные Псы решили себе позволить, несмотря на их опасность.

Ну а Олмер предпочитал распевать, подыгрывая себе на найденной тут гитаре.

По коллектору когда-то проходили трубы коммуникаций. Сейчас они не работали, зато служили отличными лежанками и столами. Кроме того, коллектор до сих пор имел множество выходов в разные концы посёлка.

— Скучно, товарищи! — громко, с вызовом, наконец заявил Олмер. К нему никто даже не повернулся. — Я в лес обратно хочу. Тут буквально пахнет джагганскими сраками!

— Этим коллектором уже лет двадцать не пользуются, ничем тут не пахнет, — сообщила Машка. — Давай-ка куртку свою, она у тебя прогорела на плече.

— Между прочим, вы видели, что напялила Бранка? — фыркнула Нина. — Её примут за вышедшее погулять пугало!

— Кто тут меня хулит? — на лестнице появились ноги. Бранка в самом деле выглядела живописно — мьюрийская рубаха-лау с подкатанными рукавами, завязанная на животе (пришлось её так напялить, потому что рубаха была мала), серые широкие штаны и потрёпанные сандалии. К этому следовало добавить перепачканное лицо и лохматый чёрный парик. Но сетка в руках девушки была полна консервными банками. — Поллюбитесь, — она потрянула сеткой, спрыгивая на пол, — сплошные консервы, и все — калмского производства. Мясные я не брала... а дорогие! — она покачала головой.

— Ты что, за них платила?! — вытаращился Дик.

— Нет, конечно, но цены-то я посмотрела... — она сдёрнула парик и бросила его в угол. — Фух.

— Олмер прав, посёлок на нас плохо влияет, — Мирко как бы между делом протянул руку к банке с каким-то, судя по этикетке, компотом; Бранка аккуратно убрала банку и метко ткнула друга за палец. — Ввввай!

— Подожди, пока позовут, — невозмутимо заявила девушка. — Да и Димка с Люсей сейчас придут.

— Кто-нибудь, наших позовите, они там заигрались уже, — Машка встряхнула куртку. — Ну вот, готово. Держи, Олмер.

— Вот спасибо! — просиял немец. Подумал и спросил: — Можно тебя поцеловать?

— Поцелуйся с моим ножом, милый, — угрожающе заявил Дик, играя складником — так, что клинок не был виден над пальцами.

— Ты очень добрый, Дикки, приятель, — прочувствованно вздохнул Олмер.

Сверху спустились оживлённо болтающие городошники. Сашка выглядел гораздо веселей обычного. А почти следом за ними буквально ссыпались хохочущие Димка и Люська.

— Стерео, похоже, хорошее, — вскользь заметил Сашка. — Ну как культпоход?

Люська подавилась смехом и стала расшнуровывать сандалии.

— Ну про что, про что, не молчите, — нетерпеливо заёрзала Галя, — я ведь не была никогда...

— Сложный вопрос, — ответила Люська. — Дим, объясни.

— С удовольствием, — отозвался тот. — Там, значит, есть школа. Здешняя, на нашей планете, но у мьюри, конечно. Директор — ветеран войны, учителя делятся на три категории: хорошие, очень хорошие и один плохой. Педолог.

— Кто? — не понял Олмер. — Ой, то есть, этот... — немец покраснел.

— Да ну тебя! — отмахнулся Димка. — Нет. Педолог — это... — он задумался и обобщил бестрепетно: — В общем, плохой^[43]. Ну и всех старших учеников он там с толку сбивает. А один там, в старшем классе, вообще плохой. Пьёт спиртное, курит какую-то траву, в общественной работе не участвует... в общем, неприятный тип.

— И что? — заинтересовалась Бранка.

— И то. Ну, этот плохой учитель с тем плохим учеником близко сходятся на почве вольнодумства. А директор между тем устраивает в школу свою дочь, в старший класс как раз. И она вся в отца — честная и принципиальная, работающая, как не знаю, кто... и не знаю, где они таких мьюри видели... ну ладно. Вот. Она вступает в борьбу с плохим учителем и плохим учеником. А он в неё влюбляется.

— Учитель? — уточнил Сашка.

— Да иди ты! Ученик этот! А она в него. Там такая любовь — мне тоже захотелось. Поцелуи, песни по ночам...

Люська кашлянула сердито. Машка попросила:

— Не мешай, а? И что там дальше, Дим?

— Ну а дальше тот плохой ученик обнаруживает, что плохой учитель — агент.

— Чей? — ошарашенно спросил Горька. Его столь неожиданный кинематографический ход поразил.

— Наш, конечно, — пояснил Димка. — Он раскаивается...

— Агент? — опередил Олмер.

— Тьфу! Да ученик же! И с товарищами по классу и той девушкой раскрывает агента и берёт его живьём. А потом начинается война. С нами, естественно. И все парни из класса уходят на помощь джаго добровольцами, бить врага. Ну, нас, в смысле.

— Здорово, — вздохнул Сашка. — Аж завидно. А тут бегаешь по лесам, палишь — никакой романтики... Тоже сходить посмотреть, что ли?

— Ребят, — Горька вдруг оживился, — а почему бы нам не сходить в самом деле...

— ...в стерео? — удивился Дик. — Я за. Я не был никогда.

— Зачем в стерео? Если мы уж тут, в посёлке, так давайте плюнем им в душу! Обстреляем гарнизон...

— Лучше склады, — возразил Димка.

— Можно и склады тоже, — щедро согласился Горька. — Поделимся на две части и пойдём. Отличное развлечение на ночь. Заодно тряхнём это сонное царство. Саш?..

— А что Саш? — командир одним глазом косил на капающую сиропом дольку фрукта, которую держала увлёкшаяся болтовнёй с Бранкой Люська. Бросок, щелчок зубов — долька исчезла. — Я — за.

— Аоу! — восхищённо завопил Мирко. — Так чего сидим?! Собираемся, чтоб вас всех!

Глубокой ночью улицы посёлка были пустынные и даже затемнены. Короче говоря, для Лесных Псов были созданы идеальные условия, так как они отлично ориентировались (да и неплохо видели) в темноте.

Сашка, Мирко, Олмаер и Бранка двинулись к складам. Горька, Димка, Дик, Голя, Люська, Машка и Нина — к гарнизону. Встретиться уговорились на свалке за городом...

...Гарнизон — около сотни джагганской пехоты далеко не "первой свежести" — располагался в военном городке на окраине посёлка, не так уж далеко от парка. Бетонный забор был расшатан, побит и подкопан в связи с активным двусторонним сообщением посёлка и гарнизона. На проходной постоянно дежурил караул — точней, спал в помещении.

Впрочем, как раз обо всём этом Лесные Псы и не знали. Честно говоря, даже после долгих лет общения с джаго они не могли поверить в бестолковость этих существ, которым лень было даже регулярно смотреть на экраны сканеров в караулке — иначе, скорей всего, просто двинулись бы через проходную.

Дик и Люська залегли в поле напротив городка, приготовив пулемёты для прикрытия своих. Остальные перебежали к забору. Димка лёг в канаве на спину, уперев в землю приклад "тунора" для навесной стрельбы.

Но, стоило Горьке сунуться к облюбованной дыре под забором, как из неё зафыркал и захрипел джаго — парня отнесло в сторону раньше, чем он разобрал слова:

— Опаздываешь, надоело уже, вот, держи!

Навстречу ошалелому Горьке выехал ящик. Опять послышалось:

— Всё на месте, клянусь своим носом! Давай бутылки!

Бутылок у Горьки не было, но он не растерялся:

— Сейчас! Точно не надул?

— Странное что-то говоришь... Ведь договорились же давно. Скорей давай, мне спешить надо, а то палками не отделаюсь...

Горька уже различал джаго, стоящего на четвереньках по ту сторону дыры. Поэтому вместо бутылок он просунул "Глиммер" — и какое-то время переживал, пока зарезанный джаго перестанет булькать и дёргаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Шагу без товарообмена не ступишь, — усмехнулся Димка. — Ну и дальше-то что?

— Нин, обстреляешь штаб. Дим, бей по окнам казармы. А мы с Галькой и Машкой рванём энергетическую установку. Надеюсь, она и у них на жидком топливе, — раздавали приказы Горька. — Всё, пошли. Сигнал — три раза голосом вьюрка-кукушки.

Юноша и девушки стремительно и бесшумно проскользнули в дыру. Димка, подумав, вскрыл ящик — там были фальшвейеры.

— Спятели, чтоб им, — покачал он головой и устроился поудобней. Нина, найдя выступ в стене, встала на него и утвердилась прочней — чтобы стрелять поверх обреза...

...Энергоустановка — судя по запаху, старый добрый дизель — стояла рядом с казармой, возле вышки, от которой тянулась "колючка". На вышке за, кажется, мелкокалиберной пушкой, торчал часовой — едва ли не один на весь лагерь!

Под куртками Лесные Псы пронесли детонационный шнур — в достаточном количестве, чтобы крупно нагадить. Именно его сейчас и решено было использовать. Проникновение на территорию гарнизона оказалось лёгким до идиотизма — сколько раз происходили подобные вещи, и каждый раз, снова и снова, Лесным Псам чудились засада, подвох... Они не понимали, как **такая** бестолковость вообще возможна!

Под колючей проволокой проползли, вжимаясь в землю. В помещении дробно стучали механизмы, свет падал из двери, открытой настежь. И при этом ни единый прожектор не горит — как же, светомаскировка, вдруг появится земной монитор и ахнет из своих рельсовиков с орбиты прямиком по этому лагерю! — а тут нате, из паршивой двери свет вовсю. Всё логично, всё в духе джаго.

Горька перекинул в руки карабин. Машка подняла ко рту согнутую ладонь — и послышался сигнал.

Тут же Горька начал часто стрелять в тёмный силуэт на вышке, из него брызнули куски, часовой вскинул лапы и пропал.

Галька прыгнула внутрь, стреляя ещё в броске. Механик был убит сразу — выстрелы швырнули его на чуть подрагивающий корпус машины. Двое, неведь почему что-то евские тут же, вскочили, выпучивая глаза и давясь непрожёванным и полупроглоченным. Галька повернулась, треснули единым звуком два выстрела, выбивая джаго мозги на стену. Вбежавшая Машка на ходу разматывала шнур.

Над двором с визгом полетели гранаты "тунора" — вышибали окна, рвались внутри казармы. В их взрывах потонули щелчки винтовки Нины — она стреляла по окнам штаба, которые разом озарились светом, словно приглашали бить по себе.

— Готово! — сообщила Машка. Галька сунула запальный конец в огонь, на котором эти двое готовили то, что ели.

— Ходу!

Пригибаясь, они бросились через двор, но неожиданная очередь заставила их залечь. Били из подвального окна штаба — и у стреляющего явно был ночной прицел.

— Ссссс... — прошипел яростно Горька, снимая с пояса гранату. — Не доброшу... хотя... Галь, подача!

Сорвав кольцо, он подбросил гранату. Девушка перекатилась, взмахнула карабином, как битой в лапте — и граната угодила точно в окно полуподвала, тут же взорвавшись внутри. А через какие-то секунды троица уже протискивалась в дыру.

— Бегом! — не останавливаясь, скомандовал Горька. Они перебежали дорогу.

Из ворот начали вылетать ошалелые джаго — полураздетые, но всё-таки с оружием. Дик и Люська обрадованно открыли по ним огонь из пулемётов, прикрывая отход друзей...

...Группе Сашки здорово помешал какой-то пьяный немолодой мьюри. Он ничуть не удивился появлению на улице странно одетой и вооружённой четвёрки, зато воспытал нежной любовью к Бранке и тащился следом, высказывая длинные и цветистые объяснения в любви. Мирко это, к возмущению Бранки, смешило, а сама девчонка, в конце концов осатанев, развернулась, припёрла дыхатели к стене и прошипела ему в лицо по-русски:

— Если ты сей же секунд от меня не отвалишь, я тебе оторву твоё достоинство и засуну тебе же в рот, понял?! Я на работе! Я мир спасаю!

Пьяница молча исчез куда-то, едва его отпустили.

— Ну... — Мирко развёл руками.

— А что ещё девушке делать, если её парень от пьяни её защитить не может?! —

разъярённо спросила Бранка.

— Могла бы просто прирезать его, а не ругаться, — возразил Мирко, а Олмер замурлыкал древнее и полупонятное:

— По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла —
Ах, зачем я на свет появился,
Ах зачем меня мать родила?!

— Нам на мученье, — проворчал Сашка. — Шевели хвостами, креветки консервированные!..

...Склады располагались вдоль монорельса, сразу за основными путями. Охрана была поставлена на редкость отвратительно, хотя на складах хранилось огромное количество топлива, запасённого на случай — точнее, теперь уже конкретно для — боевых действий на планете. Запасали его уже довольно давно и около двух тысяч тонн разворовали.

Обойдя закрытый вокзал, Лесные Псы пошагали через пути. В темноте они казались одетыми вполне обычно, и с обогнавшей их ремонтной платформы окликнули:

— Вы что, с третьей смены?

— Ага, — откликнулся Мирко.

— Ну я тебе говорил... — сказал окликавший ещё кому-то. — А что там Фату, всё ещё на месте?

— Ушёл, — буркнул Мирко, не чая прекратить дурацкий разговор.

— Как ушёл?! — платформа резко встала. Сашка про себя обложил Мирко старинной руганью. — Куда ушёл?! Он хоть сказал?!

— Сказал — личные дела.

На этот раз Мирко попал. На платформе засмеялись, что-то кто-то сказал неразборчиво, снова смех... и уже вполне дружелюбный вопрос:

— Вы к складам?

— Нет, по домам, — Мирко сообразил, что им могут предложить подъехать, а тогда и слепому станет ясно, что они такие же мьюри, как рельс под ногами — ручей. — Какие там новости — ну, сверху?

— Да бормочут что-то, а так — плохо, кажется. Или хорошо, тут уж как думать, — снова хохоток — и: — Ну, давайте. Фату привет.

— Угу, — буркнул Мирко, мучительно гадая про себя, кто такой этот Фату?

Платформа с посвистыванием пошла дальше. Лесные Псы проводили её грустными глазами. Им почему-то вдруг стало завидно — мьюри жили нормальной обычной жизнью, а они... хотя — какого ещё?! Нормален и обычен был как раз мир, отнятый у них!

— А тут по ночам довольно активная жизнь, — Олмер едва не упал, отшагнув от прошедшего мимо с гулом и присвистом локомотива. Из кабины его буднично обругали, он тихо прошипел немецкое ругательство. Сашка вздохнул:

— Вот скажи, откуда ты немецких ругательств набрался? Мы же тебя честно этому не учили...

— Генетическая память, — отрезал Олмер. — Ноги того гляди переломаете... Мирко, ты эти локомотивы водить умеешь?

— Я их только на картинках пару раз видел, — ответил Мирко.

— Стой, куда? — лениво окликнули спереди. — Поворачивай, запретная зона!

— Занеслооооо... — нарочито громко и досадливо протянул Мирко. — А всё ты, Фату, — он вспомнил имя. — Я ж тебе говорил!

— Ну кто знал-то? — седьмой путь и седьмой путь, — импровизировал Сашка смущённо.

— Фату?! — окликнул охранник. — Ты, что ли?! Не узнать...

— Этот Фату кажется, очень известная личность тут, — пробормотал Мирко, а Сашка ответил:

— Да... Ты чего там бормочешь-то, посветил бы! Это разве не седьмой?!

— Да говорю тебе — склады! — засмеялся охранник. — Седьмой вы прошли давно; ну ты даёшь! А кто там с тобой?!

— Молодёжь. Хозяйство показываю.

— Ночью-то?! Стой на месте, сейчас подойду, посвечу, а то вы так до леса дошагаете.

Послышали шаги, чмоканье магнитного запора, снова шаги...

— Фа... а... кто это?! Вы к...

Смутно сверкнув в ночи, меч Сашки наискось полоснул по горлу охранника. Тот повалился боком на рельс — с тихим булькающим сипом.

— Сигнализацию отключил, дурак, — сообщил Олмер со смешком.

— Ну, это даже не интересно! — оскорбилась Бранка...

...До самых барачков их никто не останавливал. Но тут возникло абсолютно непреодолимое без большого шума препятствие. Бараки, построенные ещё до войны, были сложены из каменных блоков по старинной технологии, двери — из деревянных плах, но пропитанных смолой, толщиной в руку, на бронзовых петлях, засовы — металлические кованые шпалы, замки — пудовые трубы с механизмом внутри... Короче говоря, ничего похожего на временные постройки — бараки оказались бы трудной целью даже для современных орудий. Лесные Псы оказались в положении лисы у винограда.

— Теперь я понимаю, откуда у них развилась такая безалаберность, — не выдержав, зло сказал Мирко. — Если они так строили, то им и охрана никакая не нужна. Подрыть, что ли?!

Но фундамент был заложен в четыре слоя тех же каменных блоков. Рвать двери — значило, привлечь внимание раньше времени. Ждать — так когда Горька начнёт заваруху, то всё равно придётся сразу бежать и не оглядываться...

И вдруг Бранка засмеялась. Она хохотала, буквально качаясь от смеха.

— Что случилось? — недовольно спросил Мирко.

— А ничего особенного... — она фыркнула. — Вон, смотрите, сбоку от двери. Ключ висит.

* * *

Однако, эта ночь была не слишком удачной. На пустыре собрались не все. Очень долго

не было Люськи и Диа, прикрывавших отход группы Горьки. Сам Горька не находил себе места; все прислушивались к взрывам и шуму в посёлке, вглядывались в мечущееся зарево пожаров — топливо полыхало всюю. Димка и Машка порывались бежать на выручку — и, когда Сашка уже не мог их удерживать, от окраины пустыря появилась девичья фигурка. Девушка шла, опираясь на пулемёт — почти наваливаясь на него всею своей тяжестью.

Димка молнией метнулся навстречу — только волосы взлетели над плечами, как огненный плащ. Плачущая от злости и слабости Люська упала ему на руки; она была ранена осколками в правые бедро и щиколотку.

— Дик, — простонала она. — Граната разорвалась между нами... он... в плену.

Машка вскрикнула, смертельно побледнев. Галя прижала её к себе. Горька сквозь зубы втянул воздух:

— Моя вина...

— Перестань, — отрезал Сашка, — ты не можешь сразу за всем и всеми уследить. Чтс будем делать?

Это он спросил уже у всех. Мирко отозвался тут же:

— Дика у них оставлять нельзя!

— Нельзя, — согласился Сашка. — Вот и давайте думать, как выручить его!

* * *

Когда в дверях камеры загремели ключи, Дик стоял возле окна. Не у самого окна, а чуть наискось — ему не хотелось, чтобы снаружи кто-то увидел, с каким напряжённым вниманием он рассматривает сколачиваемую для него виселицу.

Взрыв гранаты его оглушил, и мальчишка попал в плен без сознания. Это чуть не свело его с ума, он собирался разбить себе голову о стену камеры, но потом решил, что стоит пожить ещё немного и отколоть перед смертью хотя бы одну шуточку. На выручку он не особо рассчитывал — на перекрёсток с виселицей соберётся тьма народу, к помосту не удастся пробиться. Помочь друзья смогут разве что пошлав ему пулю, чтобы не дрыгаться в петле. С другой стороны — хорошо, что вопрос с казнью, очевидно, решали не джаго. Они виселицей не обошлись бы.

"Дурацкая канитель, — Дик прикоснулся скованными руками к голове — она болела. — Могли бы просто пристрелить меня на улице, и всё." Но тут же он сообразил, что публичная казнь имеет свой смысл — показать всем, что налёт совершён вовсе не призраками и не духами, а обычными живыми существами... Он зажмурился — в окно подул ветерок. Но ветерок вонял горелым деревом и химической жжёнойкой, и Дик плюнул на пол.

Когда дверь открылась, он не повернулся — его заставили развернуться лишь слова, сказанные холодным тоном, который не оставлял сомнений в расовой принадлежности говорящего:

— Это не он.

Вот тут-то Дик развернулся очень быстро — но говорившего сторка не увидел, внутрь уже входили караульные. Мальчишка заметил, что на него глядят с опаской. Солдаты не снимали рук с оружия.

— Выходи быстро, — немного нервно командовал один из них.

— Я спляшу сегодня, а вы чуть позже — и намного веселей, — осклабился Дик и получил удар кулаком в зубы, после чего сообщил: — У нас, англосаксов, за такой удар снимают очки.

Его просто молча толкнули к выходу...

...А снаружи стояло великолепное летнее утро. Настолько хорошее, что Дик безотчётно улыбнулся, подняв голову к небу и не обращая внимания на поднявшийся вокруг шум. Собравшиеся с большим удовольствием разорвали бы мальчишку на части, и то, как он держался, ещё больше усиливало это желание. Дик глубоко вдохнул воздух — и понял, что ветер переменялся. Теперь он дул с поросших лесом холмов, нависавших над окраинами посёлка. Дик посмотрел туда. Где-то там его друзья... и они отомстят. Они непременно отомстят! И эта мысль вдруг наполнила Дика совершенно неуместным ликующим чувством — таким могучим, что мальчишка звонко запел на родном языке первое, что пришло на ум — и очень кстати пришедшееся:

— Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждёт петля
И гладкие столбы!

Так весело,
Отчаянно
Шёл к виселице он!
В последний час
В последний пляс
Пустился МакФерсон!

Дика ударили прикладом в спину. Он удержался на ногах, перевёл дыхание, сглотнул и запел снова — его голос нёсся над невольно притихшей толпой:

— Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех!
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех! —

он пел этот куплет, глядя на лес, и последние остатки страха и неуверенности исчезали, словно грязь, смытая чистым дождём. Дик был полностью уверен в себе и пел последний куплет, легко поднимаясь по свежим ступенькам эшафота:

— Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть!

Но жалок тот, кто смерти ждёт,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шёл к виселице он!
В последний час
В последний пляс
Пустился МакФерсон!^[44]

Палач — перепуганный молодой мьюри в неладно сидящей военной форме — испуганно шмыгая носом и моргая, на вытянутых руках протянул мешок. Дик представил сухой, душный запах, серую полутьму... передёрнулся в отвращении и бросил презрительно:
— Пошёл вон, кретин.

Он встал под петлёй, но её не надел. И на толпу не глядел — смотрел по-прежнему вдаль, вперёд. Сейчас ему вспоминался лес, мягкая, шуршащая подстилка папоротника, шум ветра в древесных кронах — и лицо Маши, красивое и спокойное. Как они жили... как жили!
— Маш, прощай, — тихонько сказал он по-русски и улыбнулся.

Шею охватила петля. Странно, но от неё пахло приятно... это был запах туалетного мыла, схватили первое попавшееся, видимо.

— Жаль, что вы сапоги с меня уже успели стащить, — язвительно сказал он вздрогнувшему палачу. — Да... всё равно не ваш фасон. А вот о чём жалею — так это что мало перебил вас... и особенно ваших хозяев... — увидев, что мьюри взялся за рычаг сбоку от виселицы, Дик закричал, спеша: — Будьте прокляты! Земля...

...Грохнуло. Под ногами стало пусто. Какой-то раскатистый треск — и полёт... полёт, удар. Смерть? Что? Темнота, свет, руки, лица, смех... Смерть?! Что?!

— Дик, Дик, дорогой, любимый мой!

— Скорей, скорей отсюда, они сейчас опомнятся!

Боги, подумал Дик и потерял сознание.

* * *

Естественно, Лесным Псам и в голову не могло прийти оставить друга в беде. Озлобленные мьюри, решившие вздёрнуть пленного землянина наутро, действовали очень оперативно. Но Лесные Псы — **бешено** оперативно. Первоначально прорабатывался вариант налёта — и стало ясно, что в этом случае многие, а то и все, погибнут... Но тут, к счастью, Мирко, следивший за гарнизонной тюрьмой, примчался в коллектор полумёртвый от скорости бега и волнения — и сообщил, что эшафот начали строить... **над люком канализации!**

Легко пробравшись в местную администрацию, Машка и Олмер украли схему с

изображением канализационной сети. Бранка засела на крыше дома напротив гарнизона — со своей неразлучной снайперкой. К четырём утра Горька прикрывал Бранку, сидя в одном из садов, а Машка, Сашка и Мирко сидели в коридоре под открытым люком. Остальные ждали в коллекторе в парке.

Когда люк распахнулся, Бранка пересекла натянувшуюся верёвку пульей. Естественно, никто не ожидал, что Дик грохнется точно в люк — это было уже счастливой случайностью. Да и выстрела Бранки никто не слышал толком, потому что как раз в это время Горька открыл огонь наудачу — это оказалось тем более неожиданно, что все сады и дома вокруг проверяли (Горька в это время сидел в кроне яблони и грыз скороспелку) Бранка преспокойно ушла с крыши задворками и переулками. Горка, расстреляв не меньше дюжины магазинов (и при этом перемещаясь по садам и задворкам), воспользовался стоявшим в одном из дворов гражданским трициклом — проломил заборчик и "сорвался" от погони...

...Потом Лесные Псы покинули коллектор. До полудня они добрались к своему складу, нагрузив себя и волков боеприпасами — и к вечеру были уже в полусотне километров от Фафине, недалеко от лесной деревушки Леве, в полнейшей глуши, предоставив врагу обыскивать леса и исходить бессильной злобой и непониманием...

Лагерь Лесных Псов был разбит на лесном холме на берегу тёмного зелёного озера, к которому можно было пробраться лишь "за хвостом волка". Ну а уж если Лесные Псы не могли сами найти троп, полагаясь на помощь волков — то куда там врагам!

На этот раз они не разжигали костра и не вели разговоров. Бросив вещмешки и рюкзаки на траву и прислонившись к ним спинами, откинув головы, разбросав ноги, смотрели они в небо над озером. И волки, лёжа рядом с людьми, смотрели в небо тоже. А потом поднялись и начали уходить — к своим далёким логовам, подругам, подрастающим волчатам... Они исполнили свой долг перед друзьями и уходили отдохнуть, чтобы в любой момент вернуться на зов...

А Лесные Псы остались сидеть, замороженно глядя в небо. Они снова победили, а небо — небо ничуть не изменилось, и половинка Неразлучного висела в небе... Хотелось прости сидеть и сидеть...

— Давайте всё-таки разведём костёр, — наконец пошевелился Горька. Но Сашка, поднявшись, покачал головой.

Он стоял, опустив руки и вскинув голову — рослый, поджарый, уже почти взрослый человек, выросший и возмужавший на войне. Его поза, его одежда, его молчание — во всём это было... было что-то эпическое, иначе не скажешь.

— Вспомним наших погибших, — сказал он, поднимая руку. — Давайте вспомним тех, кто шёл с нами от начала и не дойдёт до конца никогда — но навсегда останется с нами, в наших сердцах. Победим мы — победят и они. Умрём — и они умрут с нами навсегда. Мы многое и многих потерял — но, думаю, все согласятся, что больней всего для нас было терять тех, кто вырос рядом с нами и сражался рядом с нами — и пусть простят нас наши старшие, что мы не их вспоминаем сегодня... Ну? Кто начнёт, Лесные Псы?

На какое-то время снова стало тихо. Сейчас все и правда вспоминали — вспоминали тех, кто остался на дорогах войны за прошедшие годы.

Наконец поднялся Мирко. Сверкнул нож — и с ладони юноши упали несколько капель крови. Протягивая руку к друзьям, он заговорил с отчётливо уловимой нежностью:

— Я хочу говорить о Ларе — да и кому говорить о сестре, как не брату? Она была верной, честной и смелой, какой и должна быть русская, какой должна быть девчонка Земли. Разве оставила она друга в беде, когда пришла смерть?

— Тогда надо говорить и о её друге, — поднялся Дик, проведя по ладони ножом. — Тони Роклифф был достоин своей подруги. Разве он не пал, прикрывая наш отход? Пал, как мужчина и как воин, хотя был младше почти всех нас — сейчас! Аоу!

— Они были хорошей парой, — снова сказал Мирко, — достойной друг друга и народов, к которым принадлежали по крови... Он погиб, защищая друзей. Она погибла, вернувшись к телу уже мёртвого друга и защищая его! Аоу!

— Помните тот декабрь, — раздался звонкий голос Олмера. С его ладони, рубиновое сверкнув, упали и повисли на траве капли крови, — когда деревья лопались от мороза?! Это была самая страшная зима — помните, как мы мёрзли, как нам нечего было есть?! Помните, как трудно было просто подняться на ноги?! Они ушли в мороз — Борька Усков и Мэгги Холлин! Они не вернулись... а потом мы нашли их рядом с тушей оленя, которую они

волокли к нам в лагерь... и не дотащили. Умерли, стараясь спасти нас... Аоу!

— Сказав о Борьке, нужно сказать и о его сестре, — встала, уколов ладонь, Машка. — Я не знала другой такой девчонки, как Светлана! Она была доброй, она была отзывчивой, всегда готовой помочь. Мне ли не знать, почему холод той зимы забрал и её?! Я была ранена тогда, и она, старшая, отдавала мне свою пищу, чтобы я выжила. И я выжила, а она — замёрзла, просто не проснулась однажды утром, потому что у неё не стало сил противиться холоду... Аоу!

— О Сиге Сюне скажу я, — поднялся Горька, и его "Глиссер" сверкнул, разрезая ладонь. — В конце концов, я знаю его лучше всех прочих... и я говорю "знаю", потому что для меня он не мёртв и сейчас. Он хотел стать военным и больше всех нас верил в то, что Земля победит; его вера сбылась, и погиб он, как военный. Вы знаете, как он был ранен в бою. Знаете, что отстреливался, пока его не обошли. И он ничего не сказал. Скажи он хоть слово — сидели бы мы сейчас здесь? Нет. "Сумел молчать в руках врага!" — какое ещё надгробие нужно солдату и мужчине? Аоу!

— Кто скажем о Мэсси? — спросил Сашка. — Дим, ты? Она была твоей девушкой. Ты, Люсь? Она была твоей лучшей подругой.

— Скажу я, — встал Димка, — и пусть не держит на меня зла Люська... Я не стану говорить сейчас о девушке Мэсси. Я скажу о Мэсси-бойце! Тот бой помнят все. Мы отрезали преследовавший нас отряд врага. Лихой был бой, но нас было мало, и они уже почти вырвались и з ловушки — помните? Кто тогда под огнём перебежал поляну? Кто взорвал скалу, похоронившую под собой этих обезьян? Мэсси Роуз, дочь и кровь Англии! Мы нашли её — помните? — мёртвую, пробитую пятью пулями. Мы похоронили её с автоматом в руке. Аоу!

— Тогда я скажу о Ромке Коржевом, — встала, резко взмахнув ножом, Люська. — Он был тихим. Слишком тихим для парня. Я любила его и смеялась над ним, а он только улыбался мне. Но он был — помните?! — лучшим снайпером отряда. Помните его винтовку и триста сорок семь белых чёрточек на прикладе? Триста сорок восьмой стал последним... Да и не было тогда у Ромки винтовки — нож в руке, двести кило трусливого расщипанного мяса напротив и моя вывихнутая нога позади... Он умер. И победил. Аоу!

— Осталась Аня Салькова, — негромко подал голос Горька, — но кто о ней скажет лучше Сашки?

Сашка дёрнулся, словно через него пропустили ток. Обвёл всех расширившимися глазами; губы юноши дрогнули, будто он и правда хотел что-то сказать, но не смог... или не захотел. Он покачал головой и запустил пальцы в волосы, прикрыв глаза.

И молчал... молчал... молчал...

...Девушка в балахонистой туристской куртке, старой, много раз перешитой, вышла из теней внизу холма и легко поднялась наверх. Беззвучно прошла между сидящими и приблизилась, улыбаясь, к Сашке. Гибким, естественным движением, как было это сотни раз, положила ладони на его плечи, откинула голову назад и легонько, нежно дунула на нос друга.

Единственная...

...Сашка убрал ладони от лица. Все смотрели на него — молча и сочувственно. Ему сейчас очень хотелось плакать. **Очень** хотелось плакать и, чтобы всё-таки сдержаться, он хрипло сказал:

— Аня... говорить о ней...

...Он знал её очень и очень давно, всю жизнь, всю жизнь, а последние два года до её смерти — она была для него всем. Семейей, домом, другом, покоем. Смешно — он мог спешить к ней под какую-нибудь коряжину, как домой. Она создавала его мир. Мир, где мира быть не могло, но...

И потерять её... это было трудно объяснить. Сашка до сих пор просыпался по ночам от острого, беспощадного чувства тоски и пустоты.

Что он мог сказать? Он поднял ладонь и, проведя по ней ножом, сказал негромко:

— Аоу.

Горька, протянув руку, положил её на плечо другу. С другой стороны на плечо Сашки легла рука Люськи. Секунда — и Лесные Псы уже стояли в круг, склонив головы, и Олмер подняв бледное лицо, голосом ясным до стеклянного звона запел:

— Встанет к плечу плечо,
Ляжет на спуск рука,
Если с тобой друзья —
Ноша невелика.

Ноша из чёрных дней,
Ноша из злых побед,
Долгой военной тропой
Стая идёт след в след.

Свет — далеко впереди.
Пули и кровь вокруг.
В страшном, долгом пути
Рядом с тобою друг!

И остальные подхватили разом:

— Друг — как тепло костра в зимней морозной мгле,
Друг — это вера в ночи, что возвратится день,
Друг — это просто совсем, всего важней на земле,
Друг — это ты и я, вместе шагнувшие в тень...

Лулани качала воду ручным насосом — подача в дома не работала уже несколько дней — когда вбежала мать. Отец обернулся от умывальника и застыл в изумлении, да и девушка не узнавала матери — та была взволнована и видно, что бежала долго.

— Что случилось? — сразу спросил отец, подобравшись. Женщина замотала головой, переводя дух, потом выпалил разом:

— Лесного Пса поймали!..

...Сельцо Фахоту никогда ничем особо значительным не являлось. Стояло с незапамятных времён — чуть ли не с первых лет после переселения на эту планету — на лесной реке, до ближайших соседей по дороге через болота было дня два пешком или часа полтора езды. Джаго тут появлялись редко, земляне в то недолгое время, когда владели планетой — не появлялись вообще.

Какое-то значение Фахоту приобрело год назад, когда неподалёку был построен аэродром для приёма гигантских орбитальных планетолётов и транспортных атмосферных машин, а в самом Фахоту встал гарнизон. Зачем и почему решено было, что лесное селение так важно для обороны — никто из мастных жителей особо не вникал, как никто и не думал, что их "малой родины" может коснуться война и сейчас они фактически превращены в мишень.

Но недавно в эти места внезапно пришли с востока земляне. А впереди них катились самые жуткие и нелепые слухи — которым верили именно в силу этой нелепости. Землян никто не представлял себе толком, потому-то говорить о них можно было всё, что угодно — и говорили, что они полужвери, что питаются человеческим мясом, что они — братья волков и сами почти волки, что их забросили из космоса, чтобы мстить за убитых во время эвакуации... Леса стреляли каждый день. Лесные Псы уходили из всех ловушек, заставляя преследователей снова и снова платить трупами за каждую попытку захвата.

И вот — одного поймали!..

... - На площадь привели. Утром зашёл он в крайний дом — воды попить. Так его за стол усадили, а сами послали в гарнизон. Его и скрутили прямо за столом. А потом на площадь повели. Ведут и бьют, ведут и бьют.... - женщина неожиданно всхлипнула.

— Что ещё за новости?! — отец поднял брови. Ответом ему был вздох:

— Жалко же... Он мальчик совсем. А они его ведут и бьют, упадёт — бьют...

— А как ещё с врагом... — начал отец, но прервал сам себя: — Ты куда?!

...Естественно, Лулани не могла не посмотреть на Лесного Пса. Сердце у неё замирало, когда она вместе с множеством других людей старалась разглядеть на площади — кто там, в стоящей на невысоком помосте, клетке? Она готова была увидеть в самом деле лишь отдалённо напоминающее человека чудище. Проталкиваясь ближе, краем уха девушка ловила обрывки реплик:

— ...пятерых убил...

— ...пятнадцать, светом клянусь, и ещё одного загрыз...

— Ох, да как?!

— А вот так, зубами за глотку — и...

...Он уведёт её в мир, из которого пришёл — странный, свободный, без страхов, где громко смеются, верно дружат, где нет боязни этих монстров-джаго, где живут любовь и вера в лучшее... Раньше она никогда не видела землян вживе. Ни разу.

Теперь — увидела. И более ей ничего не было нужно.

Часовой оставался один, и он бессовестно спал. Впрочем, в центре селения можно было не опасаться внезапности — не опасаться, пожалуй, даже танковой атаки.

Лулани разувшись, перебежала от крайних домов к клетке. Землянин то ли спал, то ли просто так сидел — скрестив руки на коленях и опустив на них голову. Но — тут же поднял её, хотя девушка шла совершенно бесшумно. В глазах сверкнули огоньки, ноздри расширились, и это движение было таким нелюдским, что остатки рассудка шепнули замершей Лулани: "Убегай, ты что?!"

Не убежала...

— Что тебе нужно, волк? — спросила она, приближаясь к решётке. Слово "волк" она произнесла по-русски — оно, это слово, появилось на планете вместе с волками, которых привезли с собой земляне.

— Ничего, — послышался приглушённо-звонкий голос на родном языке Лулани — землянин говорил почтит без акцента и не подбирая слов, легко. — Это ты пришла, а не я тебя звал. И я не волк, я — человек... — и добавил на совсем непонятном языке: — Du woher, das Wunder?^[45]

— Ты колдун?

Мальчик негромко засмеялся. Отстранившись чуть, задумчиво заговорил:

— Одета не как дикарка... обычная девушка, а разную ерунду говоришь.

— Волосы... у тебя на штанах... они...

— Нет, — хмуро ответил мальчик, угадав вопрос замявшейся девушки. — Это куски шкур зверей. Эти звери растерзали мою семью и лишили меня дома. А теперь такие же схватили меня — и я жалею, что очень мало их убил.

— Тебя тоже убьют... скоро...

— Не убьют скоро, — скривил губы мальчик. — Увезут в штаб, а потом... потом да, убьют. Но ещё не скоро, нет.

— Разве тебе не страшно? — девушка взялась за прутья.

— Страшно? — с искренним изумлением посмотрел на неё землянин. Медленно ответил: — Не знаю... я бы, конечно, предпочёл жить... но... нет, мне не страшно.

— А как тебя зовут?

— Олмер.

Лулани увидела совсем близко избитое, в засохшей крови, лицо — но под этой маской различалось совсем другое, красивое и чистое. Она хотела отстраниться, но Олмер спросил:

— А тебя?

— Лулани...

— Лу-ла-ни, — сказал нараспев землянин. — Du in Wirklichkeit das sehr schЖне МДdchen... Sehr-sehr schЖn. Ich weiß, dass du mich nicht verstehst, selbst wenn du der Russen weißt. Doch die Dummheit... Dich vor dem Tod zu begegnen! Ich so wollte dich wieder und wieder sehen...^[46]

— Я не понимаю, — тихонько засмеялась неволью девушка.

— Я знаю, — мальчик в клетке тоже засмеялся тихонько. — Да и не сказал бы я этого в

глаза... но вот это, я думаю, ты поймёшь, — он приблизил своё лицо к прутьям и заговорил:

— Прекрасная дама минувшего в бездну столетья...
На Вашем портрете вы смелы, красивы, юны.
На этот портрет чуть не вечно способен смотреть я,
О Вас мои мысли, мечтания, вздохи и сны.
И мне безразлично, и мне все равно отчего-то,
Какая ждала Вас судьба, где Вы кончили век —
Ведь Вы для меня уже больше, чем кто-то иль что-то,
Уже не портрет, но и все-таки не человек.

Вы — ангел вчерашнего дня, Вы — улыбка на счастье,
И взгляд Ваш с холста меня попросту сводит с ума.
Смотрю я на Вас, понимая, что вдруг, в одночасье
Умру я, умру, и меня заберёт к себе тьма,
Ведь с Вами, я знаю, вовеки мне не повстречаться —
Вы жили давно, и ушли, как уходят года...
Я Вашей красой бесконечно могу восхищаться,
Я Вами навек околдован, пленён навсегда.

Молюсь я на Вас, как когда-то молился на Бога:
Придите кто мне, ненадолго, хотя бы во сне!
Побудьте со мною! Не надо особенно много,
Хотя б мимолётом, но все-таки — наедине.
Откройте же мне, наконец, своё милое имя,
Смеясь, похвалите ночного певца-соловья...
Ведь мы теперь стали друг другу совсем не чужими —
Прекрасная дама далёкого века — и я... [\[47\]](#)

... - Чьи это стихи? — спросила девушка, когда землянин умолк.

— Мои, — улыбнулся Олмер. — Я умею складывать их и на вашем языке.

— И ты давно их... сложил?

— Я смотрел на тебя и говорил...

...Когда два человека тянутся друг к другу, то решётка — не преграда. Несколько минут спустя Олмер задыхающимся голосом сказал:

— Больно губам... По крайней мере, я нашёл в аду кусочек рая и унесу его с собой — до той черты, за которую не унесёшь уже ничего...

— Я не хочу, чтобы ты умирал. Может быть, тебя выручат твои друзья?

— Ты что, желаешь неудачи своим соотечественникам?!

— Я хочу, чтобы ты жил.

— Едва ли выручат. Едва ли успеют, то есть. Они даже не знают, где я. Я дурак...

— А если бы знали? — осторожно спросила Лулани. — Они бы пришли? Тут ведь

много джаго...

— Это всё равно. Они бы пришли, — в голос землянина прозвучала спокойная убеждённость. — Или погибли бы — или спасли бы меня. Но это пустой разговор...

— Я могу их найти и предупредить. И всё им рассказать.

Вот и всё.

Путь назад был отрезан.

Лулани увидела, как расширились глаза землянина.

— Ты?!

— Боишься, что я предам?

Олмер быстрым движением встал на колени и нагнулся:

— Нет, ты не предашь, **я вижу**... Ты в самом деле **хочешь** мне помочь?

Лулани кивнула. Олмер провёл рукой по лбу:

— Хорошо. Тебе придётся идти в лес. В лес — далеко. Три километра... в общем, где-то с полчаса по тропинке — там будет дуб, расколотый молнией. И кусты. Густой терновник. Если посмотришь в расщеп дуба — увидишь там тропку, в терновнике, иначе её трудно заметить. Иди по ней до большой поляны, это ещё часа... часа два. Если там никого не будет — просто жди. Придут волки...

— Волки?! — Лулани отшатнулась. — Это... так это **правда**?!

— Да, мы друзья и боевые товарищи волков. Но тебя они не тронут... вот! — Олмер оторвал кусок с низа штанов. — Они почуют запах. Главное — не бойся, и волки проводят тебя или к Сашке, или к Горьке. Говори только с ними... Сашка рыжий, волосы собраны так... ну... в хвост такой. Он ещё меч носит. Да и Горьку сразу узнаешь — у него повязка из оленьей кожи на голове. И ещё раз говорю — не бойся. Не смей бояться. Никогда. И ничего.

Рассвет застал Лулани уже недалеко от поляны. Она боялась до дрожи, до стука зубов, который казался ей единственным звуком в просыпающемся лесу. Девушка тихо всхлипывала, шёпотом обращалась к древним духам предков, о которых и знала-то лишь из истории, хотела даже повернуть назад — не раз и не два.

И всё-таки шла вперёд.

"Не смей бояться. Никогда. И ничего."

Она видела перед собой огоньки серых глаз — похожих на глаза зверя, и в то же время — более человеческих, чем все, когда-либо виденные ею в жизни.

Лулани вырвалась на поляну бегом — и в ужасе застыла. Три огромных волка лежали в траве в свободных, вольных позах хозяев леса. На туше только что убитого оленя, исходящей кровавым паром, расставив ноги, сидел рослый русоволосый парень в головной повязке из оленьей шкуры. Ножом он отрезал куски парного мяса — некоторые бросал волкам, некоторые съедал сам, надпарывая их ножом и отрывая волокна крепкими зубами, некоторые бросал красивой рыжей девушке — одетая в одни брюки, она лежала в тени дерева, беспечно покачивая в воздухе ногой. Часть кусков она складывала в потёртый рюкзак, некоторые тоже ела.

Юноша с головной повязкой обернулся. Волки оказались на ногах — не встали, не вскочили, а именно **оказались** — только что лежали, и вот уже — стоят...

Пасти волков и красивый рот юноши были в крови. Страшные рассказы оказались правдой.

Вскинув над головой руку с намертво зажатым клочком штанов, девушка полетела куда-то в вой и грохот слетевшихся чудищ, в темноту...

...Когда она открыла глаза, то увидела рядом морду волка и лицо русоволосого юноши. Она бы снова потеряла сознание, потому что глаза юноши отнюдь не излучали тепла — они светились холодной злобой. Но он всё-таки не зарычал по-звериному, а заговорил на её родном языке — с еле заметным акцентом:

— Так-так, ты что, шла за грибами и заблудилась? Тогда тебе не очень повезло, я бы сказал.

Рыжая девушка уже надела куртку и сейчас затягивала пояс, посвёркивая красивым перстнем на руке. Казалось, её Лулани совершенно не интересуют. Собрав всё своё мужество, та выкрикнула:

— Олмер, меня послал Олмер!

— Олмер?! — жёсткие пальцы впились ей в плечи. — Где Олмер?! Что с ним?! Нет, погоди! — Галь, скажи волкам, пусть приведут остальных!.. Если ты врёшь, девчонка — тебе не жить, — и он вдавил палец Лулани под нижнюю челюсть, улыбаясь жестоко и холодно, только ртом.

Один из волков бесшумно исчез. Два других заняли места по бокам Лулани, а парень и девушка спокойно вернулись к разделке туши.

Ждать пришлось совсем недолго, и хорошо — Лулани боялась, что умрёт со страху. На полянку бесшумно вывалились восемь человек и около дюжины волков. Рыжий парень с волосами, собранными в хвост, рядом с которым держался самый большой волк, крикнул:

— Что случилось?!

— Олмер прислал девчонку... если она, конечно, не врёт, — мотнул головой русоволосый.

Лулани сделалось ещё страшней. Земляне и волки уставились на неё — очень похожими глазами. Она с ужасом увидела, что кое-что из одежды и снаряжения землян явно сделано из частей тел и кожи джаго...

— Ничего девочка, — заметил ещё один рыжий, ослепительно красивый, как могла понять Лулани, по земным меркам^[48], парень. Стоявшая рядом с ним тоненькая девушка фыркнула:

— Мелковата.

— Зато всё при ней, — возразила ещё одна, с пулемётом через плечо. — Эй, тебе лет сколько?

— Четырнадцать, — пискнула Лулани.

— По земному счёту тринадцать... У тебя парень есть?

— Нет...

— Олмеру давно пора, — заметил всё тот же рыжий.

— Попользуется и бросит, — поморщилась пулемётчица. — Стоит затеваться...

— Может, и нет, — неожиданно вмешался задумчиво тот, в повязке. — Ладно, ты говори и не бойся. Говори, говори. Рассказывай всё...

...Лулани слушали внимательно и тихо. А девушка постепенно освоилась и рассказывала всё более и более ясно и подробно, даже нарисовала на земле схему джагганских постов.

— Так, — сказал "хвостатый", едва она закончила. — Хорошо. Но чем ты докажешь, что ты к нам не подослана?

— Тебя зовут Сашка! — выпалила Лулани. — А тебя, — она обернулась к русоволосому, — Горька.

— Они могли узнать это у Олмера, — подала голос до сих пор молчавшая девушка — мрачная, со снайперской винтовкой через плечо.

— Ерунда, — отмахнулся Сашка. — Но в любом случае мы, конечно, не сунем голову в клетку просто так. И если ты соврала... — он уставился на Лулани тяжёлым взглядом.

Но теперь девушка выдержала его.

— Я сказала правду, — твёрдо ответила она.

* * *

— Итак, начнём с начала. Имя?

— Г... Г... Ганс...

— Фамилия?

— Думм...^[49]

— Ты в самом деле принадлежишь к отряду Лесных Псов?

— Я... н... знаю... так-кого отряда... я... г-гулял... засранцццц... цы вы, де-день-ки... мне ж д-д-домой... над... о. Ich werde mich bei der M-m-mutter und dem Vater beklagen, Sie

werden bestrafen... [50]

Прикованный к вращающейся крестовине Олмер походил на влажную тряпку. С мальчишки буквально лил пот, под крестовиной собрались целые лужицы. Ему уже вкатили такую дозу сыворотки правды, что хватило бы расколоть троих взрослых джаго. Вёдший допрос офицер-джаго уже мысленно проклял землян раз двадцать. Ему уже приходилось иметь с ними дело — и всякий раз одно и то же, снова и снова! Проклятая раса... А ему очень и очень хотелось выбить из гадёныша всё, что он знает — выбить до прибытия сторков, чтоб их поглотил Чёрный Мешок! Нет, как видно, придётся использовать прямые методы воздействия.

Кивнув, джаго приказал сделать пленному стимулирующую инъекцию. Через короткое время блуждающий туманный взгляд мальчишки очистился, сверкнул отчётливой злобой.

— Ну вот мы и пришли в себя, — ласковая речь на мьюрике в устах джаго звучала, как сиплое клокотание. — Пришли ведь? С чего начнём? Давай для начала просверлим тебе колени? Как ты на это смотришь? Боль такая, что...

С улицы раздались звуки похабной песни, которую старательно выводили несколько молодых голосов. Малоприличные строчки то и дело перемежались взвизгами девичьего смеха.

— Что там такое ещё? — осведомился раздражённо офицер. Один из его помощников, открыв дверь, взгляделся в темноту:

— Гуляют, — сообщил он наконец с некоторой завистью. Снаружи донеслась прерывистая дробь маленького барабана. — Ого.

По дороге в самом деле блуждала компания молодёжи — слабо различались в свете спутника планеты длинноволосые силуэты.

— Ладно, это пустяки, — отмахнулся чёрной лапой офицер. — Дай-ка сверло...

В дверь постучали. Джаго переглянулись удивлённо.

— Часовой, — подсказал второй помощник. Офицер про себя выругался — это могло значить лишь одно: за пленным прибыли сторки.

— Открой, — приказал он недовольно. — А ты не радуйся! — по лицу пленного землянина пришёлся тяжёлый удар наотмашь. — Уж они с тобой поговорят — назад запросишься!

Землянин сцедил на пол длинную кровавую вожжу и заметил:

— Ты, обезьян, не знаешь даже, насколько близок к могиле. Она у тебя за спиной прям.

На за спиной у джаго была лишь открытая дверь, в которую лезли какие-то пьяные личности во главе с девчонкой — её офицер вроде бы видел в деревне.

— И чего вы тут все сидите?! — завопил кто-то. — На воздух, все на воздух! На волю! На деревья, петь гимны свободе! Гуляем!

— Часовой! — заорал офицер. — Вон их отсюда, или...

Только тут он сообразил, что оба его помощника уже мертвы. Один тяжкой грудой лежал под ногами вошедших — в луже крови, которая быстро увеличивалась. Второй — сидел возле крестовины с ножом в горле. Хлопнула, закрываясь, дверь.

— Ну я так и подумал, когда услышал, как ты орёшь, — хладнокровно сказал распятый мальчишка.

— Я не орал, а пел, — обиженно заметил Горька. — Э, брось! — и сильнейший удар кинжала пригвоздил правую лапу джаго — он потянулся к кнопке связи — к столешнице.

— Где Лулани?! — добивался Олмер, пока его снимали с крестовины. — Девчонка

местная! Где она, она с вами? Это она вас привела?

— Да вот твоя мьюри, успокойся! — девчонки с хохотом вытолкнули вперёд прятавшуюся за их спинами Лулани.

— Она смелая!

— Почти как мы!

— Не побоялась пойти в лес!

— Хорошую ты нашёл парочку, Олмер!

— Я всё это знаю, — твёрдо сказал мальчик и, притянув к себе Лулани, крепко поцеловал её. Девушка слабо ойкнула.

— Оденься! — захохотал Мирко.

— Моё барахло где-то тут... точнее — штаны тут. А оружие пропало.

— Оружия сегодня ночью будет более чем достаточно, — с усмешкой сказал Сашка. — А теперь объясни, как ты попал в плен?

Брык — голова вниз, руки по швам. Олмер глядел в пол и сопел.

— Я воды хотел попить...

— Ага. Понятное. "Тётенька, водицы по попить, а то так есть охота, что аж переночевать негде!"?

— Ну чего ты...

— Ты не Лесной Пёс, а слепой щенок. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?!

— Я... да... я всё понимаю... Я прошу простить меня.

— Всё, забыли, — резко бросил Сашка. — Итак, до рассвета ещё два часа. За это время нам надо разобраться с аэродромом и уйти в лес.

— А гарнизон? — спросила Люська. — Лулани говорит — там больше сотни рыл.

— Нет времени. аэродром важнее, — отмахнулся Сашка. — Если верны наши наблюдения и слова Лулани, то это не просто аэродром, а — орбитальный аэродром. Если выведем его из строя — это будет удар по всей обороне планеты. И мы должны быть готовы к тому, что на нас снова начнётся охота — и придётся на время уйти от базы.

— Этот? — Горька кивнул в сторону джаго, трусливо ворочавшего глазами с одного землянина на другого.

— Его уже нет, — ударом меча Сашка снёс джаго голову.

— Эта? — Горька указал подбородком на Лулани. Сашка посмотрел на неё — Олмер шагнул вперёд и закрыл собой девушку:

— Нет.

— О чём ты? — удивился Сашка. — Мы ещё не настолько озверели... да и потом, похоже, мне сначала придётся убить тебя, если я... — он мотнул головой и посмотрел на мьюри: — Пойдёшь с нами?

— Пойдём, — Олмер взял девушку за руку. — Я тебя не брошу...

— Ещё чего не хватало, — буркнула Машка.

— Пусть идёт, — возразил Дик. — Смелая же девчонка!

— Дайте ей самой решать, — оборвал их Горька. — Если уж мы её оставили в живых, то пусть сама решает свою судьбу.

— Только пусть поспешит с этим решением, — Машка перебросила в руки автомат.

Лулани огляделась. Кроме Олмера эти парни и девчонки были ей чужими — пугающе чужими. И сейчас она отчётливо поняла, что и её собственный мир стал ей чужим — потому что она его предала.

— Боится, — хмыкнул Димка.

— Ну, это понятно, — пожал плечами Горька.

— Время идёт, — напомнил Сашка.

— Ну чего пристали к девчонке? — вдруг сказала Галя. — Не гоните лошадей. Успеем.

Пусть думает и решает.

Лулани беспомощно посмотрела на землян.

— Я... я не знаю! — вскрикнула она. — Мне страшно!

— Мы понимаем, — сказал Сашка. — Ты можешь уйти. Никто ничего не узнает, а для нас ты сделала много.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась... — Олмер взял руки девушки в свои... выпустил. — Но решай сама, да. Как тебе будет лучше.

Лулани перевела дух. Она разом вспомнила всё, что составляло её жизнь — привычную и понятную — до такого недавнего утра, и почти уже решила сказать: "Я остаюсь!"

Но потом вновь на миг встретилась взглядом с глазами Олмера.

— Я иду с вами, — сказала она.

Аэродром был великолепно прикрыт от любого нападения с воздуха — будь то штурмовка, удар ракетами или атака с орбиты. Наземная же оборона, прямо сказать, не соответствовала значимости объекта. Это, впрочем, было и понятно — от кого обороняться-то? Подходы перекрывались минными полями, проволочными заграждениями под током и простреливались из укреплений и с вышек. Охрану осуществляли патрули с тситсу, двигавшиеся по тропинкам не только непосредственно рядом с аэродромом, но и в ближнем лесу. Просто на всякий случай.

Всего этого было бы недостаточно против, скажем, земных пластунов. Однако о пластунах никто не думал даже сейчас, когда Земля начала новое наступление, и линии фронтов, ломаясь и разрываясь, откатывались всё дальше и дальше вглубь территорий Альянса. А между тем, Лесные Волки по части скрытности действий могли бы, пожалуй, дать немало очков вперёд лучшим из пластунов...

Ни Олмера, ни Лулани не было с атакующими. Как ни возмущался германец — Сашка ясно и чётко приказал ему оставаться за деревенской околицей.

— Ты ещё не оправился, а я не хочу рисковать, — сказал Сашка, и, как ни возражал Олмер, изменить ничего не мог...

... - Я бы предпочёл, чтобы она осталась у своих, — на ходу сказал Горька Сашке. — Она нас свяжет; ещё чего доброго Олмер погибнет из-за неё.

— Хватит, — ответил Сашка. — Одно дело сделано, не будем его мешать с другим.

Волки бежали впереди и по флангам отряда. Замирали они — замирали и люди. Это значило, что проходил патруль. Слышны были злобные звуки, которые издавали тситсу, но джаго, всматриваясь в темноту, даже через приборы ночного видения не могли различить ничего опасного. И не слышали ничего, кроме обычных ночных звуков.

Местность вокруг аэродрома напоминала классический пейзаж военного фильма. Бегали лучи прожекторов, рывкала сирена, с тяжёлыми громом садился огромный самолёт. Голое поле и линии проволоки на нём угнетающе действовали самим своим видом. При желании, пожалуй, можно было бы попробовать пробраться... но на это понадобится слишком много времени, а до рассвета оставался всего час.

— Расстреляем антенны, локаторы и ангары, — предложила Бранка. Сашка покачал головой:

— Не это главное. Главное — ВПП и склады. Надо разрушить их, а для этого надо попасть на территорию аэродрома.

— Что ты предлагаешь? — лёжа на животе, Горька пристально смотрел на перебегающие лучи прожекторов.

— Идти сейчас, — сказал Сашка.

— День нас застанет на минном поле, — напомнила Люська. Сашка пожал плечами:

— Ну что ж делать... Там и полежим до темноты.

— Ты понимаешь, насколько это рискованно? — спросил Горька, не оборачиваясь. — Если кто-то просто взглянется внимательней...

— Вон те самолёты, — Сашка вздохнул, — делают всё для того, чтобы оборона планеты

стала сильнее. Нас тут всего десяток. Из-за одного приземлившегося самолёта могут скоро погибнуть... сколько наших могут погибнуть?

Горька кивнул — молча и по-прежнему не поворачиваясь.

— Галь, объясни волкам, что надо вынюхивать мины... ну, я не знаю, как ты там это делаешь, — Сашка удобней перехватил "секач" и встал на колени. — Давай скорей — и пошли!

* * *

Олмер сидел на склоне холма, обхватив колени руками и угрюмо глядя на встающую над деревьями Ближнюю. Лулани, не понимая, в чём дело, сидела рядом и тревожно смотрела на хмурое лицо своего друга.

— Что с тобой? — решила она спросить наконец.

— "Что-что!" — хмуро огрызнулся Олмер. — Ну как ты не понимаешь?! Они ушли драться, а меня не взяли! "Ты ещё не оправился!" — передразнил он и плюнул. — А-а, чего там...

Лулани широко распахнула глаза. Олмер жаловался, что не попал в бой! Девушка не раз видела, как призывали воевать её соплеменников. Никто из них не хотел идти, никто даже не пытался скрыть отчаянья и страха. Армия, война — это было для всех пугалом!

Лулани хотела рассказать об этом, но сразу сообразила, что вряд ли землянин это поймёт. Совершенно очевидно было, что он относится к войне совсем иначе.

— Не грусти, — девушка положила ладонь на плечо Олмера. — Ты ведь только спасся... а теперь можешь отдохнуть.

— "Отдохнуть!" — Олмер дёрнул плечами. — Знаешь, где отдыхают люди? На том свете.

— Ну я же не виновата, что тебя оставили, — огорчённо сказала Лулани.

— Да я тебя и не виню, — Олмер бросил на неё извиняющийся взгляд. — Будем ждать...

* * *

Сашка лежал в десятке шагов от тропинки и с нетерпением ожидал очередного патруля. Патруль был каким-никаким, а развлечением. Ну в самом деле, если лежать в постоянном напряжении всего в сотне метров от вражеской вышки, пряться за чахлым кустиком, по недоразумению выросшим на минном поле, и созерцая спиральки мины, чуть покачивающиеся в полуметре от правого плеча — удовольствие ещё то.

"На кой они вообще водят тситсу, — размышлял Сашка, — если всё равно не обращают на них внимания?! Бедные животные чуть ли не лопаются, так ведь нет, чтобы по сторонам повнимательней посмотреть!" Временами ему даже становилось тошно от слепоты

патрульных и хотелось заорать: "Да вот же я, идиоты!" Но это, конечно, играли напряжённые нервы.

Лежать **совершенно неподвижно** несколько часов подряд! Если кто этого не пробовал — то пробовать и не стоит.

Сашка прикрыл глаза. За то время, что они тут пролежали, можно было заново создать, доказать и опровергнуть напоследок какую-нибудь научную теорию. А тут всего-то требовалось решить, как преодолеть проволоку, по которой пущен ток. Сущие пустяки. Сашка уже начисто запутался в вариантах этого преодоления. Ну чего проще — проползти за волчьим хвостом через минное поле (пролежав сутки на жаре посреди этого поля), пролезть под колючкой и причинить аэродрому максимальные повреждения.

А вот поди ж ты — сделай.

Впрочем, ребятам было не привыкать к неподвижности. Если ты охотился на самую чуткую дичь, подстерегая её часами, если ты выслеживал смертельно опасного врага, если ходил, как по широкому бульвару, по качающейся ветке в ладонь шириной на высоте тридцати метров — то неподвижность для тебя не представляет проблем.

Есть один секрет. Если лечь на какое-то место, чтобы тебя в этот момент никто не видел, а потом лежать по возможности неподвижно — то **тебя не будет видно**. Более того — дворяне, например, могут исчезать в людном месте и даже двигаться так, чтобы их никто не видел. Можно безо всякого старинного колдовства сделать так, что глядящий на тебя в упор не будет тебя замечать. Конечно, такому ребят никто не учил. Но — взгляды одного патруля за другим равнодушно скользили по ним.

А они ждали...

* * *

Шум, поднятый в Фахоту, когда стало ясно, что ночью тут побывали Лесные Псы, не шёл ни в какое сравнение с чем бы то ни было, происходившим тут ранее. К счастью для отряда, обосновавшегося на минном поле, конечно, никому и в голову не пришло искать их там. Патрули устремились по всем тропкам, рассчитывая нагнать дерзкого врага. Тщетно.

И всё-таки кое-кому повезло кое-что обнаружить. Мальчишка, ходивший в лес по своим делам, забрался потихоньку в место, куда бы и в голову не пришло взрослым — и...

...На подстилке из листьев, под зелёным каскадом падавших до земли ветвей ивы, в этом тенистом шатре, плавно сплетались и изгибались два тела — обнажённые тела юноши и девушки. Плавные взмахи рук, ласкающие, как тёплый ветер на морском берегу... жадные поцелуи, которыми они покрывали друг друга... долгие, приглушённые стоны и короткие вскрики... И почти невозможно было понять, где кто — и ни Олмер, ни, тем более, Лулани сейчас просто не способны были смотреть по сторонам или хотя бы слышать что-то, кроме самих себя.

Вне всякого сомнения, проволока была подключена к пульту сигнализации. Вариант был один — лезть под неё, рискуя тем, что где-то стоит ещё и масс-детектор, позволяющий обнаруживать подкопы. Волки пустили в ход свои мощные лапы. Можно было даже не спешить — впереди пять часов темноты, не меньше.

Ловкие, вёрткие и бесшумные, Лесные Псы проползали следом за своими друзьями, не касаясь проволоки. Бранка как раз протискивалась в свой лаз, когда патруль остановился в метре от её ступней — кто-то из джаго задымил, сладкий запах курительной травы повис в ночном воздухе. Мирко, стискивая зубы, замер — уже за проволокой, готовый открыть огонь, если Бранку заметят — и будь, что будет. Кашляющие, фыркающие голоса джаго раздавались совсем рядом...

— Не слышал, поймали этих?

— Да не знаю, не говорят. Надо было его в клетке держать, а потом просто отдать наверх, а не по домам таскать. Допрос, допрос, какой ещё допрос...

— Угу, это верно... Знаешь, а вот я не верю, что это какие-то там партизаны. Я тебе точно говорю, это уже вторжение началось. Пластуны это земные.

— И мальчишка, что ли?

— А что мальчишка, у них же людей не хватает. А мальчишки у них ещё хуже взрослых.

— Не знаю, я уж ничего не знаю... Ладно, пошли, нам ещё ходить...

— Пошли...

Бранка подождала ещё с полминуты, с совершенно спокойным лицом протиснулась до конца, перекатилась в сторону и замерла.

Грибообразный колпак укрепления виден был в каких-то десяти метрах. В узкой щели, глядевшей в сторону ребят, был виден косо срезанный ствол плазмомёта и... призрачно-зеленовато поблёскивал окуляр перископа.

"Ну вот и всё," — подумал Сашка, перемещая удобней ружьё. Но... ничего не произошло, и Сашка осторожно перевёл дух — очевидно, часовые отошли по делам.

— Ну и охрана, — прошелестел еле слышно, но отчётливо-насмешливо Дик. — Тут кирасирский полк пройдёт, а они не пошевелиятся.

Ему никто не ответил. Вперёд двигаться было невозможно — земля легонько, но отчётливо, дёргала током, это показывало, насколько высоко напряжение. Но правой поднимался грубый мостик — по нему патрули переходили опасную зону. Там маячил вышагивающий часовой; ещё двое стояли у спуска и подъёма.

Волки отправились обратно. Люди поползли вбок — к мосту, двигаясь до тошноты размеренно и плавно — так, что их движения казались продолжением темноты. Это казалось чудом — или безумием. Проползая буквально за спиной у часового, Лесные Псы, как мухи, один за другим перебирались на... **нижнюю**, внутреннюю сторону моста и карабкались по конструкциям **спиной к земле**. Они прижимались к брёвнам, чтобы не выделяться на силуэте моста. Вот тут помогала мягкая обувь — цепляясь пальцами ног, упираясь ребром ступни, пяткой, потихоньку... Руи впивались в алейшие щели, пальцы стали стальными клиньями.

— Может быть, это и есть счастье? — еле слышно прохрипел Димка. Над ползущими прошёл часовой; слышно было, как он с хряском и скулёжем зевнул. Собственно, он там ходил регулярно — и так же регулярно заразительно зевал...

Пальцы Нины проскользнули в щель между брёвнами, и часовой наступил на них. Девушка молча побелела — так, что её лицо даже обрисовалось во тьме — но не пошевелилась и не издала ни звука, а через несколько секунд она уже ползла дальше.

Спуск оказался трудней. Спускаться пришлось вниз головой, напрягая все силы, чтобы удержаться... но наконец все перебрались через мост и залегли в пыльной, сухо пахнущей траве по краю аэродромного поля. Он стальных плит, которыми была выложена полоса, несло дневным жаром. Справа начиналась комплексы управления и бесконечные склады и ангары. Гигантская белая туша самолёта, которую подтянули к распахнутым воротам одного из складов, разгружалась прямо туда — сновали платформы, в две шеренги замерли охранники. Дальше на необъятном поле застыли разбросанные далеко друг от друга громады других самолётов — с погашенными огнями — и остроугольные силуэты атмосферных истребителей. Примерно в полутора километрах виднелся ярко освещённый въезд под землю — в бункерные ангары для боевой авиации. Ещё дальше можно было различить "остров" диспетчерской — весь утыканный ажурной арматурой антенн.

— Значит, слушаем, — Сашка указал подбородком на диспетчерскую. — Горь, бери Гальку с Люськой. Уничтожьте диспетчерскую. Осторожней на поле, они могут посветить прожектором.

— Понял, командир, — Горька ту же затянул повязку, забрав под неё волосы, выбившиеся было на лоб. Подмигнул: — Пошумим, как следует!

— Да уж постарайся... Мы с Димкой возьмём на себя самолёты — расстреляем, сколько успеем. Мирко, Бранка, Нина — попробуйте что-нибудь сделать со входом под землю.

— Сделаем, — коротко и без объяснений откликнулся Мирко.

— Так. Дик и Машка — займитесь той штукой, которая разгружается. Первым начинает Горька, это сигнал — за ним остальные. Ну — разошлись!..

...Группы Горьки и Мирко перебежали к топливозаправщику, стоявшему на краю аэродрома. Водитель скучал в высокой кубической кабине, пока его гигантскую цистерну закачивали топливом; в каких-то двадцати метрах стояли несколько спецназовцев.

— Подъедем? — озорно подмигнул Горька. Мирко ухмыльнулся и кивнул:

— Не против.

Перебежав к кабине, Горька вспрыгнул на подножку и, прежде чем водитель успел хоть что-то сообразить, ударил его кинжалом — раз, другой, третий — насмерть. С другой стороны вспрыгнул Мирко и скорчился между сиденьем и приборной доской. Девушки бесшумно и ловко "оседлали" цистерну и легли на ней, держась руками за разборочные люки.

Кто-то из спецназовцев обернулся — но ничего подозрительного не заметил. Сзади заправщику скомандовали отъезжать, и Горька, не без труда орудуя рычагами, заставил машину тронуться в нужном направлении.

— Захват служебного транспорта, — пробормотал Мирко, стараясь удобней устроить ноги, руки и автомат. — Сколько это лет, как думаешь?

— Согласен на пожизненное, если ты мне его гарантируешь, — хмыкнул Горька. — Так... экспресс отправляется.

— Не стряхни девчонок, лихач...

Девчонки между тем отцепили шланг и отвернули вентили. Горючее хлестало на плиты по ходу заправщика, растекаясь широкими чёрными лужами...

... - Так... снаряды... зажигательная смесь... авиабомбы... а это снаряды к орбитальным орудиям... — Дик облизнул губы.

— Если взорвать этот самолёт, то начнут рваться все склады! — азартно шепнула Машка.

— Предложи — как, — вздохнул Дик.

— Пробраться в кабину и толкнуть самолёт назад...

— Дурочка, — ласково сказал Дик, — во-первых, кто это сумеет, а во-вторых, самолёт задним ходом не поедет. Никак. Нет... нужно что-то другое...

— А если пальнуть из подствольника в дверь склада?

— Ох, едва ли там рванёт достаточно сильно, чтобы повредить контейнеры...

— А если этим? — девчонка достала из чехла за спиной наствольную гранату. — У меня две, если что...

...Легко и неслышно Горька взбежал по решётчатой лестнице на верхнюю площадку, выдёргивая из чехла обрез. Задержался, осматриваясь. Ему показалось, что на аэродроме стало тише; юношу посетила идиотская мысль — а что, если джаго догадались о диверсии, и вся эта тишина — лишь секунды перед беспощадным режущим светом и шквалом огня со всех сторон? Он перевёл дух, покачал головой. Ну — пора!

Пи онк в дверь! Ворвавшись в ярко освещённую комнату, Горька разрядил поочерёдно оба ствола в начавших поворачиваться от пультов джаго. Экраны лопались, взрывались, выбрызгивали жидкость, и Горька слышал свой собственный яростный вопль...

...Девушки внизу вышибли окна и сейчас расстреливали и забрасывали гранатами тех, кто был в нижнем зале. Потом, отскочив, Люська из пулемёта начала крошить антенны...

...Мирко немного припоздал. Он остановил наливник сбоку от освещённого спуска в ангар, около которого стояли часовые — и буквально через минуту раздалась стрельба в диспетчерской, а потом — вспыхнул стоявший в двухстах метрах самолёт — в него попали несколько сашкиных ракет. Часовые закричали, один — бросился внутрь.

— Девчонки! — они скатились на землю. Мирко рванул рычаг и, пригнувшись, направил машину со всё ещё хлещущим из цистерны горючим прямо на освещённый проём.

Мелькнула перекошенная ужасом харя часового. Стекло разлетелось крошевом, ранив лицо юноши. Он захохотал:

— А ну! — второй часовой, выбежав наружу, тут же упал — кто стрелял, Мирко не понял. Первый бросил оружие и рванулся к аварийному пульту; изнутри выбегали ещё джаго. Удар передка подбросил завертевшееся в воздухе тело, но бронированные створки уже начали закрываться. Мирко выпрыгнул, чудом миновав удара о стену, извернулся, как кошка, перекатился, срывая с плеча автомат. Он увидел, как огненная стрела — с невероятной скоростью и быстротой! — рассекла поле по всему пути следования наливника, высветив всё призрачным колдовским светом, бело-голубым. Мирко заметил и другое — огненная стрела, нагнав наливник, с лёгким хлопком превратилась в шар, охвативший всю корму — и горящая машина, корёжа створки ворот и сминая джаго, с возрастающей скоростью помчалась внутрь-вниз, в глубины ангара.

Загорелись ещё несколько самолётов. Мирко вдруг понял, что одновременно происходит масса событий, и он их все отмечает. Дико кричащий джаго прикладом

замахнулся на Гальку, всё ещё стоявшую с зажигалкой — но ударить не успел.

В адском взрыве на краю поля потонул другой — в глубинах земли. Всех вокруг сбило с ног. Трещины и провалы возникали по всему огромному полю, в них заваливались, ломая крылья и взрываясь, самолёты. Опаляющий, жаркий вихрь пронёсся над аэродромом. Огненный смерч раскручивался над складами и казармами — взрывались всё новые и новые, и было уже светло, как страшным неестественным днём. Раки пламени хлестали из-под земли и из разрушенных зданий. Десятки джаго метались среди этого хаоса; диспетчерская, словно корабль в бурном море, проваливалась в землю...

...Когда горящий наливник пробил не успевшие закрыться ворота и устремился в подземные ангары, Дик и Машка выпустили гранаты в дверь склада.

Позднее, вспоминая происходившее, Дик понял, что из спас самолёт, стоявший на разгрузке. Когда гранаты разорвались внутри — секунду вроде бы ничего не происходило. Но потом из двери ангара ударила плотная, практически материальная, струя пламени, мгновенно растворившая и джаго, и платформы — так, словно их и не было.

Последнее, что запомнил Дик — самолёт, закрывавший их, вдруг содрогнулся и покатил по аэродрому, подталкиваемый пламенем, словно решил самостоятельно взлететь в небо.

Дика и Машку, потерявших сознание, вышвырнуло за колючую проволоку...

...Сашка, честно говоря, перепугался. У Димки прыгала челюсть, юноши не поднимались на ноги, выпустив оружие и руками вцепившись во взбесившуюся землю. По небу пролетали подброшенные вверх атмосферные истребители. Стальные щиты и куски зданий рушились сверху, убивая и калеча всё живое, земля вспучивалась, выпуская огонь, а в других местах — проваливалась, жадно всасывая его в себя. Падали и взрывались здания — в океане бушующего высокотемпературного пламени. И надо всем этим ужасом танцевал **трёхкилометровый** столб огня — это выгорали запасы орбитального горючего...

В Фахоту вылетели стёкла во всех домах, несколько зданий завалилось. На шесть километров в округе в лесах пожухла зелень. От сотрясения ушла под землю река, а на месте взрывавшихся ангаров позже возникло озеро.

Вырвавшиеся из-под контроля буквально адские силы не спешили успокаиваться. Но страх уже прошёл — уступив в Лесных Псах место полумистическому чувству восхищения. Сашка стоял в рост на фоне зажжённого им и его друзьями пожара, потрясал ружьём и кричал:

— Война! Вот это война! Вот вам война, уроды! Вы хотели воевать — вот вам война! Получайте войну и будьте прокляты — все, все, все, за всех!

Наверное, фигуры его и Димки были в самом деле непонятно-страшны, потому что джаго даже не пытались к ним приблизиться — в слепом ужасе шарахались в стороны. Димка хохотал, размазывая по лицу копоть с потом, губы у него полопались и брызгали кровью, быстро спекавшейся от жара. Сорвав куртку, он завертел ею над гололвой:

— Аоу! Сюда!

По качающейся — судорожными, затихающими рывками — земле бежала Бранка. Нина — с окровавленным плечом — поддерживала Мирко, который левой рукой зажимал рану над виском.

— Где Горька со своими?! — крикнул Сашка, мгновенно приходя в себя. Мирко мотнул головой, мучительно скривился, прохрипел:

— Не знаю... там, наверное... — он указал в сторону наполовину провалившейся диспетчерской, — и им все, похоже, конец.

Все примолкли. Вполне возможно, что так оно и было.

— А Дик с Машкой? — в свою очередь спросил Мирко.

— Эти точно погибли, — ответил Сашка. — Они взорвали склады, а там... сам понимаешь.

— Если Люська погибла, — угрюмо сказал Димка, — то я останусь тут. И буду убивать, пока жив.

— Ну давай же! Давай!

Наклонный пол содрогался судорожными, гаснущими рывками. Казалось, что диспетчерская висит над пропастью. Трупы, мебель, крошево приборов — всё съехало в дальний угол. В момент падения здания тяжёлый стояк с аппаратурой сбил с ног Горьку и придавил ему левую руку. Люська и Галя, используя, как рычаги, какие-то прутья, пытались отвалить стояк. Горька помогал им ногами и свободной рукой — но наклонный пол мешал упереться, как следует.

— Уходите! — наконец заорал он. — Давайте скорей отсюда! Не поможете вы мне!

Люська выпрямилась. На её лице отразился страх, она вслушивалась в рокочущие содрогания, но Галька с мрачным упорством продолжала налегать на прут, пока тот не согнулся. Девушка отшвырнула загремевшую железку и выругалась от злости и беспомощности. Слезы ярости текли по её щекам.

— Уходите, — уже тихо сказал Горька. Он походил на волка, намертво попавшего в капкан. — Ну давайте, скорей же... — он коснулся пальцами лица Гальки. — Я тебя люблю, девочка моя. А теперь всё. Бегите.

Что случилось бы дальше — знают разве что небеса, да и те — слабо... В дверь, скользя по наклонному окровавленному полу, ворвались трое джаго — в обгорелой форме, с полубезумно выкаченными глазами, но с оружием в лапах. Первый из них, что-то заорав, вскинул ствол — но сильнейший толчок, от которого здание просело ещё метра на два, посшибал всех с ног. Кричавший полетел на стену, ещё один поехал по полу, поскользнулся, и Горька схватил его свободной рукой за волосы. Последний грохнулся на бок. Галька сверху рухнула на схваченного Горькой врага, Люська чудом удержалась на ногах и выхватила пистолет. Прежде чем вскочил упавший на бок, девушка выстрелила ему в голову, но отлетевший на стену очухался, обезоружил её и повалил. Галька, Горька и джаго между ними, ругаясь на двух языках и мешая друг другу, дрались на полу. Наконец Горька, так и не отпустивший жёстких волос врага, сумел подставить его горло под нож Гальки — и та не упустила шанса.

Люське между тем удалось вывернуться из-под джаго и даже отпихнуть его по наклонному полу — он скатился к стене. Сама девушка бросилась за пистолетом, но поскользнулась и поехала обратно в объятия джаго — он оттолкнулся от стены ногами и выхватил широкий нож. Но тут Горька выстрелил ему в голову из своей "гюрзы".

Вся эта бестолковщина продолжалась несколько секунд, не больше. Галька и Люська, схватив оружие, бросились к двери в полной готовности отбивать атаку. Горька бессильно ругался от злости на свою беспомощность.

Джаго снаружи были. Были, но... не одни. Двое нападали на отбивающегося мечом Сашку. Один лежал на земле с рассечённой башкой, ещё один пытался схватит Димку.

Сашка неожиданно — красиво и плавно — присел на расставленных ногах и, держа меч обеими руками, нанёс быстрый и точный косой удар справа-налево сверху-вниз, разрубив одного из врагов от левого бока до правого бедра, почти напополам. Потом отскочил в сторону так, что упавшее тело закрыло манёвр второму, в этот момент как раз попытавшемуся достать Сашку. Резкий отмах, фехтовальный выпад — и джаго повалился

наземь, захлёбываясь кровью из горла. Ещё два быстрых шага в сторону — и Сашка вонзил меч между лопаток противнику Димки.

— Спасибо, — прохрипел тот, растирая по лицу пот.

— Не за что, можно было бы и подождать, — усмехнулся Сашка. Оба подняли головы, и Сашка весело крикнул: — Девчонки, вы там живы?!

— Почти, — отозвалась Галька. — Горьке руку придавило, помогите!..

... - Входите, входите, — приветствовал Горька друзей, — и можете не спешить. С такими приятелями, как вы, у меня все шансы проторчать тут ещё лет десять, не меньше.

— Помолчи, чёрт лесной, — дружелюбно сказал Димка, обнимая Люсю. — Я вот так почти уверен, что ты сам на себя эту ерунду обрушил, чтобы остальные тут попрыгали кругом.

— Оригинальный способ привлечь к себе внимание... — Горька скорчил жалобную рожу.

— С тебя станется... Хорошо хоть, девчонок уберёг! А то бы я тебя добавочно привалил...

— Он старался, — хмыкнула Люська. Галя внимательно посмотрела на неё:

— Между прочим, он тебя спас. Ребят, мы пробовали эту дрянь поднять, но пруты гнутся...

— Так, а теперь я попробую! — Сашка прокрутил лёгким движением меч и подсунул его под стояк. Шире расставил ноги, пригнулся, вдохнул глубже, повозил ладонями на рукояти...

— Переломится, — предупредил Димка. Сашка ничего не ответил — только вдруг выдохнул: "Ах!" — и всем телом подался вверх. На руках рельефно выступили сплетения мускулов, перевитые взбухшими венами, лицо сперва окаменело, потом — задрожало, на лбу выступил пот. С треском лопнула на спине куртка — не по швам, а в нескольких местах по взбугрившимся мускулам. Четырёхсоткилограммовый стояк, поддавшись напору юного атлета, пошёл вверх — это было удивительно, но как бы не более удивительным выглядело то, что выдержал тонкий узкий клинок!

Димка и девчонки торжественно завопили, словно на соревнованиях. Горька мгновенно выдернул руку — окровавленную, измятую, в ранах и кровоподтёках, но, похоже, не сломанную.

— У-у, — коротко простонал он. — Как там ты говорил, Дим — может быть, это и есть счастье?

Была чёрная, душная ночь — ночь перед грозой. Но, если небесная гроза ещё только напоминала о себе отдалёнными раскатами и зарницами, то гроза на земле уже разразилась.

Тяжкую перину ночи кромсали алые языки пламени и белые клинки прожекторов. Горела ферма, полыхали пристройки, выл пёс, которого переехала машина, дико, так, что можно было сойти с ума, выл сгорающий скот. С этими жуткими звуками мешались крики людей и рёв джаго — звуки ночного погрома.

Мужчины — защитники фермы — уже были убиты. Семнадцатилетний юноша, подорванный гранатой, свисал в огонь с остатков крыши, и одежда на нём полыхала, а ствол пулемёта, который он держал в руках, раскалился докрасна. Плечистый могучий мужчина, убитый ударами тесаков в грудь, лежал на трупе своей жены, с пистолетом прикрывавшей ему спину — всё ещё сжимая в руках окровавленный топор; вокруг валялись тёмными горами три или четыре трупа налётчиков, попытавшихся взять людей живыми.

"Дикки! Дикки, братик! — истошно кричала девушка лет четырнадцати, распятая железными штырями на дверях горящего сарая. Волосы её — рыжие, пышные — трещали и завивались от жара в безжизненные серые пружинки. Потом дверь с грохотом рухнула внутрь — в снопах искр — и пламя жадными щупальцами рванулось из-под неё, свиваясь в плотный кокон. — Братик, Дикки! Не выходи! — голос девушки стал безумными, извиваясь от невыносимой боли, она билась головой о дерево и рвалась из стороны в сторону, расширяя раны на руках и ногах... пока огонь не прогрыз себе путь через доски и не обнял уже её тело. — Дикки! Дикки!! Дикки!!! Не вы-хо-диииии..."

Струдившиеся вокруг другой девушки — постарше — джаго следили за тем, как один из их приятелей насилует несчастную, которая, впрочем, уже была, похоже, мертва: тускло смотрели глаза, разбитый прикладом алый рот разинут в мёртвой зевоте... Рядом были разбросаны окровавленные части тела, принадлежавшие мальчику лет десяти или около того — он уже отмучился.

Ещё один мальчик — не старше пяти-шести лет — видел всё это. Лёжа в кустах за фермой, дрожащий, с изгрызенными в кровь пальцами, он смотрел на происходящее без мыслей, зная только одно — **выходить нельзя...**

...Он снова видел всё это!

Он снова видел всё это!

Ни единой подробности ужаса не стёрло время...

... - Мамочка! Ма-ма!

— Дик, Дикки, не кричи, пожалуйста, не кричи, они вокруг...

Жуткое чёрное существо склонялось над ним. Конечно, это пришла Эгнес, его сожжённая сестрёнка — пришла за ним, и Дик снова хотел закричать, но внезапно понял, что лежит на земле, всё тело болит, совсем рядом грохочут взрывы и мечется огонь чудовищного пожара, а девчонка над ним — конечно же, никакая не Эгнес, а Машка. Просто вся в ожогах и копоти — но совершенно живая. Якорь надёжности, который помог выбраться из мира навалившегося в бессознательности кошмара. И Дик вцепился в неё:

— Маш... again... again... [\[51\]](#)

— Тихо, тихо... — она прижала к себе голову друга. — Мы всё сделали... но нас

выбросило...

— Мммммменя, похоже, здорово шарахнуло... — Дик сел, с трудом удержав стон.

— Тише, — Машка приникла к земле, пригибая и его. Но их уже заметили — фигуры трёх джаго рисовались на фоне огненных вихрей. С лёгким посвистыванием трассирующие очереди прошли ночь над юношей и девушкой, приникшими к земле.

— Вон они, вон! — раздался ухающий голос, полный злости и страха. Дик выхватил "парабеллум", но ни разу выстрелить не успел.

— Ложись! — закричали откуда-то из темноты, раздёрганной хлыстами пламени — и очереди срезали всех троих джаго. Всё ещё не вполне понимая, что происходит, Дик и Машка держали оружие наготове, но к ним уже подбегали... их друзья! Все — живые, почти целые и невредимые...

Олмер довольно хмуро сидел на холмике посреди поляны — как недовольная птица на ветке! — и остальные не сразу сообразили, что он один, когда подняли торжествующий гам, сообщая своему младшему, что все живы и практически здоровы. Но казалось, что Олмер совершенно не рад ни этому, ни вообще возвращению друзей. Он вяло махнул всем рукой и устался в землю у своих сапог.

— Так, — Сашка взбежал на холмик, — вставай, бери свою половинку и пошли отсюда.

— Пошли, — без промедления, но как-то вяло встал Олмер.

— Эй, а Лулани где? — тут же заозирался Горька. Олмер выдохнул так, что деревья на опушке явно собирались прогнуться:

— Я ей сказал, чтобы ушла и ждала меня в послёке... Мы ведь сюда ещё вернёмся?

— Д-да... но... — Горька недоумённо поднял брови. — Когда? Мы ж сами этого не знаем.

— Ну, это всё равно. Знаете, ребята, — германец огляделся, — не представляю, как бы она смогла... с нами. Ну, вы понимаете.

— Ясно, — Димка незаметно подмигнул остальным, — ты обнаружил, что она слабовата — и... Олмер?!

В руке германца был нож.

— Заткнись! — прошипел он, пригибаясь. — Не смей о ней так говорить!

— Тихо-тихо-тихо, — Горька немедленно втёрся между ними. — Олмер, убери нож. А ты, Дим, заткнись, а?

— Честное слово, ничего дурного я в виду не имел, — Димка хлопал глазами. — Правда...

Олмер кивнул, вбросил в ножны клинок. Переведя дух, снова пояснил:

— Никто же ничего про неё не знает. С нами ей будет трудно... да и нас она задержит. Да, я хотел, я и сейчас хочу, чтобы она была рядом со мной. Но... — он тряхнул головой. — Но я же не до такой степени... эгоист!

* * *

Лесные Псы с волчьей стаей, нагрузившись боеприпасами, уходили на север. Они не льстили себе надеждой, что их не обнаружат — конечно же, обнаружат, и очень быстро. Тогда джаго перестанут гоняться за тенью по лесу — и рванут сюда. Сашка решил укрыться среди лесных озёр, соединённых многочисленными протоками, где сам чёрт ногу сломит, а населения — всего ничего. Там можно было запросто отсидеться даже в случае конца света. Другое дело, что людей, уничтоживших стратегический аэродром, будут искать так, словно конец света уже был — и за него надо мстить.

Ещё до начала бегства Галька объяснили волкам, что ждёт их друзей-людей и предложила остаться, затаиться где-то по норам, а ещё лучше — уйти в другую сторону.

Девушка ещё и извинилась за то, что люди принесли неприятности волчьему племени.

Волки выслушали всё молча. Потом разом повернулись и следом за вожаком исчезли в шиповниковых зарослях.

— Вот те раз, — огорошенно сказал Сашка, теребя свой "хвост". — Я-то думал... я надеялся, что они останутся...

— Мда, — признал Горька, — скверно. Союзники-то они отличные... да и я, например, уже привык к ним.

Все разочарованно вздыхали и переглядывались, поправляя снаряжение. Но в конце концов винить волков никто не смел — люди ворвались в их жизнь, перемешали её, ничего не дав взамен, ничем не помогая... И всё-таки был в душах неприятный осадочек — словно... не предал, а так, оказался слишком осторожным хороший друг. Иногда такое даже хуже, чем прямое предательство, потому что вроде бы и обвинить — не за что, язык не поворачивается — и прежних отношений уже нет и не будет никогда...

— Ну? — Сашка оглядел своё воинство, выглядевшее куда более потрёпанным, чем обычно. Юные лица — серьёзны и устали. Усталость въелась в них серой пылью. — Пошли! — он подкинул на спине рюкзак делая первый шаг этого похода — и уже чёрт знает какой по счёту в жизни.

И тут на поляну начали выходить... волки. Они выстроились почти что идеально ровной линией — шестнадцать самцов, одиннадцать самок и тридцать один подросток уже волчонок. Вожак протрусил вдоль строя, словно на разводе караула, что-то коротко рыкнул, стая отозвалась разнообразными звуками.

— Ребята! — ахнула Галя. — Они же идут с нами! Десять самцов!

Вожак потёрся носами со стройной невысокой волчицей, потом — положил морду на морду рыжего самца. Тот заскулил, мотнул хвостом, повёл прочь с поляны ещё пятерых самцов и всех самок с волчатами. Сам же вожак, подойдя к Сашке, вдруг взметнул широкие длинные лапы ему на плечи.

Жёлтые глаза волка умно и открыто смотрели в серые глаза человека.

* * *

Первый день почти до темноты они бежали, не останавливаясь, ещё надеясь на то, чтобы вырваться из гипотетического окружения, кольцо которого, конечно же, уже начало смыкаться. Это было уже привычно-ритмичное движение — безостановочное и быстрое. Скользили по сторонам волки — серыми тенями, растворяющимися в сумерках. Когда стало трудно различать, куда ставишь ногу, Лесные Псы просто улеглись — там, где стояли...

...Проспать долго не удалось. Всех разбудил шум винтов винтокрыла. Огромная машина шла над самыми верхушками деревьев, полосую землю лучами нескольких прожекторов. И люди, и волки замерли внизу. Они не сдвинулись с места, даже когда несколько очередей наугад выжгли вокруг дымные просеки. Видимо, сверху засекли чем-нибудь группу целей, но приняли их за крупных животных и стреляли с досады.

Мимо — всё мимо, к счастью. Но Сашка тут же поднял своих. Конечно, когда винтокрыл вернётся на базу, там найдутся головы посообразительней...

С рассветом они пересекли магистраль, построенную ещё век назад. Шоссе по четыре ряда в каждую сторону было, наверное, единственной (и давно полузаброшенной!) автомобильной дорогой, пересекавшей весь материк. И буквально через секунду после того, как отряд пересёк полотно, по дороге проехала бронеколонна. Медленно, развернув башни влево и вправо в сторону леса. В люках — никого.

— Влупить бы, процедил Дик, тиская пулемёт.

— Давай, — кивнул Димка, — только мы подальше сначала отбежим, чтобы нас не задело, когда тебя с землёй мешать станут... Нам сейчас так и так главное — подальше убраться.

Конечно, тошновато было неподвижно смотреть, как миом ползут чёрные гигантские туши, терзающие дорожное покрытие траками двойных гусениц. Утешало только одно — колонна явно... **боялась**. Джаго сидели за бронёй и тряслись, не осмеливаясь и нос высунуть наружу.

Что не удалось вырваться — стало ясно довольно быстро, когда сначала волки учуяли, а потом и ребята увидели проезжающих сквозь лес верховых. Их было не меньше полусотни, и ехали они очень широко, страхуя друг друга.

Без единого слова всем подались чуть назад и в сторону. Больше никто не бежал — шли осторожно, "ёлочкой", волки бежали впереди. А вскоре стали ясны и масштабы облавы — когда отряд наткнулся на минное поле. Мины были установлены явно только что, внаброс с воздуха, и так часто, что просто глаза на лоб лезли. Снимать? Пробираться, полагаясь на волчье чутьё и свой опыт? Бранка прошла на двадцать метров вглубь, потратила на это двадцать минут — и вернулась, молча и досадливо махнув рукой.

По кромке поля они прошли три километра, пока наконец Горька не сказал задумчиво и проникновенно:

— Теперь я в самом деле вник, насколько богат Альянс. Сколько же они сюда всадили денег?

— Главное — когда успели, — угрюмо буркнул Сашка. — Вот ведь ублюдки...

— Мы их всё равно обнесём, — уверенно сказал Горька, раскладывая на спине упёршегося ладонями в колени Олмера, трофейную карту. — Смотрите. Ещё километр — и будет река. Попробуем пробраться по ней, а?

* * *

Отфыркиваясь, Дик вынырнул на поверхность. ручейки стекали по его волосам. Стуча зубами, мальчишка покрутил головой:

— К-к-ключи бьют, — пояснил он. — Т-т-т-т... там сеть. С. Стальная.

— Так. Ясно. Боны поставили, — Сашка прикрыл глаза, на скулах обозначились желваки.

Сидя в зарослях таволги, они с остервенением смотрели на перегородивший реку серозелёный плоский монитор — броневую низко сидящую тушу с крупнокалиберной пушкой и торчащими вверх многочисленными стволами и ракетными жерлами. По сторонам курсировали четыре вооружённых баркаса, выписывавшие по ночной воде причудливые

петли.

— Сволочи, — согласился Дик, отжимая волосы. Всё тело его покрывали крупные мурашки, он непроизвольно вздрагивал.

— Сколько там может быть рыл? — спросил Горька. Он полулежал на животе, подпирая голову руками — и как всегда грыз веточку.

— Полсотни максимум, — предположила Галя, — небольшой же. Да и зачем больше?

— Меньше, — возразила Машка. — Ты людей считаешь.

— Ну да, точно...

— Чувствую, придётся мне сегодня снова работать, — вздохнула Люська.

На этот раз Горька и Сашка молчали. Все остальные давно уже спали, пользуясь хоть такой положительной стороной ловушки. Но командир и его лучший друг ждали результатов от Люськи...

"Похоже, на этот раз всё-таки конец, — думал Сашка, слушая, как плещется в реке рыба, как нудно зудят комарики-гладыши, выслеживающие свою добычу с камышей. — Нет, ну а чего ты хотел? Чтобы простили аэродром? Нет, за всё надо платить. Нам и так повезло. А операция эта — просто конфетка, после такого и умереть не жалко... нет. Жалко. Всё равно жалко, особенно теперь..."

"Ну вот надо же такому случиться... — Горька ладонью прикрыл зевок, — ...случиться такому именно когда Олмер нашёл себе девчонку. Кстати, она ничего, симпатичная. А бедный парень аж с лица спал... Странная штука — любовь. Уж, казалось бы, где ей не место совершенно — так это на войне. А всё равно..." Он подумал о спящей Гале и с неожиданной злостью посмотрел на реку, где по-прежнему лежала на воде уродливым шипастым чудовищем туша монитора.

— Дорого бы я дал, чтобы выпутаться из этой истории, — нарушил наконец-то молчание Сашка.

— Где же твоя жажда приключений? — иронично спросил Горька, удобней устраивая ноги.

— Не знаю, — пожал плечами Сашка и дружески подтолкнул Горьку плечом. — Думаю, её унёс вооооон тот ночной вампир^[52] величиной с оленя.

— Мы будем шутить, даже если нас повесят за ноги, — приглушённо засмеялся Горька.

— Я лично — буду, — уверенно сказал Сашка. — Кстати... возможно, скоро у нас появится такая возможность.

— Люська идёт, — Горька приподнялся.

Девушка выглядела очень усталой, даже пошатывалась — и Горька поддержал её.

— Ну? Какие новости? — голос Сашки был отрывист и сух. Люська покачала головой:

— Похоже, нас взяли в оборот. В пяти часах за нашими спинами — всадники. Много. Несколько сотен. На флангах высажены тактические десанты. Путь на север закрыт минными полями и монитором. Под рукой у врага — полдюжины ударных винтокрылов. С рассветом нас кончат, мальчишки.

Все машинально поглядели на небо. До рассвета оставалось часа четыре.

— Поспи, Люсь, — ласково сказал Сашка. — Ты молодец, а теперь поспи.

Устало кивнув, девушка послушно отправилась к кустам в десятке метров от берега, где спали остальные.

— Я больше боюсь, что кого-то живым возьмут, — признался Сашка. — Выручать-то будет некому... — он сел, потянулся. Горька передёрнулся, взял себя за локти, кривовато улыбнулся:

— Да уж, веселье тогда будет... Я терпеть не могу аргументов вроде раскалённого железа, иголок под ногти и члена в заднем проходе... — он опять передёрнулся. Сашка прищурился:

— Ты что, никак боишься? С каких пор ты стал бояться смерти-то?

— Не смерти, — буркнул Горька. Постучал пальцами по колену, опять криво улыбнулся. — Ну да ладно, тут тоже всё от нас зависит... Знаешь, я бы сейчас дорого дал, чтобы музыку послушать. Нашу волну. Ты помнишь? — он насвистел позывные пионерской радиостанции. — Я так и не смог забыть, хотя был совсем маленький...

— Перестань, — оборвал Сашка друга. — Это называется — сыпать на рану соль.

— Как ни называй — ничего не изменится, — вдруг со страшной, кипящей злостью сказал Горька, Сашка даже отшатнулся. — Неужели мы так и будем сидеть и ждать, пока нас прикончат?! — он стиснул кулаки и ударил ими по земле.

Проснувшийся волк высунул голову из кустов, сонно посмотрел на людей, зевнул с постаныванием и уполз обратно.

— Во всяком случае — не я, — Сашка ту же перехватил свой волосяной хвост. Горька покосился на него:

— У тебя есть план?

— Предположим, — задумчиво согласился Сашка, — но он пахнет авантюрой.

— О этот чистый, бодрящий запах! — Горька осклабился. — Когда ты последний раз такое сказал, мы угнали винтокрыл... впрочем, нет. Это был мой план. Я согласен на любую авантюру, лишь бы не сидеть тут на бережке и не ждать, когда явятся гости, которых мы всё равно не сумеем принять, как следует!

— Тогда слушай, — Сашка устроился удобней. Странно-мечтательная улыбка осветила его лицо, как фонарик. — Что, если нам захватить монитор? Добраться вплавь, захватить и взорвать?

Горька возбуждённо ёрзнул на месте:

— Ого себе планчик. Я — за. Остальные, думаю, тоже.

— Остальные пусть спят, — вдруг продолжил Сашка. — Планчик, как ты выразился, и правда "ого себе". И выполнять его буду я.

— Со мной, — голос Горьки звучал спокойно и безапелляционно. Сашка пожал плечами:

— Ну, с тобой-то спорить бесполезно, да и не спишь ты... Ждать не будем?

— А чего тут ждать, — Горька начал расстёгивать пояс.

Они остались в одних кожаных штанах. Засовывая за их ремень обрез, Горька спросил:

— Тебе клёши твои плыть не помешают? Сашка мотнул головой, аккуратно обвивая живот детонационным шнуром, предложил, потом, пристёгивая меч за спину:

— Обойдём боны по берегу. Ну, пошли?

— Ага, — Горька повёл плечами, посмотрел в глаза другу. — Ну... будем надеяться, что всё сложится хорошо.

— Не может быть плохо, если мы что-то делаем вместе, — Сашка подставил ладонь, и Горька по ней весело хлопнул. — Вперёд!..

...Они соскользнули в воду ногами вперёд прямо с берега. Тут сразу оказалось глубоко, тёплое сильное течение вилось вокруг тела. Юноши плыли брассом, выставив над водой лишь головы. Их волосы шевелились в воде, словно диковинные водоросли. Когда мимо проходили баркасы — оба молча и тихо глубоко ныряли, и свет прожекторов таял в тёмной струящейся воде.

Монитор был тёмный и неосвещён. Заглушки защищали всё, ни единого лучика света наружу не пробивалось, и палуба — пуста, только один часовой ходил вдоль борта.

По ногам полоснула холодная струя — это, видно, сюда попал Дик, когда плывал на

разведку. Страх не было ни у того, ни у другого, думали они одинаково: "Прорвёмся, не привыкать!" Отсюда, с воды, монитор казался огромным, он походил на плавучую крепость, воздвигнутую посреди реки назло Лесным Псам — чтобы погубить их...

...Горька первым коснулся — не рукой, а плечом — звеньев якорной цепи, уходившей в клюз в метре над его головой. Пальцами ноги нащупав одно из звеньев под водой, он уперся в него и осторожно, чтобы не плеснуть, выметнулся из воды, положив ладони на края клюза. Потом перенёс ногу через борт и оказался на палубе. Помог выбраться Сашке, и они присели за башней — решать, где может храниться боезапас.

Где-то грохнула дверь, и голос джаго что-то требовательно прохрюкал. Ему откликнулся другой — откуда-то с кормы. Широкий луч света упал из открытой двери, а с ним...

Юноши затаили дыхание. Там, внутри, говорили по-английски!

— ...группа "МакЦехт". Под нашими ударами пали последние рубежи обороны сектора. Враг больше не отступает, враг просто бежит. Сейчас мы обращаемся к нему — по-прежнему на нашем языке, его поймёт любой: сдавайтесь! Складывайте оружие и прекращайте сопротивление — это ваш единственный шанс спасти свои жизни. Война вами проиграна. Вы знаете это, и лишь ваш страх не даёт вам сдаться. Вам нечего бояться — мы не будем мстить сдавшимся. Но те, кто посмеет продолжать сопротивление — будут убиты. Мы знаем так же, что нас слышат сейчас наши братья, люди Земли, превратностями войны заброшенные в плен и рассеянные по планетам сектора. Вам больше не нужно надеяться, потому что наша победа — это уже не надежда, это реальность. Мы идём. Мы пришли. Слушайте нашу песню — и, повторяя её слова, смотрите в небо. Осталось недолго!

Сашка и Горька вздрогнули — голос сменился на русский:

— Нас не сломит беда,
Не сожнёт нас нужда,
Рок всевластный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Мы, земляне, не будем рабами!^[53]

Кто-то из джаго что-то закричал, послышался топот, звяканье, механический вой, поющий голос оборвался. Юноши в темноте смотрели друг на друга. Глаза у них горели, оба улыбались во весь рот.

— Слышал? — выдохнул Сашка. Горька лишь кивнул — у него перехватило дыхание. — Это наши. Они уже идут. Это же секторная передача, ты понимаешь?! И это... Горь, это же **радио!!!** Они рядом! Совсем рядом!

Совершенно забыв, где они находится, друзья обнялись, ткнувшись лбом в лоб. Им казалось, что и ночь светлей (но — только для них!), и звёзды подмигивают, и Неразлучный улыбается, и даже тихая волна выбивает по броне вражеского монитора "никогда, никогда, никогда, никогда, мы, земляне, не будем рабами!" И что — умереть в такое время?! Ну нет!

— Попробовать, может быть, взорвать погреб под башней? — шепнул Сашка. —

Наверняка тут весь основной боезапас.

— Давай попробуем, — пожал плечами Горька. — Пошли...

... Башня монитора была ничем иным, как башней старого джагганского тяжёлого танка, которую целиком переставили на палубу — с её орудием на земной калибр примерно 300 миллиметров. В сухопутных боях такие танки давно уже представляли, несмотря на устрашающий внешний вид, лёгкую добычу для землян, но в качестве орудия поддержки такая "дура" была очень и очень серьёзной вещью. В башню вели две боковых двери на скрытых петлях — двадцатикилограммовые плиты брони. Нечего было и думать как-то открыть их тайно и бесшумно. Их, пожалуй, и подорвать-то было непросто.

— Так, и что делать-то?! — Сашка машинально потёр плечо, на котором остались сизые хлопья краски с борта.

— Слушай... — Горька хмыкнул. — А давай просто тихонько постучим, а?

Секунду Сашка непонимающе смотрел на друга, потом тихонько засмеялся:

— Давай!

Прижавшись спиной к броне, Сашка осматривался. Горька поставил ногу на скобу под дверь и стукнул в металл костяшками пальцев. Металл отозвался еле слышно, но почти тут же раздался щелчок, дверь приоткрылась — кажется, тем, кто находился внутри, просто лень было её открывать полностью. Кажется, джаго изнутри что-то хотел спросить, но плохо видел со света — и... Горька аккуратно придержал падающий труп, прошепав с раскаяньем:

— Прости, любимый, так получилось...

Они с Сашкой по очереди скользнули в щель — для них вполне достаточную.

Внутри башни были ещё трое — двое дремали, один что-то рассматривал на выпуклом экране. Оттолкнувшись ногами от порога, Горька буквально упал на него, Сашка, резким рывком втянув внутрь труп, с натугой закрыл дверь. Метнулся к просыпающимся, заколол одного ударом в грудь, второму упёр меч в горло и сказал тихо:

— Закричишь — убью.

Это было лишним — джаго по привычке своей расы опорожнил кишечник и остекленело смотрел на невесть откуда возникших в башне землян, разделавшихся за секунду с его сослуживцами.

Горька осмотрелся. Внутренность башни по земным меркам была просторной, как жилая комната. Почти надвое её делил автомат заряжания. Один снаряд сидел в казёнке.

— Артиллерийский погреб — под нами? — спросил Сашка, покачав мечом. Джаго выдавил что-то в знак согласия. — Вход в погреб из башни есть, или там сплошная автоматика?

— Под моим сиденьем, — выдавил джаго. — Ещё из жилых отсеков и из носа. Там стоят часовые. Не убивайте меня. Я не хотел воевать. Меня зас...

— Убей его, — прервал джаго Горька. — Он всё равно сидит на этом самом входе и нам мешает.

— Я могу встать... — джаго с готовностью начал подниматься, и Сашка его заколол. Горька заворчал, спихивая тело на пол:

— Сразу надо было, говорить ещё с ним... Давай, отваливай кресло. Надо спешить.

Под креслом в самом деле обнаружился люк. Видимо, им давно не пользовались, но люк был в исправном состоянии — а большего от него и не требовалось...

...В погребе было сухо и тихо. Над стеллажами горели белые плафоны. Отдельно

лежали, поблёскивая буро-серой смазкой, остроконечные чушки снарядов, отдельно — желтоватые тканевые заряды.

— Неплохо долбанёт, — Горька поочерёдно аккуратно и тихо заблокировал обе двери. — Нос этой дряни оторвёт уж точно... Слушай, может, нам прихватить пару баркасов?

— Там посмотрим, — Сашка обматывал детонационным шнуром один из стеллажей. — Ну вот... что это?!

— Сюда! Скорей сюда! — заорали наверху. Метнулась тень; Горька выстрелил вверх из дробовика с вытянутой до отказа руки, но люк уже лязгнул. Послышался грохот.

— Сюда! — Горька одним прыжком достиг двери в нос, распахнул её. Часовой в это время как раз собирался заблокировать её снаружи, но Горька уложил его ударом кинжала. Позади щёлкнуло, зашипело, и Сашка толкнул Горьку:

— Бежим. У нас полминуты.

Дверь из носовой части была не закрыта. Ведущая к ней крутая лестница была чем-то измазана, и Сашка, махнув на неё прыжком, поскользнулся и полетел обратно. Его правая ступня попала между ступеньками — и юноша вскрикнул:

— Нога!

— Скорей! — Горька подхватил Сашку и начал карабкаться наверх. В башне загредел люк, послышался крик. Это было как в страшном сне. Выбив спиной дверь, Горька, рванув за собой Сашку, упал за борт.

Взрыв произошёл в тот самый момент, когда они упали в воду.

* * *

— **Что?!** — Дио ударил обеими кулаками по столу. Яростно дыша, отдельно спросил: — **Вы. Их опять. Упустили?**

— Они взорвали монитор... — бормотал стоявший перед ним офицер-джаго. Он был выше сторка на две головы — и всё равно казалось, что смотрит на Дио снизу вверх. — В суматохе угнали два баркаса... мы преследовали... они бросили баркасы северней... мы нашли уже пустыми... сейчас мы их преследуем по пятам...

— Они прошли на баркасах тридцать луакк^[54] по реке, — тихо сказал Дио. — Тридцать луакк, пока вы бегали вокруг своего бронекорыта. Им сейчас не больше десяти луакк до озёр. О Сила Сил, вы вообще что-то можете сделать не левой ногой? Вы в самом деле не понимаете, что они ушли, ушли от вас?

— Мы задействовали лучшие группы... их возьмут... я гарантирую...

— Довольно!

Дио ударил перед собой кулаком. Стремительно — но не коснувшись джаго, в воздух. Но... тот не успел даже вздрогнуть. В его голову словно ударило бревно старинной стенобитной машины. Голова вмялась внутрь самой себя, из жуткой мешанины ударили кровь и мозг. Джаго мёртвым рухнул на пол.

Дио, с присвистом втягивая воздух, подал сигнал ладонью. Двое сторков в лёгких доспехах, подойдя к труп, молча поволокли его прочь. А Дио упал в раскладное кресло,

рывком распахнул ворот поддоспешной куртки. Тяжело дыша, прикрыл глаза — сейчас его лицо казалось старше самого себя на целую бездну времени.

— Почему? — бормотал он. — Ну почему им всегда всё удаётся?! Группа детишек водит нас за нос — о Предки, о Предки, да о каких вообще тогда победах можно говорить?! Провались оно... провались в лёд...

Лежавшая на столе рация издала требовательный сигнал. Дио перегнулся через ручку кресла, дотянулся до аппарата.

— Слушаю, Дио, — сипловато от ещё не ушедшего бешенства сказал он.

— Слушай, Дио, — согласились на том конце, и сторк зримо представил себе длинную тонкую нить канала связи. Голос говорил на хорошем старом языке Сторкада, но — это говорил не сторк.

— Кто ты и почему говоришь по этому каналу? — Дио сел прямо.

— Потому что хозяин аппарата мёртв, — сообщил собеседник. — Не скажу, что меня это радует, необходимость убивать фактически после конца войны, но что есть, то есть.

— Ложь, — быстро ответил Дио, уже зная, что это правда.

— Как знаешь, — согласился собеседник. — Уходите отсюда, Дио. Мы скоро придём и уже не дадим никому уйти. Вам больше нечего искать и ловить. Уходите, — в голосе землянина вдруг появилась настоящая печаль, — потому что мы не хотим больше вас убивать. Дио?

Ответа не было — юный сторк швырнул аппарат в опорный столб, так, что столб покачнулся, а гарнитура со щелчком разлетелась. Некоторое время Дио сидел, запустив в волосы растопыренные окаменевшие пальцы, склонив голову. Потом распрямился — в глазах поблёскивало зелёное пламя.

— Ничего, — тихо сказал он. — Ничего, ничего. Всеотец^[55], ты слышишь меня? Ничего. Мы не отступим. Я не подведу. Мы ещё повоюем.

Он вытянул руку вбок, нашарил кнопку на переносном пульте и, нажав её, запрокинул голову на пружинящую спинку, слушая рванувшееся из небольшого мощного динамика -

Цвет белый — безумной чести,
Цвет серый — холодной стали.
Мы живы, пока мы вместе,
Мы болью единой стали.

Потеря бьёт кровью в горло,
На миг застывает тело.
Но, головы вскинув гордо,
Мы вспомним, что вновь сумели

Возвратиться домой, снова выиграв бой
Со своей Судьбой и с самим собой.
Завтра снова кровь вырвет нас из снов
И поверх голов пронесётся вновь.

Вперёд! Пока мы дышим,
Пока есть ещё, что терять.
Вперёд! Стучат всё тише
Сердца... Чтоб убивать.

Озёрный край был великолепен. Насколько хватало глаз, тянулись километры и километры озёр и речек, сплетавшихся в синюю сеть; на бесчисленных островах и в излучинах росли рощицы и небольшие леса. Сашка видел пару поселений, но они терялись среди этого великолепия дикой природы.

Как было назвать то, что они вырвались? Чудо? Нет, скорее это было заслугой решительности и быстроты их действий. Несмотря на вывихнутую ногу командира, Лесные Псы двигались очень быстро, а волки помогли выбирать наиболее безопасный путь — хотя леса кишели врагами, которые только что землю носами не рыли в поисках беглецов. Шестьдесят километров Лесные Псы преодолели за сутки, причём в абсолютной бесшумности, ничем себя не выдавая и избегая на этот раз встреч даже с мелкими группками врагов.

Результат был налицо — их потеряли. Теперь оставалось лишь забраться поглубже в это прекрасное место, перевести дух и потом снова приступить к действиям.

Сашка обернулся. Его отряд лежал на зелёной травке, посматривая в небо или просто уже посапывая — в том, чтобы поспать, нуждались все, но кое-кто ждал, что скажет командир. Положив ладонь на холку замершего рядом волка, Сашка снова поднял к глазам бинокль — просто чтобы ещё раз полюбоваться на озёрный край.

— Ну что же, мне тут нравится, — Горька подошёл как всегда неслышно и теперь, подбоченясь, жевал травинку. Выглядел он таким юным дворянином, озирающим свои новые охотничьи угодья — если только дворяне одеваются в потрёпанную кожу кустарной выделки. — Может, кинем руны, братишка?

— Согласен, — кивнул Сашка, опуская бинокль. Горька потряс мешочком на поясе — и при этом странно улыбнулся...

...А через несколько минут Сашка, покусывая губу, озадаченно разглядывал лежащие на ладони знаки.

"Эар", "стан", "этель". "Могила", "камень", "наследие предков".

— Не понимаю, — честно сказал он наконец, — как их вообще связать?

Горька, за уши отталкивая любопытную волчью морду, задумчиво сказал:

— "Могила превратит вас в камни при попытке добыть наследие", как-то так. То есть, нас прикончат, когда мы будем любопытничать чего-нибудь.

— Серьёзно? — встревоженно спросил Сашка.

— Представления не имею, — Горька пожал плечами, ссыпая руны в свой мешочек. — Ну... если тебе не нравится это толкование, то пусть будет... ммм... ну, хотя бы "падая в могилу, треснешься башкой в камень и обретёшь наследие предков!"

Шутка Горьки вопреки обыкновению не вызвала у Сашки оживления. Он хмурился.

— Ну а ты-то как думаешь?

Горька снова пожал плечами и сорвал травинку:

— Я никак не думаю... верней, я не думаю, что это значит для нас хоть что-то хорошее.

— Я-то думал, что все неприятности позади...

— Все неприятности будут позади, когда окончится война. И для тех, кто доживёт до этого момента.

— Лично я твёрдо настроен быть среди них, — Сашка удобней устроил на плече "секач". Горька улыбнулся и стукнул друга в другое плечо:

— А что, кто-то из погибших был настроен иначе?

— Чтоб тебя, Белкин, — обиделся Сашка, — я никогда не мог различить, где у тебя шутки, а где — серьёзно. И то и другое одинаково смешно и дико.

Горька засмеялся — не принуждённо, а в самом деле весело. "Лежбище" развернулось в сторону друзей.

— Как они веселятся, в какой они форме! — заметила Бранка. Сашка поиграл бровями. Все захохотали, разбудив нескольких задремавших. Дик, лёжа на животе и болтая ногами в воздухе, отпускал шуточки по поводу мрачного Олмера. Машка, разувшись, растирала ноги и бурчала, что сегодня пойдёт босиком. Мирко сидел неподвижно — Бранка меняла ему повязку на голове. Димка лежали ничком, Люська, изогнувшись, коварно щекотала ему травинкой спину между задравшейся курткой и штанами — парню было лень отбрыкиваться. Галя осматривала подошвы своих сапог, кажется, размышляя, чем и как их подшить. Нина перетягивала ремни с оружием.

— Что решили отцы-командиры? — спросил Димка, не поднимая головы.

— Лодка нужна, — решительно сказал Сашка.

Следы цивилизации попались Димке почти сразу. Волк их почуял раньше человека — помотал головой и фыркнул, морща нос. Грунтовая дорога, покрытая пылью, виляла среди дикого тёрна и стройных сосновых мачт с красноватой корой. В пыли явственно виднелись многочисленные следы цивилизации.

— Тише, дружище, — Димка, встав на колени, притиснул к себе волка. — Хочешь сказать, что воняет? Придётся потерпеть... — волк протестующе заскулил, юноша непочтительно щёлкнул его по уху. — А ну — тихо!

Какое-то время он прислушивался и уже хотел перебежать дорогу, но вовремя услышал приближающийся ровный гул — и вскоре увидел танкетку.

Ширококолёсная машина, раскрашенная в маскировочную неразбериху, несла трёх джаго — водителя, сидящего позади него солдата и ещё одного — в обтекаемом бортовом бустере за плазмомётом. Разум советовал пропустить врага мимо. Но Димке, по правде сказать, было плевать на советы разума. Пальцы его скользнули по чехлу, он легко вскинул обрез на сгиб руки и выстрелил инстинктивно, не целясь.

Водитель дёрнулся, заваливаясь вперёд и вбок, машина вильнула и застыла. Плазмомётчик выскочил из танкетки — и на него серой молнией бросился волк. Сидевший позади водителя солдат потерял оружие и сейчас метнулся за ним, но Димка свалил его выстрелом из второго ствола — картечь превратила морду джаго в месиво.

Волк тоже расправился со своим противником в обычной волчьей манере — разорвав ему горло — и теперь зачем-то целеустремлённо волок тушу в кусты.

— А это мысль, — Димка поймал стволами обреза чехол и занялся приборкой, которую завершил тем, что с натугой откатил подальше и танкетку, после чего отряхнул ладони и похозяйски оглядел дорогу. — Почин есть, — заявил он громко. — А то ездят они тут... непуганые. Как думаешь, — он посмотрел на волка, — обыскать их, что ли?

Вопрос был риторический — волк в обысках толку не видел и посоветовать ничего не мог (или не хотел?) Димка же, поразмыслив, решил, что это успеется — и зашагал дальше.

* * *

Речушка, плавно тёкшая в песчаных берегах, попалась Димке шагов через двести. Вода в ней оказалась тёплой и отзывала болотом, но зато — как в подарок! — у самого берега возле причала покачивались в две ряда восемь остроносых узких лодок с аккуратно разложенными в них вёслами. Димка хмыкнул:

— Удачно. Беги к нашим, — он провёл ладонью по волчьей спине, — а я пока что выкупаюсь.

Раздевшись, Димка вошёл в воду. Поплывать толком тут не удастся — это он понял сразу, воды оказалось едва до груди. Используя песок вместо мыла, юноша не без удовольствия вымылся, несколько раз нырнул и вернулся на берег, присев, стал натягивать и

шнуровать штаны. Неожиданно изошрённый слух уловил какой-то лёгкий шорох в кустах за причалом. Цапнув нож, Димка пригнулся, перебежал к кустам и замер, вслушиваясь.

Нет. Никого.

Когда он обернулся — на поляне, отрезав его от вещей, стояли сторки. Их было несколько, на вид — помладше самого Димки, одетых в пятнистые комбинезоны на широких лямках, мягкие высокие ботинки, на правых рукавах — большая эмблема в виде пикирующего крылатого кота, головы целиком закрыты зеркальными, вытянутыми вперёд, шлемами. Стоя неподвижно, они явно разглядывали землянина.

Димка понял, что влип. Вся сцена носила характер кульминации какой-то легенды, в соответствии с которой ему — герою — сейчас предстояло сокрушить всех врагов в беспощадной кровавой схватке. Только вот, похоже, сокрушат как раз его. Странно, что его просто не пристрелили... хотя — это не странно, это скорей страшно. Значит, он нужен им живым.

Димка пригнулся, выставив вперёд руку с ножом. Из горла у него вырвалось хриплое, низкое рычание, глаза загорелись. Сторков было трое. Трое. И четвёртый — возле кустов. У него не было видно никакого оружия, в то время, как у остальных троих на бёдрах висели кобуры лёгких бластеров, а в руках они держали *рэнки* — Г-образные сторкадские тесаки. "И ещё у них стилеты в рукавах," — напомнил себе Димка. Он бы дорого сейчас дал за более длинный клинок — его нож был сантиметров на двадцать короче рэнков. Ясно понималось — строки хотят просто подрезать его тут и там, а потом утащить с собой. И даже длинный клинок дал бы не намного больше шансов... не намного... добраться бы до огнестрельного... тогда...

Но хватит думать. Похоже, кончилось везение — а в плену ему делать нечего.

И его — в отличие от врагов — ничего не должно сдерживать. И не будет.

Это были последние связные мысли в его мозгу. Продолжая рычать, он быстро передвигался по поляне, делая короткие жалящие движения ножом.

— Что встали?! Если в самом деле такие храбрые — подходите все разом, или по одному, тогда и поговорим!

Механическим движением тот, который стоял у кустов, поднял руку:

— Ю'эймен!^[56] — голос у него был резкий, но звонкий.

Димка рассмеялся нехорошим, воющим смехом — смехом, в котором отчётливо читались безумие и жажда крови. В ту же секунду на него бросились трое вооружённых сторков — разом все и с разных сторон...

...Сторки были вряд ли слабей землянина и не намного менее быстрыми. Димку спасало именно то, что они явно хотели взять его живым, но порезанным — а ему не было нужды о таком думать. Вскипела молчаливая круговерть — из неё выпал один из сторков, захромал в сторону, всё больше и больше кренясь на бок, потом — упал — и мимо проскочил выпрыгнувший следом Димка, по ножу которого текла кровь. Но рванувшийся следом раненый сторк полоснул землянина по бедру. Димка отмахнулся ножом, даже не давая себе труда взглянуть на рану. Его настиг второй боец, но Димка, стремительно нырнув под удар, левым кулаком нанёс ему удар в бок, а потом полоснул по горлу — не глядя, но точно и смертоносно, попав выше плотного воротника куртки, прямо под челюсть. Сторк закашлялся, падая вперёд, почти достал Димку в живот, но умирающее тело отказало, удару не хватило завершения... зато второй удар — нанесённый раненым в бедро — глубоко вспорол Димке правое плечо сверху вниз. Отскочить раненый не успел, да ещё и помешал

подскочившему третьему — нож Димки глубоко вошёл в открывшуюся левую подмышку сторка и тут же вынырнул обратно.

Но уберечься снова не получилось — двигаясь, как в танце, последний из бойцов врага рассёк грудь Димки наискось до самых рёбер — и отскочил таким же почти изящным движением... только затем, чтобы тут же снова прыгнуть вперёд — и...

Димка закричал — не от боли, от ярости — и, отшатнувшись, снялся с вошедшего в грудь под левой ключицей клинка; сторк ударил его молниеносно выхваченным из рукава стилетом. Краем уха услышал крик того, который по-прежнему стоял у кустов — гневный, высокий — и понял, что времени осталось очень мало. Прыжок, бросок — нога Димки впечаталась в зеркальную маску, сторк полетел наземь, кувыркнулся, вскакивая снова, но Димка был уже рядом. Его обливающегося кровью тело уже полумёртвой тяжестью вновь сбило сторка — и, навалившись сверху, землянин с хриплым рыком обеими руками с размаху вогнал нож в грудь врага, пробив и лёгкий доспех, и куртку.

Сторк резко раскинул руки, дёрнулся и замер. Димка остался лежать на нём — неподвижный, затуманенным взглядом он видел, как к нему подходит последний из сторков. Он откинул забрало и явно спешил, держа в руке что-то непонятное, какой-то прибор. В правой руке. А в левой — для подстраховки — стилет. Сторк был совсем мальчишкой, лет Дика или даже Олмера, но его лицо уже выглядело совершенно бесстрастным. Он даже не смотрел на своих убитых товарищей и не стремился проверить — может быть, они ещё живы?!

Его интересовал только землянин.

А Димка ощутил, что быстро уплывает куда-то по мерным и довольно приятным волнам. Он так устал, что ни на что не оставалось сил, а главное — желания. "Я столько сделал, что теперь, наверное, заслужил право отдохнуть..." — лениво проплыла и канула всё в те же волны мысль.

Сторк присел на корточки — и...

...прыгнувший из кустов волк, схватив его правую руку над кистью, оторвал её — так же легко, как человек разрывает бумажный лист. Сторк не успел ничего сделать, никак отреагировать, даже, наверное, понять, что случилось — вторым движением всего мощного тела волк раздавил ему горло, переломив позвоночник и, не обращая внимания на завалившийся в траву труп, сразу метнулся к неподвижно лежащему телу землянина. Сильный, упругий язык прошёлся по лицу, шее, рукам юноши. Зверь почувствовал в человеке смерть — и завыл протяжно и жалобно, чуть ли не надсаживаясь.

Послышался шум, голоса, и люди с волками вперемешку ввалились на поляну. Люська на бегу, уронив пулемёт, вскинула руки к лицу и с нечеловеческим криком упала на колени рядом с неподвижным другом.

— Дим, Дим, Димка! — прокричала она неверяще, хватая юношу за плечи, переворачивая и — тут же отпуская его. грудная клетка Димки приподнималась еле заметно и со страшными перерывами, в которые казалось, что больше он уже не вздохнёт. Медь его волос сделалась словно бы тусклой, лицо заострилось, запали закрытые глаза, в углах рта легли глубокие тени.

Люська снова закричала, заламывая руки над телом умирающего. молча, потупившись, стояли вокруг остальные, стискивая в руках бесполезное оружие. Каждый из них отдал бы за Димку свою жизнь, но как бороться с тем, что так явно и неизбежно?!

— Род-нень-кииий! Под-ни-миийиись! — Люська щекой упала на уже холодеющее

лицо Димки. — Миленький, не умирай! Не оставляй меня! Я же не смогу без тебя!

Не поднимаясь, она схватила в свои руки вялые, покорные ладони Димки — и замерла, уже беззвучно рыдая. Только эти страшные рыдания показывали, что она сама ещё жива.

Горька тяжело вздохнул. Сашка покачал головой. Они ничем не могли помочь. Горька потеревил скальп на своём обрезе.

Димка умирал. И о чём тут было говорить ещё? О том, что в госпитале его ещё бы могли спасти — но... где он, этот госпиталь? Там же, где и вся остальная "когдашняя" жизнь, которую из них и помнили-то только двое-трое...

Левое бедро снаружи распорото. Глубокая рана в правом плече. Другая — рваная, страшная — от грудины до правой ключицы. И самая страшная — под левой ключицей. Из неё ещё текла кровь.

Глядя на исколотое, иссечённое тело друга, Сашка вспомнил слова из карманной книжки медика: "Характер повреждений несовместим с жизнью." "Несовместим с жизнью," — эти слова казались почему-то страшней, чем просто "смерть".

Люська распрямилась — по кускам, словно поломанная марионетка из старого театра. Огляделась вокруг и спокойно сказала:

— Прощайте, ребята.

Сверкнул выхваченный нож. Девушка направляла его себе в горло, в ямку между ключиц, и у неё несомненно хватило бы и мужества, и силы убить себя, но...

...шарахнувшись, Лесные Псы закричали в изумлении и почти ужасе. Поднявшаяся рука перехватила запястье Люськи.

— Ты что, спятила?!

Это снова был прежний Димка — красивый, весёлый Димка, чуть растерянно улыбающийся друзьям.

— Не знаю! — рывкнул Мирко. — Ничего не знаю, кроме того, что при таких ранениях люди **обязаны** дышать!

— Ну ничего себе! — возмутился Димка, нежно прижимавший к себе голову почти идиотски улыбающейся Люськи. — Ты что, хочешь сказать, что...

— Ничего я не хочу! — огрызнулся Мирко. — Я вообще уже ничего не хочу, кроме возможности восстановления реального соотношения возможностей между предметами и событиями!

— Не понял, — признался Олмер.

— **Так не бы-ва-ет!** — гаркнул Мирко. — Я видел, в конце концов, как умирают от одной-единственной раны! Дим, твоих хватило бы за глаза!

— Пгодите, — Горька, как всегда, жевал веточку и был невозмутим. — Давайте разберёмся по порядку. Ну, во-первых, я склонен признать, что Димка жив-здоров.

— Благодарю, — не без яда отозвался тот.

— Не за что, я не тебя защищаю, а истину... Далее я должен буду попросить тебя, Дим, рассказать о том, что ты чувствовал.

Димка беспомощно огляделся и пожал плечами:

— Я не помню. Я сражался... потом успел подумать, что умираю. Я... а следующее воспоминание — Люська с ножом, — он поцеловал девушку в висок, и та улыбнулась в ответ.

— Хорошо, — Горька удовлетворённо кивнул. — Люсь, а ты о чём думала? Ты очень хотела, чтобы Димка выжил?

— Очень-очень, — не задумываясь, ответила девушка, горячо и быстро.

— Больше всего на свете? — допытывался, прищурившись, Горька.

— Пожалуй... да, — кивнула она.

— И ты в самом деле готова была отдать за Димку жизнь?

На этот раз Люська задумалась, но потом снова решительно кивнула:

— Да. Я бы это сделала.

— Ясно, — Горька сплюнул веточку.

— Ну, если высокоумный лорд-канцлер уяснил для себя всё, — ядовито сказал Дик, — то, может быть, он и нас просветит?

— Может быть, — милостиво кивнул Горька. — И даже наверняка, не жить же вам и дальше дураками... Мы были свидетелями чрезвычайно редкого без применения оборудования, но в целом не из ряда вон выходящего явления. Умением заживлять раны владеют не так уж мало людей, этому даже учат дворян, но такой эффект, как мы наблюдали, если я правильно помню, что читал, может дать только специальный волновой аппарат^[57]. Мы все знаем, что Люська наша обладает... эм... определёнными способностями. Очевидно в тот момент она, желая спасти Димку, передала ему напрямую часть своей жизненной силы таким мощным толчком, что Димка "чудесно излечился". И кстати, тот аппаратик, который валялся рядом со сторком, загрызенным волком, похоже, то ли диагност, то ли вообще полевой волновик. Я про такие не читал даже — руки чесались —

его взять... Похоже, строки не хотели, чтобы Димка умер... Кстати, Люсь, ты себя вообще нормально чувствуешь?

— Да слабенькой какой-то, — чуть нахмурилась Люська. И улыбнулась смущённо: — Это было бы слишком тяжело — потерять Робина, полюбить снова — и опять потерять, — она прижалась к Димке, спрятав лицо на его груди.

— В целом — это тема для научного исследования, — заключил Горька.

— Послушайте, — вдруг сказал Мирко, — но это значит, что у нас появился отличный врач...

— Э-э, нет, — перебил его Горька с улыбкой. — Подобная вещь едва ли может повториться по заказу у Люськи и вообще невозможна у... на, например, у Бранки, хотя они и любит тебя, вне всякого сомнения, ничуть не меньше, чем Люська — Димку. Да и потом, мы не в сказке, Мир. Попади Димке клинок в сердце, перережь артерию — и ничего нельзя было бы сделать, — и Горька поднял вверх свою изжёванную веточку, как мудрый учёный — указку перед почтительной аудиторией.

Лодки плыли одна за другой. Из мелкой речушки они уже час как выбрались в большую реку. Впереди явно было озеро, а за ним начиналась путаница протоков, ручьёв и озёрок, где Лесные Псы хотели найти убежище.

— А ведь опять нашли нас, — задумчиво и печально сказала Бранка, трепля по голове одного из волков. Звери присмирели, почти со страхом глядя на бегущую за бортом воду; ребята гребли без уключин (мьюри ими не пользовались), а как в земных байдарках, легко управляясь с листовидными вёслами.

— Да-а... — согласился Горька, зачем-то потирая браслет. — Хотелось бы ещё знать, как и **почему** они в нас так упорно вцепились. Словно помеченные мы!

— Нас ищут такие же... такие же, как я, — подала голос Люська, — я чувствую. Я только не понимаю, зачем мы им?

— Не было печали столько лет, — пробормотал Мирко, — и вот нате: сторки на голову валятся!

— А я, кажется, знаю, в чём дело, — Нина подала голос, и на неё тут же дружно воззрились все, даже волки. — Ну, чего уставились? Всё дело в тех штуках, которые мы подобрали в подземелье. Строкам они зачем-то нужны. И сильно. Похоже, что они даже джаго насчёт этих вещей не предупредили, стараются забрать сами, причём с какими-то ритуалами — а джаго так... на подхвате.

— Ну, это... — Горька вздохнул и согласился: — В целом это мысль, да. Может, это в самом деле из-за наших находок.

— Договорились, — не без яда заметил Мирко, — оказывается, целая армия с частями поддержки за нами гонится полтыщи километров, чтобы забрать додревние меч, перстень и браслет. На фронте всем им делать нечего. Ребят, я, конечно, дикарь, но не настолько...

— Ты не дикарь, ты узколобый материалист, — пояснил Горька. Мирко подумал и согласился не без гордости:

— Да.

— Ну так твой материализм слегка покачнётся, точней — видоизменится, — пообещал Горька. — О. Обратите внимание, по левому борту местная достопримечательность.

"Слева по борту" виднелись развалины форта. Характерная планировка выдавала "ипу" — мьюрийское укрепление времён неудачной войны планеты за независимость против высадившихся джаго. У берега уже не первый век доржавливалась длинноствольная

пороховая пушка с полукруглым щитком — нацеленная на протоку.

Лесные Псы молча проплывали мимо этого свидетельства давно прошедших времён. Они все думали об одном, хотя и бессвязно — о том, какая это странная штука: время-история...

...Река быстро расширилась. Стало ясно, что когда-то форт охранял выход в озеро — а точнее, мешанину озёр, проток, островов, речек, отмелей и борот, тянущуюся на добрую тысячу километров и окружённую морем леса. Этот край стоял наособицу не только на континенте, но и на всей планете.

Сашка поднялся во весь рост на носу первой лодки, поставив ногу на борт и подбоченившись. С озёр налетал ветерок, и юноша вдруг понял, что фантазирует — воображает себя первооткрывателем, плывущим к берегам новой земли. А что? Почему нет? есть корабли... ну — лодки, пусть... есть верные люди... Поднять свой флаг и объявить эти места...

— Мечтаешь о вольном имении?

Мерзавец Горька! Раскусил и ехидно ухмыляется ещё! Сашка какое-то время смотрел на него, борясь с желанием вышвырнуть его из лодки. А остальные нахально скалили зубы — в том числе и волки.

— Ладно, — буркнул Сашка, не найдя ничего лучше.

— Вот это разумный подход, — похвалил Горька. — Олмер, выше нос, на него всё равно никакая рыба не клюнет! Спой что-нибудь, ну, давай!

Олмер кивнул и, ненадолго задумавшись, запел бесшабашно -

— Ты запой-запой,
Ой — зазвени-звени
Колокольчиком, дорожная тоска...
Отпущу на ветер я слова свои...
Закину голову под облака...
Полетит Жар-Птицею головушка,
Горячим камнем на сыру землю падёт...
И на плаху брызнет моя кровушка
За гульбу казачью, за честной народ...

— Называется — попросили спеть, — покачал головой Мирко. — Дожили. Германец поёт казачью песню ^[58].

Олмер поднял и опустил плечи, подумал и сообщил:

— Что-то ты сегодня всем недоволен. Не кисни, старичок! — потом подмигнул, свистнул и вдруг раскатился песней:

— Schwarzbraun ist die Haselnuss,
Schwarzbraun bin auch ich, bin auch ich.
Schwarzbraun muss mein Maedel sein —

Gerade so wie ich.

Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di!

— звонкий, ещё не сломавшийся, голос Олмера придавал припеву особенное лихое очарование.

Эту песню — и на немецком, и на русском — знали все и тут же оживились. Кое-кто начал отбивать такт по бортам лодок, а сразу несколько голосов подхватили, мешая русские куплеты и задорно-бессмысленный немецкий припев:

— Я, ребята, загорел
Как лесной коричневый орех.
Я и ловок, я и смел,
Веселее всех.
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di!

Я ничем не знаменит,
Как лесной коричневый орех,
Но всегда, везде звенит
Мой задорный смех.

Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di!

Я ничем не знаменит,
Все вокруг всегда мои друзья.
Хочешь ты дружить со мной,
Будь таким, как я!

Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di ha ha ha!
Duvi du duvi duvi di!

— и над лодками в заключение повис звонким занавесом хохот.

— Держим курс вон в ту протоку, — Сашка махнул рукой вперёд, — и давай-ка поскорей. Как бы не застала нас какая дрянь посреди воды... что-нибудь типа винтокрыла. Тогда мы точно угробимся.

— Всё будет нормально, — заверил командира Димка, — они скорей животы сорвут, чем нас достанут.

Лодки в самом деле быстро пересекли озеро, подгоняемые опытными руками. Те, кто не грёб, довольно напряжённо оглядывались по сторонам — несмотря на бодрые слова Димки, все хорошо себе представляли, чем грозит появление винтокрыла практически беззащитным на воде Лесным Псам.

Но вот наконец-то лодки одна за другой вошли в протоку между островом с обрывистым берегом, из которого змеями торчали корни деревьев — и зеленеющим ряской болотом, в которое эта протока плавно переходила.

До вечера лодки углублялись всё дальше и дальше в лабиринт воды и берегов. Иногда юноши гребли, иногда предоставляли неспешному течению тащить лодки, куда придётся. Подобное чувство спокойствия было для них довольно редким — можно не двигать руками и ни о чём особо не беспокоиться, потому что в принципе всё равно же, куда вынесет. Волки освоились, но по-прежнему старались сидеть тихо.

Лодки втянуло в протоку — узенькую, с зелёным потолком из сплётшихся ветвей. Тут течение было едва заметным.

Сашка сидел на носу своей лодки, скрестив ноги, и задумчиво смотрел вперёд, положив меч на колени. Галька лежала поперёк лодки, закрыв глаза и свесив ноги в воду. Горька, устроившийся головой на её животе, водрузил ноги на корму и читал какую-то растрёпанную книжку из своей маленькой библиотечки.

Мирко во второй лодке спал, закрыв голову курткой. Бранка подшивала кое-где истёршиеся ремни амуниции. Дик и Машка на корме целовались — немного лениво и как-то небрежно.

Олмер на носу третьей лодки лежал на животе, глядя в воду. Нина как обычно чистила оружие. Люська спала. Димка, скущаяще глядя по сторонам, барабанил пальцами по чехлу.

— Сюда можно экскурсии возить, — выразил всеобщее молчаливое мнение Сашка. — Олмер, сочини оду, а?

— Не получится, — Олмер не отрывал взгляда от воды, — я не пишу стихов о природе.

— Может, после войны организуем предприятие? — предложила Бранка. Нина хмыкнула, с масляным лязгом отделив затвор. Димка покачал головой:

— Не будем загадывать.

Бранка коротко засмеялась, спросила:

— Разуверился в нашем счастье? После такого-то воскресения?

— Счастье — это сложная категория, — Димка покосился на неё. — И не будь так отвратительно оптимистична. Ещё неизвестно, сколько из нас доживут до победы. И доживёт ли вообще кто-то из нас.

— Ты что, поганок объелся? — подал голос Горька, не отрываясь от книги.

— А ты рассчитываешь жить вечно? — уточнил Димка.

— Нет, лет на двадцать поменьше, — невозмутимый Горька перелистнул страницу. — "Здесь не было ни пайковой свинины, скрипящей на зубах песком, ни заплесневелых сухарей. На дне чашки кофе не оставалось ни песка, ни камешков. Нет, дело обстояло как раз наоборот. Блюдо сёмги, половина копчёной индейки..."

— Заткнись! — рявкнул Мирко, переворачиваясь на дне лодки. — Это что ж такое — уснуть не успеешь, а тебе тут читают... меню!

— "...нарезанный тонкими ломтиками язык и нежная ветчина — таков был ужин майора, — невозмутимо продолжало Горька, пряча улыбку. — Изящный французский кофейник с чистейшим мокко..."

— Замолчи наконец!!! — Мирко швырнул в Горьку сапогом. Тот упал в воду и был чудом выловлен Сашкой.

— Волки спрашивают, когда мы причалим? — объявила Галя.

— В самом деле, уже и пора бы, — заметила Машка, отвлекаясь от поцелуев, — я соскучилась по травке.

— В каком смысле? — проворчал Димка, осторожно облизывая кончиком языка припухшие губы.

— Во всех, — решительно заявила Машка.

— Ну что ж, давайте искать место для причала, — согласился Сашка, — мне кажется, мы уже далеко заплыли.

Как раз тут речное русло сделало плавный поворот, и Лесные Псы с немалым удивлением увидели на берегу... крепость. Не странные, почти неотличимые от окружающего ландшафта руины, как это было с крепостью Рейнджеров — а настоящую крепость, в которой снова угадывалась фортификационная архитектура мьюри.

Когда-то это была мощная твердыня, окружённая двойным овальным кольцом стен с круглыми башнями и четырёхбашенной цитаделью в середине. Окружал крепость сад с выложенными плитами дорожками и спуском к речному причалу.

Изумлённые путешественники не сразу поняли, что время безжалостно расправилось с творением рук человеческих. Причал перекосялся, часть его рухнула. Плиты дорожек выщербились, сад разросся в лес, деревья и кусты взобрались на обрушившуюся во многих местах, зияющую дырами, внешнюю стену. Вторая стена была не в лучшем состоянии; центральный замок почти обрушился.

— Узел обороны, — заметил Мирко. — А боя тут, похоже, не было... забросили.

— Да, едва ли тут кто-то был с тех пор, как её покинули, — покачал головой Горька. Даже старшие в их компании не знали толком истории той давней, никак не касавшейся землян, войны, практически — только то, что она — **была**, вот и всё.

Лодки одна за другой подошли к причалу, сделанному из наплотно пригнанных толстых досок лиственницы. Однако, волки не слишком-то торопились на долгожданный берег.

— Им тут не нравится, — сообщила озабоченно Галя, — и — очень.

— А я всё-таки проверю, как там и что, — Горька с улыбкой перемахнул трещину в причале и встал на досках, подбоченясь.

— Ну и я с тобой, — Сашка перескочил следом и жестом предупредил движение Гали. — Нет, мы скоро вернёмся. Может, найдём что интересное.

* * *

— Кажется, я понимаю волков, — Горька, стоя в проломе, поглядывал по сторонам. — Знаешь, такое впечатление, что мы... на кладбище. Послушай, как деревья шумят.

Сашка хрустнул сорванным яблоком — невероятно кислым, маленьким. Горька сердито на него покосился; Сашка улыбнулся и, подкинув огрызок, поддал его ногой, потом взбежал на каменную осыпь и сообщил через плечо:

— А мне тут нравится. По крайней мере, можно держать оборону.

— Лучше бы её не держать. Мы же сюда вроде как в дом отдыха прибыли, — вздохнул Горька, подбрасывая на ладони камешек.

— Ты вроде как и правда недоволен? — насторожился Сашка.

— Честно? Недоволен, — Горька запустил камешек вдаль и проследил за его полётом. — Руны вспоминаю. И тех сторков, что подстерегли Димку на берегу. Едва ли они нас потеряли, Саш. Едва ли...

Сашка легко спустился с осыпи по другой стороне — и вдруг громко присвистнул:

— Горь, давай сюда! Тут дыра!

Вход вёл в подземелье — большой зал, освещённый очень ярко при помощи выложенных зеркалами световодов. У входа застыли статуи — могучие воины с суровыми лицами, закрываясь щитами, предостерегающе поднимали ладони с зажатыми факелодержателями.

— Это не мьюри вообще, — удивлённо сказал Горька. — Это же опять Рейнджеры!

— По-моему, всё просто, — Сашка тоже удивлённо оглядывался. — Крепость построили на старом фундаменте, вот и...

— Ничего себе! — в голосе Горьки было восхищение, и Сашка понял, с чем оно связано. Стены зала были расписаны картинами. Одна за другой шли сцены боёв — странно-древних на земле и боевых кораблей в воздухе и даже в космосе. Белокурые рослые люди сражались с различными монстроподобными существами холодным оружием, корабли испепеляли друг друга тонкими лучами света и целыми реками пламени. Сцены боёв сменяли сцены разорения — горели красивые дома вместе с окружающими их деревьями, монстроподобные враги убивали женщин и угаскивали куда-то кричащих, выворачивающихся детей... тут же на один из отрядов налётчиков обрушился из лесной чащи небольшой отряд разъярённых людей, без пощады уничтожая врага-нелюдь... Целая летопись — с удручающе непонятными ребятам подписями! — разворачивалась на стенах подземелья.

— Очередная сенсация, — тихо сказал Горька. — Ну нет, я просто **обязан не умереть**.

— А это... что? — Сашка сделал ещё шаг вдоль стены и остановился. — Горь?

Словно прерывая цепочку картин, там висело... зеркало. Верней, это сперва им показалось, что на стене висит зеркало. Потом стало ясно, что это не зеркало, а диск из полированного металла. Странного металла. В глубине его словно бы переплетались дымные спирали. Движущиеся дымные спирали. Танцующие, живые, неостановимые... Сашка взгляделся в этот танец — и... следующее, что он понял, осознал — дикий крик Горьки.

— Саш!!! — Горька вытягивал вперёд руку с браслетом. — Саш, не давай... не давай ему войти! Не давай ему войти! Не давай... **это — смерть!!!**

В оцепенении Сашка смотрел — без страха, скорей удивлённо — как через край зеркала проливается медленно и тягуче густой чёрный дым, растекающийся по полу...

А ещё через миг Сашка понял, что не может пошевелиться.

Дым обретал форму — форму человека. Казалось, это существо, безликое и колеблющееся, но в то же время плотное — старается протиснуться наружу, сюда, через какую-то слишком узкую щель; пролезает с хлюпающим мерзким звуком, вызывающим ассоциации с тёмным ночным болотом, по которому ползёт что-то жуткое и неотвратимое... Горька что-то кричал, и Сашка, хотя и не мог повернуть голову, понимал, что и его друг тоже неподвижен сейчас.

На пол в дыру прыгнул человек.

Точней — это сначала Сашка подумал, что это человек. Потом он увидел пятнистый комбинезон, кошачью эмблему на рукаве — и лишь ещё потом — мальчишеское лицо пришедшего. Бледное, с большими зелёными глазами и широкой мёртвой улыбкой. И

растрёпанные рыжие волосы.

— Меч, возьми меч! — кричал Горька, и в его крике была ужасающая мука. Сашка пытался заставить пошевелиться хотя бы палец — взяться за рукоять меча — и не мог ничего сделать.

Сторк прыгнул вперёд — быстро, молнией. В каком-то странном балетном движении проскочил под клубящимися струями (совсем рядом с лицом Сашки мелькнула всё та же улыбка, мелкие белые зубы и полнейшее, нечеловеческое безразличие в зелёных глазах) — и пропевший в воздухе сашкин меч пересёк длинные чёрные тяжи.

И всё сразу кончилось. Просто кончилось — снова висело на стене странноватое зеркало. Юноши, еле-еле дыша и обливаясь потом, осели на пол, мотая головами и не в силах понять, что случилось.

Сторк стоял сбоку от зеркала, держа в руке — в ладони рукоять, клинок на локте — сашкин меч.

— Ты не против, если я его заберу? — сторк говорил по-английски, совсем без акцента. И улыбался. — Как-никак, а я вас спас.

Горька выстрелил — мгновенно, не целясь. Пуля звонко жикнула о металл, забухтела, забулькала на рикошетах и наконец цокнула в углу об пол. Снова стало тихо — сторк несколько раз провернул меч.

— Меня можно называть Дио, — сказал он спокойно. — Я — Тень.

Его лицо — с прорезанной улыбкой — оставалось бесстрастным, но Сашка увидел, что сторк удивлён отсутствием реакции землян на это заявление. Тень? Что за тень? Сашка быстро посмотрел на Горьку, но тот лишь пожал плечами, не сводя со сторка внимательных глаз.

Улыбка сторка стала шире, он сказал:

— Я забыл, что вы просто дикари, которые только выглядят, как земляне. Ну да ничего вам объяснять я не собираюсь. Тыними браслет, — он кивнул Горьке, — и принеси перстень. И я исчезаю, после чего вы больше никогда не увидите ни меня, ни моих бойцов.

— Ты ненормальный? — спросил Сашка удивлённо. — Вы гоняетесь за нами из-за этих вещей?

— Если считаешь, что это глупо, то вам тем более ничего не стоит их отдать, — Дио чуть склонил голову к плечу. — Договорились?

— Зачем ты нас спас? — вместо Сашкиного ответа спросил Горька. Дио посмотрел на него:

— Вы в самом деле дикари, которые могли испортить всё дело. С какой стати я должен был разрешать вылезать в наш мир вещам, которые враждебны этому миру?

— Верни меч, — спокойно предложил Сашка. — И уходи. В благодарность за то, что ты нам помог... какие бы мотивы тобой ни двигали.

— Я правда не хочу вас убивать, — пояснил сторк.

— А мы тебе не отдадим эти вещи, — рассудительно ответил Сашка. — Раз они нужны тебе, значит — отдавать их нельзя.

Дио на миг прикрыл глаза и перестал улыбаться. Потом покусал губу, с интересом разглядывая землян. Горька готов был спорить, что сторк раздумывает — а не вернуть ли меч, и причина этих раздумий — вовсе не в страхе перед ними.

— Вы со мной не справитесь, — неожиданно грустно сказал Дио. — Даже если остальные придут. Даже если придут ваши животные. Я правда не сержусь на вас за то, что

вы убили семерых наших. Давайте разойдёмся и забудем друг о друге.

— Нет, — почти так же грустно ответил Сашка. — Отдай меч и уходи. И отсюда, и с планеты. Мы знаем, что вы проигрываете войну.

Глаза сторка резко расширились, полыхнули дикой злобой.

— Ты не можешь судить об этом, — ровный тон ему сразу изменил, от ярости он шипел почти в каждом слове, хоть и говорил очень тихо.

— Значит, я угадал, — вздохнул Сашка. И сделал шаг вперёд, протягивая руку: — **Меч.**

В ответ сторк ударил, бросаясь вперёд — так, что на долю мига перестал быть виден. Но ещё за долю доли мига до этого вперёд и вбок метнулся Горька. Он действовал куда медленней сторка, но... то ли случай это был, то ли ещё что, вот только они столкнулись. Дио словно бы возник из ниоткуда, ударил попытавшегося захватить его Горьку коленом, локтем, отбросил, замахнулся мечом... и в ту же секунду оказался схвачен Сашкой — в старинный "двойной нельсон". Прочный и безжалостный.

Сторк зарычал — резко, длинно, перемежая этот звук с короткими гортанными словами — ругался. Рванулся, крутясь — и захрипел, нагибая голову вперёд. Заставил себя прекратить хрип; глаза Дио налились кровью, на щеках прорезались большие, чёткие красные треугольники. Меч в его пальцах крутнулся, целя в бок Сашки — но тот резко пнул ногой по запястью сторка.

Меч зазвенел на полу. Поднявшийся Горька, кривясь, но с улыбкой, наступил на меч ногой и от бедра прицелился в сторка.

— Свяжи его, — сказал Сашка. Дио рванулся снова, опять захрипел. — Не ломай себе шею, — предупредил землянин. Сторк задушенно зарычал снова. — Да перестань же! Кому будет лучше от того, что ты умрёшь?!

— Я всё равно уже умер... — простонал сторк, в голосе его были ярость и отчаянье.

— Поклянись Предками и Радужным Мостом, что перестанешь охотиться за нами — и я тебя отпущу. Сразу, — Сашка расставил ноги шире.

— Знаешь?! — поражённо выдохнул сторк. Прикрыл глаза, расслабляясь, глубоко вздохнул.

— Читали, — вместо Сашки ответил Горька. Он держал в руках трос, но не спешил вязать Дио. — Мы и читать умеем, удивительно, правда?

— Я Тень, у меня нет Рода, — вдруг улыбнулся сторк. — Я поклянусь этим и обману.

— Интересно, зачем ты рассказываешь про это... смирно стой! — Сашка снова нажал. — Не пройдёт этот фокус. Имей совесть, Горька вон тебя даже не связывает.

— Странно, мне и правда этого не хочется делать, — признался Горька. А сторк вдруг сказал тихо:

— Вир мар ску'блют
Орст'эrrнэ ха'шукт.
Оссэ шайд'ут отандэ
Хаст, золь'ит, ру'т.

Барна фер'рейс
Фильт ф'унн зе'с
Зу'эйн ку'ир, и'ндэ,

Бетта вор файдэнс.

Вэ'рган, хва дэ'кэн,
Гэ'лифт дан так'эн.
Аль ран'гх им зид'э,
Им'анн най вюз'эн... [\[59\]](#)

Ну всё, ладно. Я сказал. Убивайте меня.

Утомлённое синее небо
Украшается первой звездой.
Вода давно не свирепа,
Берег, закат и покой.

Пылающий огненный круг
Скрывается за горизонт.
Присядем здесь, мой друг,
Лучше не сыщешь красот.

Предатели, мучители раздумья,
Не дадут спать.
Устал от этого безумия.
Что дальше, не могу знать.

— Упрямый, — грустно сказал Горька. Сашка подумал и... **выпустил** сторка, оттолкнув его от себя в сторону. Поймал и убрал на место тут же переброшенный ему Горькой меч.

Сторк неловко стукнулся плечом в стену, выпрямился, придерживая его ладонью. Сказал:

— Мои бойцы тут, за стеной крепости. Я выйду и позову их. Ваши не успеют даже выпрыгнуть из лодок.

— Ты сочиняешь стихи? — спросил Горька. Сторк совсем по-земному угукнул. — У нас тоже есть парень, который сочиняет их.

— Я читал свои только... — сторк замялся. — Только другу. У меня всего один друг. И ещё один раз читал тому, кто меня послал сюда. Он захотел послушать, и я читал.

— Ты не можешь вернуться без наших вещей? — вздохнул Сашка. Сторк присел на корточки у стены, откинулся затылком к стене, расслабленно положив руки на колени, снова угукнул. — А что за штука... — Сашка покосился через плечо, понизил голос, — ...в этом зеркале?

— Она не из нашего мира, — ответил сторк сразу — и не на тот вопрос, который задал

Сашка. — Тут много понапутано, на этой планете. Мьюри то ли не интересовались этим вообще, то ли забыли, джаго — тупые животные, а ваши владели планетой слишком недолго. Не обижайтесь, но вы и правда дикари. Даже не понимаете, что делаете. А я не хочу объяснять. Да и не смогу толком это сделать.

— Мы не обижаемся, — отозвался Сашка. — А если ты вернёшься без этих вещей — что тебе грозит?

Сторк посмотрел с совершенно человеческим удивлением:

— Ничего. Я просто не выполню то, за чем меня послали. Это тяжело. У меня ни разу не было такого за те две весны, что я живу Тенью. Я охочусь за наследием Стад'эйр... Рейнджеров. Такая служба.

Юные земляне рассматривали сидящего на корточках врага с интересом. Потом Сашка сказал:

— Вещи мы тебе не отдадим. Иди.

— Саш... — Горька дёрнулся, с сомнением покосился на своего друга. Сторк посмотрел спокойно, уточнил:

— Ты хорошо слышал всё, что я сказал?

— Иди, — повторил Сашка. — Закончится война — прилетай снова за своими тайнами. Скажи тому, кто тебя послал, что мы ни от кого не станем их прятать.

Сторк поднялся — всем телом, мгновенно, вот только что сидел в не самой удобной позе — и уже стоит в рост. Глядя перед собой, дошёл до выхода, остановился, обернулся, внимательно оглядел Сашку и Горьку. Чуть свёл брови и уточнил:

— Насчёт "закончится война" — это была шутка?

Горька фыркнул, сдерживая смех — в голосе сторка была почти обида. Сашка пожал плечами:

— Нет, почему? Похоже, вы про все эти штуки... — он покосился за спину на металлический диск, — ...знаете больше нашего. Поработаем вместе.

Бесстрастное лицо сторка словно взорвалось. Он захохотал так, что по щекам покатались слёзы, хлопнул, присев, ладонями о бёдра:

— Ш'ранд!

Продолжая звонко хохотать и мотать головой, он, на ходу доставая из рукава стилет, подошёл к стене, ловко и быстро выломал диск. Держа его под мышкой, словно какое-то обычное блюдо, прихваченное в качестве трофея, вернулся к выходу, но снова задержался, опять посмотрел на землян, всё ещё продолжая улыбаться. И сказал всё так же весело:

— Я передам Ему ваше предложение и ловлю вас на слове, как говорят у вас. И... как говорят у нас — шаа'лютт ир трок дар, желаю вам синего неба...

...Они выскочили наружу следом за сторком — сразу. Но вокруг было пусто — лишь от причала послышалось вдруг:

— Эй! Мы уже идём вас искать — или ещё нет?!

Ни Сашка, ни Горька никому не рассказали о странной и жуткой встрече в подземелье. Обычно в отряде не было тайн, но... но на этот раз они промолчали, и, что интересно, ни у кого не возникло желания ночевать в развалинах — хотя там можно было найти неплохую комнату. Вместо этого Лесные Псы обосновались чуть подальше — около сторожевой башни. Наверное, когда-то с неё было видно далеко и, похоже, там стояло какое-то оборудование — но с тех пор лес не только плотно обступил её, но и перерос. Рядом с нею было полно удобных мест для ночлега, а подальше и выше росли на склонах холмов густые, мрачные ели — их голубоватые лапы служили отличной постелью. Лесные Псы выстелили лапником большой круг, обведя его наваленными ветками и оставив в середине место для хорошего костра — и теперь все с удовольствием ступали по этому пружинящему, чуть колкому ковру, босиком, поразвесив обувь на сушку.

Об охоте никто позаботиться не успел — и на белый свет появились консервы из НЗ. Но, пока девчонки варили суп с молодой крапивой и лениво обсуждали, что вскрыть на второе, где-то бегавшие волки притащили по кролику каждый. Где они их взяли и почему не сожрали сами — неизвестно, но шесть штук уделили друзьям-людям, а остальными занялись сами, расположившись подальше от огня — оттуда слышались полные удовольствия звуки волчьей трапезы.

— Уже картошку вырыли и съели — а салом пусть подавятся враги, — задумчиво сказал Дик. — Мне тут нравится, я вам скажу. Курорт.

Никто из них никогда в жизни не был на курорте, но все значительно закивали.

— Кстати, о сале, — лениво откликнулся Мирко, устроившийся спиной к каменной стене, — развалины действуют мне на нервы.

При чём тут сало — никто не понял, но на крепость, серебристо черневшие в свете Неразлучного, оглянулись все. Да, она и правда нервировала.

— Едва ли тут живёт какая нечисть, — пробормотал Димка. Люська передёрнула плечами и зашипела:

— Ну тебя!

— Спокойно, — Димка хлопнул ладонью по обрезу, — если кто сюда сунется — я начиню картечью, будь это хоть сам старинный чёрт.

Однако, шутка "не пошла". Каждый ловил себя на том, что начал прислушиваться и всматриваться в ночь, хотя и знал — делать этого не стоит. Сашка невольно подумал: "Надо было дальше уйти, ну бы его в пень, всё это..." Потом он вспомнил о более реальных вещах — о том, что произошло в подземелье и подумал — а что, если сторки всё-таки вернуться? Но тут же ему почему-то стало стыдно, как будто он заподозрил в предательстве кого-то из друзей.

— Смотрите, — вдруг сказал Горька, — корабль.

Все посмотрели в небо. Очень высоко в небе бесшумно и быстро скользила вытянутая и чуть перемигивающаяся звёздочка... и ещё... и ещё... и ещё.

Они глядели вслед огонькам в небе, пока те не скрылись из глаз — а потом оживлённо задвигались и заговорили, словно все опасения пропали навсегда.

— Горь, сходи за водой, — попросила Галька, протягивая кожаную флягу.

— Погоди, я с тобой, — Олмер поднялся на ноги, отряхивая свои клёши.

— Пошли, — пожал плечами Горька.

Они перебрались через загородку из валежника и зашагали по прохладной траве туда, где в реку впадал небольшой прозрачный ручеёк.

— Тоскуешь? — спросил Горька, когда они отошли достаточно далеко.

— Что, заметно? — грустно вздохнул Олмер. — Тоскую. Она такая... необычная. Совсем на нас не похожа, но вот, поди ж ты... слушай, мне, может быть, надо было взять её с собой?

— Несомненно, оставив её там, ты её подверг большой опасности, — серьёзно и негромко сказал Горька. — Но с нами бы она погибла. И могла бы погубить нас.

— Никогда не думал, что влюблюсь в мьюри... я думал, что всегда буду их презирать или в лучшем случае ненавидеть...

— Надеюсь, что нет. Что это всех нас касается — нет, — тихо сказал Горька. — Жить одной ненавистью — нет...

— Разве ты... ну, мы все не так живём? — спросил Олмер.

— Сейчас — да, — Горька, выбрав глубокое место, погрузил в воду фляжку. — Но что будет потом?

— Я раньше не думал о "потом", — признался Олмер. — Я ведь даже не помню... ну, ничего не помню, что было **тогда**. А теперь — думаю... Наверное, это плохо, это делает слабым — когда строишь планы на будущее...

— Думай, — Горька поглядел с корточек на младшего. — Думай. Думать о будущем надо. Всегда. И вопреки, если уж на то пошло.

— А Сашка?

— Сашка... — Горька покачал головой. — Сашка потерял половину себя, такого не пожелаешь испытать никому. И такие раны никогда не зарастают до конца... Ну вот, хорошо, — он тряхнул фляжку и заткнул её. — Пошли.

Олмер, стоя на колене, пил с ладони. Кивнул, поднялся, отряхивая руку:

— Пойдём.

Навстречу выбежали два волка. Они молча пошли по сторонам людей, бесшумно ступая по жухлой прошлогодней листве. Ребята на ходу трепали холки своих друзей, но те уворачивались — они явно охраняли людей и не хотели отвлекаться на нежности.

— Эй, вы где ходите?! — завопил от костра Дик. — Галька без вас есть не даёт!

— Не умрёте, — проворчал Горька, бросая к огню фляжку...

...И щи, и жареные кролики были выше всяких похвал.

— Ещё бы хлеба, — пожелала Бранка. Мирко с подобающими церемониями протянул ей... настоящий чёрный сухарь, слегка прижжённый снизу. Остальные девчонки завистливо загудели, шпыняя своих парней. Сашка неожиданно засмеялся, откидываясь на еловые лапы, мягко спружинившие у него под лопатками.

— Это нашим девчонкам! — Олмер ударил по воображаемым струнам и затянул немецкую балладу:

— Der erste Hohenstaufen, der Konig Konrad, lag
mit Heeresmacht vor Winsperg seit manchem langen Tag;
der Welfe war geschlagen, noch wehrte sich das Nest,
die unverzagten Stadter, die hielten es noch fest... [\[60\]](#)

— Ты б ы меня потащила на себе? — шутливо спросил Димка. Люська в тон ему ответила:

— До первой канавы — непременно.

— А ты если будешь так жрать, — обратилась Машка к Дику, — то я тебя даже не подниму в случае чего. Понял? Дай сюда, — она забрала у него кусок зайчатины и начала лопать сама.

Возле костра окончательно воцарилась "тёплая, дружеская атмосфера". Сашка, который обычно больше молчал, начал рассказывать о том, как жилось "раньше" — его слушали внимательно и с интересом, никто даже не спросил, откуда он может всё это помнить, если ему самому тогда было лет — всего ничего.

Им было сейчас очень хорошо.

Некоторое время Лесные Псы курсировали по своим новым владениям довольно осторожно, явственно и на каждом шагу опасаясь нападения — но всё более и более укрепляясь в уверенности, что их на самом деле оставили в покое. Видимо, сторки ушли, а без них джаго бросили долгую и бессмысленную охоту.

Оказалось, что это совсем неплохо — просто отдыхать! Они охотились, ловили рыбу, купались, сидели по вечерам у костра, пели песни, отсыпались, болтали, даже играли в футбол самодельным мячом — ну и, конечно, не один куст и не одна моховая подушка были в те дни свидетелями ласк, ещё более горячих от осознания недавно так близко стоявшей смерти. И погода установилась просто отличная — ровное тепло, солнечно, иногда — ветерок и грибной дождик, а в остальное время — ясное высокое небо...

...Мирко отправился в очередную охотничью экспедицию — на лодке по бесконечным перекрещивающимся протокам. Бранку он с собой не взял и сообщил, что вернётся очень и очень нескоро. Завтра! Бранка, чтобы не засохнуть со скуки в ожидании этого "завтра", взяла с собой Гальку — и они вдвоём лазили где-то по развалинам, уже не внушавшим опасения. Нина купалась на реке. Олмер читал окружившим его волкам стихи — неизвестно, понимали ли они что-то, но слушали внимательно, вывалив языки. До вечера у них ещё было время — и стая никуда не торопилась.

Димка и Люська устроились на ветке дерева. Они в лад болтали ногами; Люська жмурилась, как сытый и довольный зверёк, а Димка аккуратно и старательно украшал её густящие волосы алыми цветами шиповника, которых набрал с собой специально для этой цели.

Дик и Машка тоже были вместе, но они предпочли валяться на еловых лапах в центре лагеря и разговаривать о серьёзном — о планировке своего будущего дома. Давненько, надо сказать, никто из Лесных Псов не вёл таких разговоров...

Горька озирал лагерь немного рассеянным взглядом, скрестив на груди руки и упираясь одной ногой в древесный ствол за спиной. Он жевал еловую иголку — и, если бы его сейчас спросили, о чём он думает, то он бы не смог сформулировать ответ и верней всего отозвался бы: "Да ни о чём."

На самом деле он думал обо всём, что происходило в последнее время. Горька любил думать. В давние и почти нереальные для землян времена он бы стал типичным забитым и никчёмным по сути "интеллигентом" — но те времена давно прошли, и он был тем, кем был; удовольствие от постоянных размышлений не мешало ему стать отличным бойцом.

Последнее время Горька всё чаще ловил себя на мысли, что думает о будущем. Раньше такого не было. Ему казалось, что мир погиб вместе с его семьёй и домом. Так когда же он снова начал мечтать? Кажется, всё-таки после той короткой встречи с умершим на их руках пилотом... а то ведь он уже и забыл, как это — думать о том, что будет — и верить в то, что это будет. Будет — Горька улыбнулся своим мыслям. Раньше он бросался в бой с уверенностью, что умрёт — не сейчас, так позже, не сегодня, так завтра. Теперь — с уверенностью, что победит снова и будет жить.

Но есть ли, ради чего? И вновь — раньше он не смог бы с уверенностью ответить на этот вопрос. Теперь — мог. Есть Галька. Есть мир открытый, ради которого стоит жить уже

потому, что это — интересно, потрясающе интересно. Есть книги, которые надо написать.

Когда в мире не станет врагов — он займётся всем этим.

Горька протянул между зубов иголку, сплюнул и машинально закусил ещё одну. Иногда ему хотелось начать писать хорошую работу о том, что он увидел. Но не было времени для чего-то серьёзного — и он лишь делал короткие наброски в блокноте, где младшие иногда писали сочинения и решали задачи.

И всё-таки после войны он добьётся, чтобы сюда прислали экспедицию. Настоящую экспедицию. И сам поведёт её по этим местам. И будет учиться — учиться на историка, чтобы открыть тайны Рейнджеров — все тайны, на которые хватит его жизни, открыть для Человечества. И потому, что это — **интересно...** и напишет настоящие книги...

...Таким образом, можно было видеть, что, "ни о чём не думая", Горька думал очень даже о многом. А главное — отлично замечал всё кругом. Появилась Нина и, усевшись со скрещенными ногами на лапнике, начала сушить волосы, широко растягивая их на растопыренных пальцах. Машка и Дик перестали болтать и начали, задыхаясь от смеха, бороться друг с другом, причём Дик нагло и бесстыже поддавался. Димка на ветке уже улёгся — свесил ногу, голова — на коленях прислонившейся к дереву Люськи. Олмер читать перестал — он лежал, откинув голову и жмурясь на Одиночку; спиной он оперся на одного волка, руки положил ещё на двух, как на подлокотники кресла, на четвёртого — водрузил ноги. Остальные волки валялись рядом, явно изнывая от безделья.

Горьке захотелось увидеть Галю, но найти её, в общем-то, не представлялось возможным. Юноша вздохнул и уже подумывал было о том, чтобы вернуться к весьма приятному ничегонеделанью — как вдруг сообразил, что отсутствует Сашка.

Очередной вздох. Горька посмотрел вверх (часов семь, не меньше...), поправил ремень, подтянул сапоги и с целеустремлённым видом зашагал на поиски друга.

— Дурная привычка — уединяться, — ворчал он на ходу. — Она может закончиться тем, что этот дурак захочет ускорить свидание с Анюткой, а кто там за что может поручиться? Разочарование же будет... Эй, лизунчики! — заорал он. Дик с Машкой возмущённо уставились на него. — Сашку не увидели?!

Синхронное мотание головами и очередная борцовская схватка с весёлым сопением и пыхтением.

— У вас командира можно из-под носа украсть, — обвиняюще заявил Горька. — Нет, но где ж он может быть? — он сплюнул иголку и запустил пальцы за ремень. — Что, совсем никто его не видел?! — обратился Горька уже ко всем сразу.

Отрицательное мычание, мотание головами и вяканье разной степени внятности показали, что: а.) Сашку никто не видел; б.) тёплый и тихий вечерок окончательно расслабил грозных Лесных Псов.

— А об ужине кто-нибудь думает? — продолжал приставать Горька к народу.

— Да что о нём думать-то? — лениво ответила сверху Люська. — Дюжину банок консервов можно за минуту открыть, а Мирко всё равно до утра не вернётся, значит, свежего мяса не будет...

— Кстати, мы давно не охотились... — Дик удобней устроился рядом с Машкой — и молчание перешло в вялотекущую дискуссию об охоте.

Горька, вздохнув в третий раз, махнул рукой на друзей и отправился наконец на поиски Сашки.

Он прошёлся до реки и постоял на причале, бросая в воду камешки. По бульканью и

кругам определил, что на середине река мельче, чем у берегов: всего метра полтора. Однако, это никак не помогло в поисках — и Горька вернулся на берег.

Обойдя по берегу и развалинам крепость, Горька оказался перед болотом, в которое превратилась одна из протоков, когда-то игравшая роль части оборонительных рубежей. Дальше начинались густящие заросли багульника; на моховых кочках зрела клюква — у Горьки приятно свело скулы при одном воспоминании о её вкусе. Сашка там, что ли? Клюкву ест?

— Кого-то ищешь?

Горька обернулся и покачал головой. Сашка сидел в нише, образованной выпавшим их стены блоком, поставив на него ноги и скрестив руки на груди.

— Лицо у вас такое, мой король,

— сказал Горька серьёзно,

— Как будто нету в этой жизни больше

Ни радости, ни счастья, ни надежды.

В чём дело? Мне откройтесь —

Глядишь, и вам немного полегчает!

Случилось что?

Дурной приснился сон?

Любимый пёс подох?

Иль, может, слуха^[61],

Крича и воя, в рог трубя,

Промчались нынче тут,

Над замком нашим?

Сашка невольно улыбнулся:

— Пустяк, Джифро.

Клянусь, в порядке всё, — отвечал он словами из той же пьесы^[62]. — Ты что, меня искал?

— Да вроде того, — Горька прошёлся по плите и указал на место напротив Сашки. — Сяду?

— Садись... Всё беспокоишься обо мне? — Сашка вытянул ноги. — Ты ещё в детстве за мной присматривал. Помнишь, как моя мама просила тебя — младшего! — приглядеть за мной?

— Плохо помню, — признался Горька. — Да и ты с тех пор сильно изменился. Сейчас-то ты едва ли нуждаешься в опеке.

— Да... Но я бы отказался от своей самостоятельности... в обмен на то, чтобы вернуть прошлое. И тем не менее — ты и сейчас беспокоишься обо мне... почти как старший брат.

— Желание уединиться иногда приводит к тому, что возникает... ну... иное желание.

Особенно когда у человека остаётся так мало якорей, которыми он держится за жизнь, как у... — Горька замялся, но Сашка без обиды договорил:

— ...у меня?

— Как у тебя, — согласился Горька. Они с Сашкой могли говорить без околичностей.

— Не беспокойся, себя я не убью, — ухмыльнулся Сашка. — Особенно сейчас. Мне очень хочется увидеть нашу победу.

— Скажи, а были моменты, когда ты не верил в неё? — Горька оседлал плиту, чтобы посмотреть на заходящую Одиночку.

— Почти всё время я не думал о ней, — уточнил Сашка. — Трудно было представить себе мир за пределами конкретного дня и других людей — кроме нас. Ну и я просто старался убить как можно больше врагов, вот и всё.

— Знаешь, а я сегодня поймал себя на мысли, что мечтаю о будущем... — Горька оборвал себя и уже беззаботно спросил: — Слушай, поохотимся сегодня с волками? Мирко ещё когда явится — а девчонки наши обленились в корень.

— Давай, — согласился Сашка. — Разомнёмся. Пусть они там за нами забегут, когда решат идти.

— Ну, мы их всяко услышим... Смотри, как Одиночка садится.

Юноши надолго замолчали, глядя на быстро катящийся к горизонту и остывающий на глазах диск звезды. Верхушки деревьев покрыла позолота, вода в протоке вспыхнула живым пламенем...

— Когда я вижу такую красоту, — как-то нехотя сказал Сашка, не шевелясь и не мигая, — то я временами удивляюсь... себе... нам... вообще — всему... как там у Олмера?

На зелёной твоей груди
Зачарованно спят дубравы,
И медовы твои дожди,
И напоены мёдом травы...

— Это не его стихи^[63],

— тихо поправил Горька. — Он просто их пел.

— А я думал — Олмер... — нехотя и по-прежнему не шевелясь, сказал Сашка. — Давай помолчим, а?

— Давай, — и Горька, повернувшись к заходящей Одиночке, сорвал травинку, но в рот её так и не сунул — застыл, глядя на закат...

— Ай, гадость! — скривившись, Бранка раздавила подошвой сапога мокрицу и тщательно вытерла ногу о траву. — Фу...

Упершись в колени ладонями, Галька заглядывала в полуобвалившуюся галерею.

— Если хочешь туда лезть — я с тобой не пойду, — решительно предупредила Бранка желание подружки. Тоненькая девушка, легко подтянувшись на уступе, вознесла себя на полуобвалившуюся лестницу. — Пойдём лучше наверху посмотрим.

— Может, там эти... бриллианты, — полушутя сказала, распрямляясь, Галя. Она поправила шнуровку куртки и так же ловко последовала за подругой.

— Мокрицы там, а не бриллианты, — фыркнула Бранка. — Надо было с собой винтовку взять.

— Мокриц стрелять?

— Ты шутишь, а я их боюсь до смерти, — надулась Бранка. — Нашлась тоже... непоколебимая... А-а-айи-и!

— Что, всё-таки мокрица? — насмешливо спросила Галька, поворачиваясь. Бранка, сидя по грудь в земле и кренделем раскинув руки, довольно мрачно, но уже спокойно поглядывала вокруг. — И куда же ты?

— Честно говоря — не знаю, — призналась Бранка. — Я висю. То есть, вишу. Тут узко, а дальше ничего нет под ногами.

— Скромней надо быть и бюст поменьше иметь, — нравоучительно заметила Галя, подавая подружке руку, — спокойно провалилась бы до дна.

— А откуда я знаю, что там? — логично возразила Бранка, выкарабкиваясь наружу. Головы девушек соприкоснулись над чёрной прохладной дырой, откуда повеяло неожиданно сухим воздухом.

Галька ударила по краю дыры и отскочила — выпал ещё больший кусок и стукнулся о дно не так уж глубоко. Дыра расширилась.

— Полезем? — почему-то шёпотом спросила Бранка.

— Я лично — полезу, — решительно сказала Галька, разматывая верёвку с плеча...

...Когда-то это, судя по всему, был опять же остаток древней крепости, над которой мьюри построили свою — пристройка к стене, погребённая под этой же обвалившейся стеной. Но крыша пристройки выдержала и была лишь пробита в паре мест. В одну из таких дыр, со временем затянувшуюся травой, и ухнула Бранка.

Мокриц, луж и прочей мерзости тут не было. Правда, по углам скрывалась масса отборных сачковых пауков, но девчонки были для них слишком крупной добычей.

— Я вот всегда думала, — глубокомысленно сказала Галька, отряхивая ладони о коленки, — чем пауки в таких местах питаются? Тут никакой добычи уже века три не было...

— Дурочками вроде нас, — мрачно сказала Бранка, озираясь. — Подождут, соберутся с духом — и набросятся толпой...

Помещение, куда они попали, вне всякого сомнения когда-то было самой обычной кухней. Тут находились две прочных печи со встроенными ёмкостями — в каждую из них можно было легко упрятать обеих девчонок (они подумали об этом одновременно и, хотя

вслух ничего не сказали, им стало не по себе...), большой открытый очаг, в котором ещё лежали дрова, наконец — третья печь, очень широкая, раньше они никогда не видели таких у мьюри.

Бранка присела к очагу, деловито зачиркала огнивом, подложив под дрова трут, который всегда носила с собой. Снопы искр выхватывали из полутьмы чёткий профиль и пряди каштановых волос, по которым в такие секунды бежали огоньки.

— Задохнёмся, — предупредила Галька, звякая какой-то посудой. — Ух ты, мне эта печка нравится! Интересно, что в неё делали?!

— Мылись, — предположила Бранка (огонь никак не занимался). — Помнишь, мы читали про это?

— Не мылись мьюри в печках... О, я, кажется, догадалась! Тут хлеб пекли! Она и похожа на их старинные хлебные ямы, только вывернутая... ну, то есть, наоборот, не в землю, а наружу... ну, ты поняла.

— Может быть, — огонь наконец вспыхнул, и Бранка, отряхивая руки, подошла ближе. — А похоже, правда.

— Хочу хлеб испечь, — Галька вздохнула. — Сколько мы уже нормального чёрного не ели...

— А что для этого нужно? — заинтересовалась Бранка. — Я не помню вот.

— Нуууу... мука, дрожжи, соль... да и всё. А, нет, дрожжи. Или закваска.

— Может, тут есть мука? — Бранка огляделась, но Галька её удержала:

— Остановись, она тут если и было — то сдвохлась за это время давно.

Бранка покорила, но тоже вздохнула:

— Сколько ж мы его не ели...

* * *

Мирко грёб одним веслом — сидя лицом по курсу и уперев ноги в одну из скамеек. В его руках весло летало, как пёрышко, при этом сам юноша казался неподвижным совершенно. Лодка шла между заросших берегов бесшумно; автомат лежал у ноги Мирко.

Он уплыл из лагеря не ради охоты. Ему хотелось побыть одному, и он сам не очень-то мог объяснить себе это своё состояние. Сейчас за спиной осталось больше пяти километров — и он спохватился. Одиночка садилась, он ещё и не начинал охотиться, а утром надо вернуться... и с обещанным. Точным ударом весла направив лодку к берегу, Мирко перескочил на сушу ещё до того, как она ткнулась в отмель — и вытащил лодку подальше на сушу. Забросив за плечо автомат, выпрямился и огляделся.

Мирко оказался на пологом берегу — точнее, на полуострове, ограниченном развилкой протоки. Дальше начинался настоящий берег, поросший редколесьем. Было тихо...

Очень, слишком тихо.

Мирко насторожился почти мгновенно. он знал — природа утихает, когда появляется разумный. Лишь он один позволяет себе шуметь в лесу, ни о чём не беспокоясь.

Юноша шевельнул плечом, и автомат плавно упал ему в руку. Он начал охоту, но охоту

не за зверем. А кто его добыча и что она тут делает — он поймёт потом...

Не прошло и полуминуты, как Мирко уже всё уяснил. Джаго — один — пришёл с берега. Постоял у воды, опираясь на оружие — не на армейское, похоже, какая-то охотничья суперпушка. Выкурил трубку их любимого зелья и ушёл. Большой джаго, но не мощный, а грузный скорей.

Об этом он подумал, уже идя по следу. Джаго в лесу ходить не умел, по его следу прошёл бы даже слепой, даже маленький мальчик, хотя бы немного интересующийся следопытством. А этот урод ломал ветки и сучья, да ещё и вонял на весь лес какими-то притираниями. Кроме того, он патрон уронил — по земной классификации, это была пушка 4-го охотничьего калибра.

Повертев патрон в руке, Мирко с улыбкой подбросил его, поймал и продолжил свой скользящий бесшумный бег.

Впереди серией грохнули три выстрела. Стреляли не в его сторону, и юноша, прибавив ходу, вскоре нагнал трёх джаго — тот, которого он выслеживал, присоединился к своим приятелям. Все трое были уже пожилые, с седой шерстью на башках, одетые в гражданские костюмы, яркие и просторные, как это любят джаго. Около минуты, крадясь следом, Мирко выслушивал их разговор — обычную ворчливую перебранку охотников-неудачников, как это прозвучало бы в переводе на любой из земных языков... но для юноши весь смысл услышанного прочно мешался с самими звуками вражеского языка. Судя по всему, эти трое были из начальства, собравшегося отдохнуть на природе... по крайней мере, так Мирко понял из первых слов, пока уже следующие не прояснили ему самое важное: эти трое тут... **прячутся.**

Да, на самом деле так. Они тут скрывались от своих же — дезертиры высокого ранга, ждавшие, когда за ними по какой-то неясной договорённости прилетит небольшой корабль и заберёт прямо с одного из местных островков. Они собирались бежать даже не на Джагган, а вообще на территорию одной из нейтральных рас. И ещё Мирко понял, что у них есть речной катер, но эта мысль мелькнула краешком, его переполняли злоба и презрение к джаго — и невиданное ликование. Враги начинали просто разбегаться с планеты! Бросая своих же подчинённых!..

...Лагерь джаго был разбит на берегу протоки. Не очень большой глиссер стоял у берега, на его крыше спал джаго в форме. Ещё один возился у полевой кухоньки. Две старых самки дремали на полуложах, ещё одна — мелкая — блуждала вокруг, о чём-то раздумывая или просто ожидая ужина. Вторая — чуть постарше — играла в мяч со своим ровесником на берегу протоки.

Мирко находился на метр выше берега — за деревьями. Он наблюдал за отдыхающими остановившимся, ненавидящим, почти безумным взглядом...

...Да. Они так же отдыхали. Он — ещё совсем малыш. Убитые мать и бабушка. Убитый младший братишка и убитая старшая сестра. Убитые. Убитые. Убитые. Вот так же отдыхали.

Но он — он живой. И он здесь. А вон там — джаго. Именно из тех, которые отдавали своим рабам-воjakам приказ убить всех землян на планете. Они и сейчас чувствуют себя в безопасности, и своё бегство, своё предательство — предательство своих же! — подготовили и обсуждают совершенно спокойно. Значит, они собираются остаться жить — убегут и будут жить, и даже победа Земли их не покарает, потому что им, похоже, плевать на свой собственный Джагган.

Неправильно, подумал Мирко, плавно и неспешно поднимая ствол. Неправильно это.

И вдруг ствол дрогнул у него в руке. Он так же медленно опустил оружие и стал вслушиваться в разговор врагов — с неверяще распахнутыми глазами, с невольно широко раскрывшимся ртом...

— Аоу! Аоу! А-у-аааа!

Большой самец дейнепара, грозно фыркая, закрутился на месте, отбиваясь от волков, хватавших его за задние ноги, хвост и бока. Длинные, как хорошие ножи, загнутые клыки влажно блестели от слюны бешенства, налитые кровью глаза сверкали, жёсткая щетина на высоком хребте стояла дыбом, как проволока. Это был крупный самец — не меньше полутора метров длиной и как бы полтора центнера весом. Такая тварь способна опрокинуть и разорвать, затоптать, гораздо более крупное и сильное животное. Волки на таких — даже одиночек — в природе нападали очень редко, зверь слишком силён даже для стаи — но теперь охоту вели люди.

Сашка выбежал из-за деревьев, как раз когда дейнепар был готов прорваться. Горька появился левей, у болота; Сашка остановился, пригнувшись и держа меч обеими руками — низко, остриём к дейнепару. Горька быстрой побегой начал обходить зверя, сжав свой кинжал по-испански^[64] и выставив вперёд левую — невооружённую — руку.

Сашка сделал колющее движение мечом и качнулся, чтобы не дать дейнепару отвлечься. Тот злобно взвизгнул — волки образовали редкое кольцо и предостерегающе рычали.

Горька двигался совершенно бесшумно, однако самец что-то учуял. Молниеносно — неправдоподобно для такой угловатой нескладной туши — он повернулся и, наклонив оскаленную башку с небольшим жёстким пяточком-тараном, бросился на юношу.

Волки прыгнули разом, каждый — к своей цели. Сашка метнулся сбоку и ударил мечом, но лишь вспорол жёсткую шкуру на боку. Ни это, ни клыки волков дейнепара не остановили.

Горька вёл себя абсолютно хладнокровно. Он выпрямился в струнку, развернулся с почти неестественной гибкой ловкостью — и, прыгнув на промчавшегося мимо зверя сверху, распластался на его спине.

— Рах! Рах! — клинок в кулаке Горьки сверкнул голубым, потом — чёрно-алым, и дейнепар рухнул. Горька — он бил точно под лопатку — перекатился в сторону и с широкой улыбкой оказался на ногах. — Вот так. Остальные где?

Самку, защищавшую пятерых детёнышей, волки зажали на краю болота. Увидев подошедших людей, она утробно захрипела, дёргая головой.

— Эта моя, — бросил Сашка, качая мечом, — ты сегодня уже развлёкся.

Юноша сделал два шага вперёд и нагнулся почти к земле. Потом хоркнул, как дейнепар — и самка тут же бросилась вперёд, почти по-человечески оскорблённая тем, что двуногое существо осмеливается издавать привычные ей звуки.

Сашка не сдвинулся с места ни на шаг. Он сейчас видел лишь одну цель — кроваво-мутный от бешенства глаз.

Острый клинок вошёл именно туда — и остановил самку в полуметре от широко расставленных ног Сашки. Упершись ногой в щетинистую морду, юноша вырвал меч и тщательно вытер его о тушу, потом — всадил в землю и, выдернув, вытер ещё раз — о куртку. Волки приканчивали детёнышей.

— Самца с самкой оставим им, — предложил Горька, тоже вытирая кинжал, — а вот мелочь заберём...

— Куда твоя-то бегала? — Сашка потрепал жоака, сунувшегося под его ласку, по ушам

и загривку; волк улыбнулся.

— Не знаю, — Горька начал возиться со шкурой самки. — Носились где-то с Бранкой, вернулись — и молчат.

— Девчонки — и молчат? — Сашка принялся помогать друг другу. — Ладно, всё равно проболтаются... Смотри, жира почти нет.

Горька кивнул, ножом вскрывая череп добычи. Сашка, ухмыльнувшись, достал маленькую деревянную солонку, открыл притёртую крышку, посыпал соль на открывшийся мозг, который Горька ловко очистил от плёнки — и Белкин, ловко подхватив кинжалом студенистый кусок, отправил его себе в рот. Сашка последовал его примеру — но по второй порции взять они не успели. В стороне мелькнула фигура бегущего. Сашка резко тьякнул по волчьей, человек — а это был Олмер — повернул к ним. Глаза германца горели азартом, он раскраснелся от бега и волнения:

— Ребята, на реке — катер!

* * *

"Если это патруль — ничего, — Сашка лежал у причала. — Пусть убираются. Пусть живут — потом наверстаем... Но если это опять ищут нас..."

Катер — не очень большой, обтекаемый, какой-то "невоенный" — шёл на малой скорости, почти не поднимая волны. На палубе не было видно вообще никого — ни людей, ни оружия. Но так или иначе — а свернул он к берегу, точно к причалу.

— С-с-с-собака... — охарактеризовал ситуацию Димка, целясь из "тунора" под ватерлинию.

Катер окончательно сбросил ход — и...

— Аоу! Что я вижу — это так меня встречают?!

Несмотря на явно недостаточное освещение, все, конечно же, разглядели спрыгнувшего на берег Мирко. Он выглядел странно — какой-то неестественно картинно-улыбчивый, с непривычно растерянными глазами, совершенно не похожий на себя. Это разглядели сразу все — и Бранка встревоженно спросила:

— Мир, что случилось?!

— Ничего, — Мирко продолжал улыбаться, но при этом не двигался с места — так и торчал на причале у матово-серого невысокого борта катера.

— Ты ранен?! — быстро и резко спросил Сашка. Мирко вздрогнул, словно в него именно сейчас попали... странная глупая улыбка исчезла, и он сказал — как будто прыгая в ледяную воду:

— Ребята четыре дня назад наши высадились в двенадцати ключевых пунктах планеты и начали... начали... начали...

Он громко захлебнулся воздухом, поднёс к глазам локоть, как будто сломался сразу по всем суставам и сел — скорей даже — рухнул — на причал.

Измученное молчание было ему ответом. И в этом молчании все услышали, как на середине протоки ударила хвостом, играя, вечерняя рыба.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ:

ПЕСНЯ ЗЕМЛЯН.

Нас не сломит беда,
Не согнёт нас нужда,
Рок всевластный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Мы, земляне, не будем рабами!

Пусть чужая орда
Снаряжает суда,
Угрожая всем нам кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Мы, земляне, не будем рабами!

Враг силен? — Не беда!
Пропадёт без следа,
Сгинет с жаждой господства над нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Мы, земляне, не будем рабами!

Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут жены и дети бороться!
Будь же верен и смел
И возьми, что хотел!
В бой — в ком сердце отважное бьётся!

notes

Я снова и отдельно выражаю самую глубокую благодарность Павлу Волкову и его замечательному сайту <http://sivatherium.narod.ru>, данные которого позволяют мне населять мои инопланетные миры самыми разными живыми существами.

"Тунор" MkIII — 40-мм пятизарядное полуавтоматическое оружие поддержки (9 наименований типов боеприпасов) разработки Англо-Саксонской Империи. По времени действия уже сильно устарело.

Универсальный автомат Калашникова — 7,62-мм автомат с 45-зарядными магазинами, интегрированный с подствольным МПГ, трёхзарядным подствольным гранатомётом-помпой кал. 30 мм. В начальный период войны являлся стандартным оружием в армии Русской Империи, но по времени действия уже сильно устарел.

Культовый поэт и певец Русской Империи, военный и политический деятель времён её становления.

Олмер Глэкнер (10 г. Первой Галактической Войны — 88 г. Галактической Эры) — германский поэт и певец. Автор более чем двух тысяч поэм, стихотворений и набросков балладного, лирического и философского плана.

На самом деле это стихи Б.Лаврова.

Стихи Дмитрия Фангорна.

"Секач" ИЖ-2 — восьмизарядное 20-миллиметровое полуавтоматическое оружие, разработанное в Русской Империи ещё до Первой Галактической Войны. Стреляет ракетами — зажигательными, осколочными, бронебойными. По времени действия уже сильно устарело.

Не следует удивляться. Автоматический пистолет "маузер" образца 1896 года широко производился в обеих Империях Человечества с середины Реконкисты, как оружие для путешественников, инженеров и т. д. Официально он нигде не состоял на вооружении или снабжении, но охотно раскупался из-за "знаковости" оружия и его грозного вида, как, впрочем, и из-за отличных баллистических и убойных характеристик. В середине же Первой Галактической Войны для оружия этого калибра стали выпускаться патроны с термитными пулями.

ККС — карабин Калашникова самозарядный. 20-зарядный "калашников" под экспансивный патрон 7,62 x 39, с удлинённым стволом и полуортопедическим прикладом-рукоятью.

Стихи И.Бродского. Один из тех многочисленных, увы, случаев, когда стихи недостижимо выше автора.

(Аналоговый перевод) Отряд молодых сторков из лучших Родов, выполняющий некую особую миссию по приказу лично Императора Сторкада.

Кр'эль — колючее ночное животное, отдалённо напоминающее земного ежа на Сторкаде. "Крум'эль" — что-то вроде "Ёжик".

Стад'эйр ("Странники" — сторкадск.) — легендарная пра-раса, оставившая по всей Галактике странные города. На Земле её называют "Рейнджеры" — первый город Рейнджеров был обнаружен землянами на Хароне капитаном "Рубина" П.В.Крапивинным 121 г. Реконкисты, за 80 лет до событий этой книги.

Намёк на те слухи, которые ходят о джаго — что своим выходом в космос и прогрессом эта раса обязана найденными на материнской планете материалам Странников, которые джаго сумели расшифровать, понять и освоить. Крум'эль хочет сказать, что джаго, владевшие планетой долгое время, наверняка не прошли бы мимо любого наследия Странников.

Тени — наследники Императора Сторкада (не кровные, кровных у него нет). Теней несколько.

"Он" — один из эвфемизмов, которыми сторки называют своего Императора.

Дио имеет в виду войну с нэрионами, шедшую за два с половиной века до описываемых событий. Тогда Нарайн едва не разгромил возглавляемый сторками, джаго и нэйкельцами альянс, но в конце концов потерпел поражение и был спасён от геноцида сторками — согласно их обычной политике делать союзников из самую малость недобитых врагов.

Волки были переселены на планету в самом начале земной колонизации — по глобальному плану "Земля Людей".

Герб Объединённых Военно-Космических Сил Земли.

"Фалька" А.Ф.1 — двухместный ударный космоистребитель разработки Англо-Саксонской Империи. Вооружение: 2 x 2 40-мм автоматических орудия; 4 x 6 15-мм пулемёта; 4 противокорабельных или крылатых ракеты; 8 прочих ракет в разной комплектации; 2500 кг. прочего вооружения. В указанное время устарел и уже давно не производится, но оставшиеся истребители всё ещё используются — как правило, для действий с орбиты по поверхностям планет.

Всегда так, проклятые ублюдки! Трусы! (англ.)

"Фалька" — "сокол" (англ. — сакс.)

Ну, что встали?! Я один и я подыхаю, идите и прикончите меня, трусливые выродки!
(англ.)

Вставай, сука проклятая! Если ты думаешь, что тебе повезло, то ты здорово ошибся!
(англ.)

Искра (англ.)

иди сюда, мохнатый... (немецк.)

Ой, извини, дружице! (немецк.)

Именно из волков этого "племени" — потомков привезённых на Одиночку земных волков — в 180 г. Галактической Эры были выведены разумные параволки.

Стихи Виктора Цоя.

Горька ошибается, и сильно, преуменьшая возраст человечества в тридцать раз. Но в это время такая точка зрения всё ещё считается вполне научной.

Это история из рассказа Роберта Говарда "Дом, окружённый дубами". Говард при жизни утверждал, что история — реальна.

8 мая — один из двух праздников, посвящённых памяти предков. В этот день вспоминают тех, кто мирным трудом закладывал основы могущества нации и страны.

В нашей реальности — это песенный текст группы "Анарион".

Во время войны неоднократно фиксировались случаи изготовления консервов из человеческого мяса. Заказчиками выступали джаго, изготовителями — фирмы калмов.

Что за... (англ.)

Стихи Бориса "Сказочника" Лаврова.

Волк отнюдь не всегда таскает добычу в зубах. Часто он заглатывает её, не жуя, а потом в нужный момент отрывает для детёнышей или даже волчицы.

Стихи Бориса "Сказочника" Лаврова.

20 июля. День общей славы русского оружия. К этому дню приурочены выпуски в военных учебных заведениях и Большой Парад.

Переселившиеся когда-то на планету мьюри искали спокойной размеренной жизни на лоне природы и сознательно отказались от большинства технических достижений своей весьма высокоразвитой цивилизации, стараясь во всё, в чём только было можно, вернуться к обычаям предков. Им это удалось, но это же сыграло с ними злую шутку — когда появились джаго, то силы защитников оказались несоизмеримо меньше сил захватчиков.

В нашей реальности это стихи автора книги.

Педология — лжеучение в педагогике, исторически тесно связанное с левацкими идеологиями и в то же время ставящее в основу работы с детьми некие "комплексные исследования", якобы позволяющие определить неизменные интеллект и психические задатки ребёнка, т. е., фактически делящее детей на касты по надуманным параметрам. Что интересно, землянину по рождению и фактически дикарю по воспитанию Димке и мьюри-создателям фильма (объективно противникам Земли, пусть и невольным) педология кажется одинаково нелепой и опасной вещью.

Стихи Роберта Бёрнса.

Ты откуда, чудо? (немецк.)

Ты на самом деле очень красивая девушка... очень-очень красивая. Я знаю, что ты меня не понимаешь, даже если знаешь русский. Вот ведь глупость... встретить тебя перед смертью! Я так хотел бы видеть тебя снова и снова... (немецк.)

На самом деле это стихи Б.Лаврова.

Эстетические критерии мьюри отличаются от земных. Идеал их красоты — светло-бронзовая кожа, чёрные крупно вьющиеся волосы, высокие скулы, округлый подбородок, большие, чуть раскосые синие глаза, плосковатый чуть вздёрнутый нос. Объективно земляне с точки зрения мьюри некрасивы — слишком резкие черты лиц, "не того" цвета кожа и волосы и т. д. — но в то же время привлекательно-необычны. Для землян внешность мьюри скорей комична, хотя и не неприятна.

Олмера фактически называет себя Ванькой-Дураком — Ганс Думм такой же персонаж немецких народных сказок, как Иван-Дурак — восточнославянских.

Я м-м-маме и папе пожалеюсь, вас накажут... (немецк.)

...опять... опять... (англ.)

Dinogeospiza strix, ночная хищная птица, напоминающая земного вьюрка. Юмор Сашки в том, что реальные размеры ночного вампира не превышают размеров воробья.

За основу взято стихотворение В.Князева "Песня Коммуны" (В свою очередь — переделка песни "Правь, Британия!".)

Луакка — сторкадская мера длины, равная 5700 метрам.

Всеотец — один из титулов Императора Сторкада.

Взять его! (сторкадск.)

О действии этих аппаратов достаточно подробно рассказано в повести Олега Верещагина "Песня горна".

На самом деле, автор этой песни — Андрей Земсков.

На самом деле, изначально это стихи Сергея Земцова.

Знаменитая "Баллада о Вайнсбергских жёнах". В 1140 году войска кайзера Конрада осадили Вайнсберг — последнюю крепость герцога Вёльфа Баварского. После долгой осады гарнизон исчерпал все средства к сопротивлению и готовился к смерти. Тогда к кайзеру пришла делегация городских женщин, умолявших его выпустить их из города и разрешить унести лишь самое дорогое. Кайзер в традициях европейской войны согласился — и на следующий день женщины выходили из города, неся на себе мужчин — отцов, братьев, мужей, сыновей... Часть свиты кайзера возмутилась и требовала уничтожить врагов, но Конрад резко оборвал их всех и сказал: "Слово короля даётся лишь однажды!" — после чего неожиданно заплакал, потрясённый верностью женщин. С тех пор город носит прозвище "Вайбертрой" — "Женская верность". К сожалению, в наш век омерзительного феминизма величие этого подвига вряд ли доступно женщинам сколь-либо массово — как, впрочем, едва ли доступно и нынешним мужчинам в их массе готовность умереть за родной город, но не сдать.

В мифологии гэлов — призраки погибших воинов. В бурные ночи они мчатся над землёй и по земле, сражаясь друг с другом для забавы. Иногда их стрелы случайно поражают людей и животных. Если слуха что-то требуют от человека — то нужно иметь огромное мужество для того, чтобы им отказать, зато отказавший им приобретает их расположение и может рассчитывать на помощь.

Речь идёт о пьесе англосаксонского драматурга-историка и офицера времён Серых Войн Дж. С.Колвилла. Пьеса "Королевский камень", акт I, сцена 2. Очевидно, текст её был одной из когда-то найденных Лесными Псами книг.

Стихи барда Рана. Стихи барда Рана.

Остриём к себе.